
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «СОЦИОЛОГИЯ»

Нарбут Н.П. — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *главный редактор*

Пузанова Ж.В. — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *заместитель главного редактора*

Троцук И.В. — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Бакиров В.С. — доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Бронзино Л.Ю. — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Гаспаривили А.Т. — кандидат философских наук, доцент, заведующий лабораторией Центра социологических исследований МГУ им. В.М. Ломоносова

Голенкова З.Т. — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН

Диас Николас Х. — доктор политологии, профессор социологии в Университете Гранады, Университете Малаги и Мадридском университете Комплутенсе (Испания)

Иванов В.Н. — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Маркович Д. — доктор философских наук, профессор Белградского университета (Сербия)

Пан Д. — доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г. — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г. — доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Сурманидзе Л. — профессор кафедры социологии и социальной работы факультета социальных и политических наук Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили (Грузия)

Татарова Г.Г. — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН

Херпфер К. — профессор политологии университета Абердина (Великобритания)

Чамбаликова М. — доктор философии, профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шубрт И. — доктор философии, профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

EDITORIAL BOARD OF THE “SOCIOLOGY” SERIES

Narbut N.P., *Editor in Chief*, D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Puzanova Zh.V., *Deputy Chief Editor*, D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Trotsuk I.V., *Executive Secretary*, DSc. (Sociology), Associate Professor of Sociology Chair of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Members of the editorial board

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of Kharkiv National University named after V.N. Karazin, academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Bronzino L.Yu., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology Chair of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Gasparishvili A.T., PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of Center for Sociological Studies of Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of the Center for Social Structure and Social Differentiation of the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor of Department of Sociology II (Human Ecology and Population) of School of Political Sciences and Sociology of Complutense University of Madrid (Spain)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor of Russian Academy of Sciences (Russia)

Marković D., D.Sc (Philosophy), Professor of Belgrade State University (Serbia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoiskiy D.G., PhD in Philosophy, Associate Professor of Sociology Chair of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research of Belorussian State University (Belorussia)

Surmanidze L., Professor of Sociology and Social Work Division of Faculty of Social and Political Sciences of Tbilisi State University named after I. Javakhishvili (Georgia)

Tatarova G.G., D.Sc (Sociology), Professor, Senior Researcher of Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Haerpfer C., PhD in Political Sciences, Professor of Political Science of Aberdeen University (United Kingdom)

Čambáliková M., Ph.D. in Sociology, Professor, Researcher at Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences, Head of Sociology and Social Psychology Chair of Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD in Sociology, Professor, Head of Historical Sociology Chair of Faculty of Humanities of Charles University (Czech Republic)

ВЕСТНИК

Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
СОЦИОЛОГИЯ

Январь 2016, том 16, № 1

Серия издается с 2001 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Šubrt I., Černý K.** Terrorism as a slap in the face of the civilized world 7
- Яцуценко Ю.В.** Этическая идентификация субъекта и «техники себя» в работах Мишеля Фуко 20

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Мудров С.А.** Идентичность, негосударственные организации и религия в европейской интеграции 34
- Парамонов В.В.** Реализуемая модель социального развития России и экономический рост 50
- Благова А.С.** Трансформация ценностей в сфере бизнеса в России и Иране: сравнительный аспект 59
- Липатова М.Е., Богатырева А.А.** Актуализация межкультурного диалога в современном интернет-пространстве 72
- Каткина А.Н.** Выборы в Европейский парламент через призму социальных медиа как электорального ресурса 85

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

Гаспаришвили А.Т. Среднее специальное образование в оценках и мнениях выпускников ссузов	92
Мухаметжанова В.С., Ивлев Е.А. Проблемы и перспективы будущей профессиональной деятельности в оценках студентов направления «государственное и муниципальное управление»	111
Неверов А.В., Давыденкова Е.С. Социальная ответственность организаций малого и среднего бизнеса в России	130

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Щербина В.В. Рационализирующие социальные технологии	141
Шиголакова Т.Б. Эффективность государственной молодежной политики в Республике Хакасия	163

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Акулич М.М. Противоречия и конфликты современного российского образования	175
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

«Нормативы смерти»: трансформация трактовок и практик ухода из жизни в современном обществе: Рецензия на книги: Протопресвитер Александр Шмеман. Литургия смерти и современная культура. М.: ГРАНАТ, 2013. 176 с.; <i>Erickson K.A.</i> How We Die Now: Intimacy and the Work of Dying. Philadelphia: Temple University Press, 2013. 192 с.	189
От косной монопрофильности к гибкой многоукладности: Рецензия на книгу: Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий. М.: ЛЕНАНД, 2015. 216 с.	202

НАШИ АВТОРЫ	207
--------------------------	-----

BULLETIN

SCIENTIFIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

SOCIOLOGY

January 2016, Vol. 16, N 1

Series founded in 2001

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Шубрт И., Черны К.** Терроризм как угроза западной цивилизации 7
- Yatsutsenko Yu.V.** Ethical identification of the subject, and "techniques of the self" in the works of Michel Foucault 20

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Mudrov S.A.** Identity, non-governmental organizations, and religion in the European integration 34
- Paramonov V.V.** The current Russian model of social development, and economic growth 50
- Blagova A.S.** Transformation of business values in Russia and Iran: A comparative perspective 59
- Lipatova M.E., Bogatyreva A.A.** Actualization of the intercultural dialogue in the Internet 72
- Katkina A.N.** Elections to the European Parliament through the prism of social media as an electoral resource 85

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

Gasparishvili A.T. Career and technical education system: Estimates and opinions of the graduates	92
Muhametzhanova V.S., Ivlev E.A. Problems and prospects for the future career: “Public and municipal administration” students’ estimates	111
Neverov A.V., Davydenkova E.S. Social responsibility of small and medium-sized business in Russia	130

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Scherbina V.V. Rationalizing social technologies	141
Shigolakova T.B. Efficiency of the state youth policy in the Republic of Khakassia	163

SOCIOLOGICAL LECTURES

Akulich M.M. Contradictions and conflicts of the contemporary Russian education	175
--	-----

REVIEWS

“Standards of death”: Transformation of interpretations and practices of dying in the contemporary society: Book Review: <i>Protopresbyter Aleksandr Shmeman.</i> Liturgija smerti i sovremennaja kultura [Liturgy of Death, and Modern Culture]. M.: GRANAT, 2013. 176 s.; <i>Erickson K.A.</i> How We Die Now: Intimacy and the Work of Dying. Philadelphia: Temple University Press, 2013. 192 p.	189
From rigid mono-economic structure to the flexible multistructure: Book Review: <i>Zamjatina N.Ju., Piljasov A.N.</i> Innovacionnyj poisk v monoprofilnyh gorodah: blokirovki razvitija, novaja promyshlennaja politika i plan dejstvij [Innovative Search in Monoprofile Towns: Barriers for Development, New Industrial Policy, and Plan of Actions]. M.: LENAND, 2015. 216 s.	202

AUTHORS	207
----------------------	-----

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

TERRORISM AS A SLAP IN THE FACE OF THE CIVILIZED WORLD*

J. Šubrt, K. Černý

Chair of Historical Sociology
Charles University in Prague
U Kříže, 8, Praha 5, Czech Republic, 15800

The article summarizes the key scientific approaches to the study of terror in the contemporary world focusing on the concepts of (de)modernization, (de)civilization, and the revival of religious movements with rational economic aims under the slogans of “just war” or “cosmic war” with the forces of evil. The author starts from Norbert Elias’ work on the civilization process and the formation of the modern state as a pacified society to underline that the problem of violence lies outside Elias’ scope, and demonstrate the existing approaches to supplementing his theory with (a) the definition of decivilization trends and the criteria for the identification of decivilization processes; (b) the description of the role and place of brutal violence in modern society; (c) a comprehensive but also heterogeneous picture of terrorism, especially suicide terrorism, i.e. its causes, manifestations and consequences. The author agrees with S.P. Huntington, that we live in a world with an increased risk of conflicts between civilizations and cultural strains rooting in the religious tradition (the re-politicization of religion and religious nationalism are considered attempts to fuse traditional religion with modern politics). Thus, the author concludes that the contemporary terrorism and especially its suicidal form is not only a specific form of (political) struggle, but also — metaphorically speaking — a “slap in the face” of the civilized Western world, an effort to challenge, shake and undermine the stability and the patterns of life in modern society. However, terrorism wants to influence not only the power system of society, but also the collective psyche of large groups and parts of the population to create a sort of theatre of horror with the rationally designed, staged and performed means of violence.

Key words: terrorism; suicide terrorism; decivilization; religious movements; religious nationalism; causes and consequences of terrorism; identity of a terrorist; Western civilization.

Norbert Elias’ work on the civilization process [6] follows the formation of the modern state as a pacified society, within which acts of violence, brutality and aggression are suppressed, uprooted, and petering out. The events and trends of bloody

---

* This chapter is partly a result of research project “GAČR no. 13-35717P Arab Revolutions and Political Islam: A Structural Approach“.

violence in the context of modern society lay outside Elias' scope. Thus Elias-oriented scholars have for a long time focused on this lack, developing those elements and principles of Elias's thinking that are useful in this regard, and at the same time supplementing them where they were not sufficiently worked out by Elias. The most developed and ambitious attempt so far is the work of Jonathan Fletcher [7], who identifies decivilization trends and defines the criteria for the identification of decivilization processes. Fletcher's conception is undoubtedly a sophisticated attempt to explain how it is possible to reconcile Elias's conception with a problem to which — in the view of his critics — he did not pay sufficient attention; namely, the Holocaust, the mass extermination of the Jewish nation by Nazi criminals in the World War II. Even if we accept that Fletcher's conception of decivilization did not come to terms with this issue, there are many outstanding issues and phenomena of the contemporary world which can be labelled using Elias's lexicon as manifestations of "rebarbarization", including some that cannot be satisfactorily explained through Fletcher's approach.

The key question underlying an entire cluster of interrelated problems is the role and place of brutal violence in modern society. If this is something that is gradually mastered, dominated, regulated and displaced in the process of civilization, as Elias asserted, according to other writers violent conflicts, terror and mass murder, are not simply excessive and against the logic of modernization, but on the contrary are integral components of modernizing tendencies. Probably the furthest to go in this direction was Zygmunt Bauman, who sees the Holocaust as a manifestation and consequence of modernization tendencies [2], but there are other authors, especially from the field of historical comparative sociology. This line starts with [20], and is characterised by considerable Marxist inspiration. It focuses on problems of revolutions, armed violence and wars [17; 18; 25; 27]. Its darker side, however, includes the work on modernization of Shmuel N. Eisenstadt; in his concept of multiple modernities the dark sides of civilization development are brought out [4; 5].

It is in this context that we must place terrorism, especially suicide terrorism, the focus of this text. Numerous investigations that are currently underway provide a comprehensive but also heterogeneous picture of this phenomenon, its causes, manifestations and consequences. Such approaches have been formulated largely outside the circle of influence of Elias's civilizational conception, so the challenge is to what extent they cohere with Elias' theory. It is not our aim to try to incorporate these approaches and integrate them into the framework of the civilization theory, our more modest and more realistic goal is an attempt to indicate which sides and aspects of these concepts could be considered compatible with Elias's approach, to contribute to a more effective explanation of current problems. Although the causes of the contemporary terrorism are elucidated in various ways, one they usually have in common is that they refer, to one extent or another, to global religious revival and return to cultural traditions. According to Samuel P. Huntington, we live in a world with an increased risk of conflicts between civilizations and cultural strains, which derive their identity primarily from religious tradition. Huntington in his provocative and widely cited article "The Clash of Civiliza-

tions?” [10], whose thesis was later developed into a book [9], was inspired by the sociologist and political scientist Gilles Kepel, author of the book “The Revenge of God” [15], in which he vividly portrays the growing influence of religious movements in societies — and especially in the politics — of all three Abrahamic religions.

This re-politicization of religion has started since the 1970s in parts of the Christian, Jewish and Islamic world due to the crisis of modernity. Compared to the global optimism of the 1950s and 1960s, when hopes were pinned on the limitless possibilities of the human mind and economic growth, science, technology and progress, unsolved problems of all kinds are piling up; despair, confusion, uncertainty and helplessness are growing. The population explosion and poverty, the spread of the AIDS pandemic, the increasing pollution of the planet, shortages of energy resources and the threat of nuclear war help to imagine the upcoming apocalypse. The roots of all these social problems from the religious perspective are forgetting God and deviation from the faith: it is a punishment of God for apostasy and our sins. Thus, religious political movements can convincingly interpret a wide variety of conceivable social problems with the help of abstract religious categories. However, in addition to their sharp criticism of the current state of society they can also offer hope for the future and present alternative solutions based on the repeated inclination of people to God. Kepel does not find the social base of religious movements in the backward, insufficiently educated, rural conservative regions or social groups, but he perceives it as a product of modernization, which was analyzed by S. Huntington.

Although Kepel in his comparative study shows that the entry of religion into the world of politics is a worldwide phenomenon, he sees the greatest potential for further development of religious movements, including militant ones, in the world of Islam. It is here that he finds the most appalling signs of the breakdown of society: uncontrolled exodus to the cities, population explosions, poverty, unemployment, the corruption of illegitimate political elites and the collapse of social functions of the state, which produce outstanding manifestations of the crisis of modernity. As to the extent of poverty, according to Kepel, the situation among Muslims today is comparable with the European proletariat of the XIXth century. Surprisingly, however, the organization and mobilization of excluded people who want to taste the fruits of modernity and prosperity was not seized upon not by Marxists, but by Islamists. If the only prospect for young people is unemployment, jihad has a greater appeal than civil liberties, even more so when authoritarian political regimes back down for nothing except the violent assertion of political demands [15: 29, 164—165].

S. Huntington seized on exactly these motifs when he pointed out the problematic nature of Islamic civilization. According to Huntington, the role of ideology and political or economic differences in the international politics at the beginning of the XXIst century is growing weaker and new key factors are shaping international events: culture and religion. Accordingly, the world is “falling apart” into eight actors (or civilizations) of international relations — the Chinese (Confucian), Japanese, Hindu, Islamic, Orthodox, Western, Latin American and — conceptually the most problematic — African. Hunt-

ington [9: 37—41], somewhat weakens the “purity” and clarity of this description when admits that civilizations can blend and overlap and even divide into sub-civilizations. For example, the Islamic civilization is composed of several “sub-cultures” — Turkish, Arabic, Persian and Malay. Neither is the West culturally-civilizationally homogeneous for it consists of two “sub-cultures” — European and North American. Huntington defines civilizations as the broadest cultural entities [9: 35]. Every civilization constitutes both objective elements — a common language group, culture, history; common customs, institutions, and especially religion — and subjective elements — self-identification of individuals with the civilization. The centre point of the author’s argument is the assertion that civilizational identity plays an increasing role in the lives of individuals and societies, and in the period of dramatic social changes at the beginning of the XXIst century this role continues to strengthen.

Huntington endorses the views of the great authors of cyclical theories (Toynbee, Spengler et al.), who understand history primarily as a history of civilizations and talk about certain cycles of the birth, rise and fall of various civilizations [9: 31]. He does so in the context of attempting to show the gradual (and relative) weakening of the West after “the arrival” of non-Western civilizations — the growth of their populations, economies and also arms arsenals, which means the typical attributes of the so-called “hard” power, hand in hand with which comes their “soft” power (prestige, and ideological influence).

What Huntington became famous for, however, was his analysis of the causes and dynamics of armed conflicts in the near future. The basic sources of conflicts would cease to be ideological or economic, and arise from cultural and religious differences [10: 22], most frequently at the borders of different civilizations. Conflicts along civilizational faults would contribute to further strengthening of civilizational identity and would be marked by increased brutality and ferocity. Faith and cultural differences, according to Huntington, are not susceptible to compromise and are more persistent than differences of class, politics or ideology (the poor can get rich, Marxists can become democrats, etc.). Thus, if it is not possible to eliminate cultural and religious differences, we cannot expect the disappearance of wars from history.

It is important to add that Huntington does not understand the clash of civilizations as something inevitable, as is often assumed. Rather he raises “a warning finger” at the discouraging interventions and interference in the affairs of other civilizations, which may at a time of general religious revival be perceived very sensitively [10: 49]. One of the highly controversial theses of Huntington is that some civilizations are more prone to conflicts than others. A great danger for the XXIst century is the potential clash of the West with the Chinese civilization, but the conflict between the West and Islam is a greater one. Therefore, the author devotes increased attention to the Islamic civilization. Why this civilization is perceived as the most problematic? Muslims, who make up about $\frac{1}{5}$ of the world population are involved significantly over-proportionally in the current inter-civilization wars. Between two thirds and three quarters of such cas-

es in the 1990s involved the clash of Islam with the actors from other civilizations. Thus, Islam according to Huntington has — and will have — „bloody borders“ [9: 213].

An important factor in the atavism of the Islamic civilization is the fact that in the past it was a powerful, sophisticated, confident and proud civilization, which considered itself superior to others. During XIXth and XXth centuries, however, on the contrary, it got into an inferior position, was subdued and manifoldly humiliated. This has given rise to resistance and desire to regain the lost position [9: 120—134, 312—330]. The prestige of Islamists also follows from the fact that they often represent the only real opposition to the authoritarian, corrupt and unpopular governments of Muslim countries. These governments have failed to provide the promised prosperity for their populations, but cooperate with Western countries, especially the United States, which in return support them and keep them in power.

American political scientist Robert Pape believes that the basic impulse for terrorist activities is not a clash of religious ideologies, but occupation, or Western military presence in Muslim countries. The author declares that even though religion plays an important role, this is only in the context of foreign occupation, and he is highly critical on the United States foreign policy [21: 114]. The resistance, which its military intervention generates, overwhelms the aims it attempts to achieve [23: 105]. Pape therefore disagrees with the principles that try to justify the continuation of the complex war with terrorism; the military occupation in his opinion is not the solution of a problem, but its cause.

Pape considers suicide terrorism as an extreme strategy for national liberation used against the military forces of the democratic countries that occupy territories regarded by terrorist organizations as their country [21: 23]. The vast majority of all suicide attacks are not isolated or random; on the contrary, they are a part of a carefully planned series or cluster. So, these are campaigns with a clear beginning and end, which also include the raising and continuous remembrance of clearly formulated political demands. Such campaigns are preceded by gradually sharpening violent conflicts (unarmed rebellion, guerrilla war, conventional war or terrorism). Suicide terrorism is then an extreme strategy to make a hostile army leave, and thus to achieve national self-determination, independence and a sense of security. The weaker side of the asymmetric conflict resorts to the tactic of suicide terrorism as a last chance in a situation where the dominance of the stronger opponent is obvious and all existing methods of fighting are exhausted and have proved ineffective and insufficient [16].

Further to Pape's views: there is another ideological stream that emphasizes the importance of emerging religious movements. The somewhat surprising return of religion to the public sphere, especially to policy on the global scale, occurred in the last two to three decades. Precisely in the context of the global wave of religious revival and recovery there occurred a global rise of political religious movements inciting confrontation between secularism, represented until recently by the prevailing secular nationalism, and religion in the form of a religious nationalism.

One of the causes of the global attractiveness of these movements is the collapse of the socialist bloc followed by the breakdown of the Soviet Union, which led to the rejection of the Soviet model for modernization and development of society. In parallel, there also was a decrease in the economic power and political influence of the United States, associated with the growth of a number of internal problems. This led to the discrediting of the Western version of modernization, to the weakening of the attractiveness of occidental secular nationalism and a turn to cultural traditions. Other factors are the crisis of legitimacy of the nation state associated with a decline in public confidence in the discredited secular political systems, leaving a vacuum filled by religious political movements promising recovery. The unfulfilled expectations of the population in the area of career and consumerism cannot be forgotten too. The devotion to the religious nationalism is to a considerable extent fuelled by the loss of faith in the rapid improvement of living standards and in the upward social mobility [3; 19].

Religious nationalism is an attempt to fuse traditional religion with modern politics. Such a “synthesis” is supposed to lead to the acceptance of modern technologies, bureaucratic forms of the nation state, democracy and other elements of modern industrial societies, but to be accompanied by a strong identity with the national community, the legitimacy of state institutions, and confidence in political leaders. Religious nationalism represents a modern phenomenon, not a product of anti-modern forces. As stated by the American sociologist Mark Juergensmeyer, religious nationalists are modern without being modernists [12: 242].

Religious nationalism is primarily directed against the still dominant nationalism of the secular model. It thus problematizes the western view on nationalism, according to which a nation is derived from the “secular social contract” that unites on the basis of free will all rational actors who inhabit the given territory. Religious nationalism represented by religious movements and political parties or politicians wants to provide another basis for defining a nation and its identity. It is no longer about territory, political rights or class struggle (descriptions of secular nationalists or Marxists), but about the moral battle between good and evil, God and Satan (according to religious nationalists). Even if it may seem that a monopoly on the religionization of politics is held by Islam, which is aggressively connected with the policy in other parts of the world, the inclination of Western observers to understand many Asian religions, e.g. Buddhism or Hinduism, as the personification of nonviolence, peacefulness and apoliticality, hardly corresponds to reality.

Religion is not the only cause of political violence, but it is not an entirely innocent and passive victim of the abuse of political activists, deviant groups of religious extremists, or socio-economic or political problems. It is rather one of a whole cluster of independent variables (besides factors of social, economic and political nature), which by mutual interaction give rise to the development of the phenomenon of religious terrorism. Religious rebellions are not newsworthy in history. The real novelty of the current movements is that they represent a new phase in the development of nationalism in a period of a general crisis of secular ideologies and secular nationalism. Religious

nationalism is a reaction to the crisis of the modern secular state, which it however does not intend to destroy, but to reconstruct, and to give it a new source of legitimacy, to cure its ailments by an infusion of moral and social values derived from the common religion. For the movement of religious nationalism it is typical to emphasise national goals and national interests, and at the same time pursue policy marked out by the borders of national states, thus, nationalism clearly outweighs the “civilizing element”. Instead of a clash between civilizations a la Huntington [9; 10], we have so far witnessed intense conflicts between two types of nationalism within individual states or civilizational circles [14: 201].

Religion, which stands apart from the state and its monopoly on the legitimate violence, is the only alternative entity capable to convincingly justify killings, and is a permanent source of possible violent opposition to the state. In the case of terrorist groups arising from religious nationalism, we encounter attitudes based on a particular way of seeing and interpreting the world. Although this world may seem peaceful and non-violent to mainstream society, through the “optics” of militants a conflict is sometimes subtly hidden and insidious, and at other times completely open. Ordinary people have not noticed it or do not want to admit uncomfortable facts for various reasons, and would rather bury their heads in the sand. This optics combines with an expression of cosmic war [11]. What people outside the movement commonly understand only as a partial societal problem or limited political controversy, religious militants see as part of a much broader moral and spiritual struggle not supposing any compromises. Thus, they embed current problems and conflicts into the broader transcendental context and interpret them: (a) as a part of a broader, metaphysical and pan-cosmic conflict between Good and Evil, pure forces of God and impure forces of Satan, order and chaos, light and darkness and/or (b) as a part, a continuation or an outcome of mythological or famous historical battles led by members of a given religion in times that long ago or recently passed. The movements of religious nationalism and militant religious terrorism make their political careers depending on how well and convincingly they identify a variety of “earthly” problems as advancing the dark forces of evil, put them in the context of cosmic war, and popularize this specific way of ‘reading’ the world.

The alleged duty of every ‘true’ believer is considered to be taking a stand for the defence of the good against the dark forces of evil. The idea that the world has already been at war for a long time — even if the “corrupt” and secular majority have not noticed that — and that the religious movements are the side attacked and not the aggressor, is based on the concept of the just war; violence is permissible in the case of defence provided all other options are exhausted. These conceptions are present in various forms in every religious tradition, and theological terms justify the use of violence, which would hardly be defensible in times of peace. Therefore, for people outside terrorists’ movement terrorist acts are extremely confusing, shocking and unjustifiable, because they undermine the existing peace and non-violent course of the world, from the activist perspective they are regarded as legitimate, responsible and morally commendable efforts to resist the advancing forces of evil in all its forms. Thus, actions in the real

world are conceived through the optics of cosmic war; terror is understood as a „message“ to the mainstream society, as an attempt to lead it out of passivity and lethargy, as an attempt to open its eyes by the „shock therapy“ and to make it realize that a fierce struggle of God and Satan is under way.

As a rule, the conflicts help disoriented individuals to find their path in the world, and therefore act as a some kind of compass providing them information on about ‘who I am’, what side I am on (on the side of good, truth, God, etc.), why I suffer or why I am personally unsuccessful; what are the sources of my humiliation and why the whole world and my own life develop in the “wrong direction”. Activists describe their awakening as an ‘aha’ moment: on one hand, this means the end to the confusion and frustration arising from the fact that they absolutely do not understand the world around them; on the other hand, they are somewhat disappointed by the fact that they are quite unable to bring about a similar ‘aha’ moment in the rest of society.

The optics of cosmic war fulfils a number of functions for religious movements and their members: they morally justify the use of violence regarded as a defence against ongoing aggression. In a period of true peace, the use of violence on the contrary would be unjustifiable, immoral and reprehensible. However, if the world is at war one can stand on the side of either good or evil. This alarmingly blurs the distinction between soldiers and civilians and justifies attacks on civilians. The prism of “cosmic war” also promises final victory in situations that otherwise look completely hopeless and lost in advance. The part of religiously inspired ideologies is a “narration” of the final victory of good, truth or God, and the offer of unimaginable positive changes both in personal and social life. These narrations may be called a “doping of hope”, and such movements “rope a dope with the dope of hope”.

In such a religiously predefined conflict, it is very difficult to reach a compromise for “Satan” cannot be repaired or “reformed” — only destroyed. In the monumental conflict between good and evil, only the forces of light or darkness, order or chaos can win; these two opposites can hardly coexist over a long period. This uncompromising view results in efforts to fight to the end. Terrorist movements “produce” not only martyrs, but also enemies. An enemy is easily identifiable in situations where people experience oppression and injustice; otherwise it must be “made”. Regarding the selection of targets and the timing of attacks Juergensmeyer states the centrality of space and time [12: 120—139]. The sites with a strong symbolic meaning are chosen as targets; attacks occur at moments, which underline their importance. Choice of place and time fits into the religious terrorists’ logic of interpreting the world, while at the same time acts are stage-managed as an engaging theatre with the aim of provoking such terror that the real power of the perpetrators is over-estimated. The media mediate acts of violence to a historically unprecedented large audience in an unprecedentedly quick time. For much of history such events were known only to a limited group of people (for instance to members of the government, authorities and the police, or to immediate witnesses). Today a global audience has been created, and it is increasingly the intended audience of terrorists.

The perpetrators of these attacks usually do not consider themselves as terrorists and reject this label. They rather declare themselves as militants, freedom fighters, etc., and they call their actions martyrdom missions or defensive actions [8]. Whether violence is understood as legitimate or not (then it is commonly called terrorism) it is derived from the general view of the world and its interpretation. If people are convinced that peace is priority, then violence is shocking and considered terrorism. On the contrary, if they share the belief that there is a war — perhaps in hidden forms — they regard acts of violence as legitimate and justifiable, and a terrorist can be considered a freedom fighter or a fighter for truth.

Pape [21], when analyzing terrorists organizational logic, implicitly uses the theory of rational choice. Terrorists and their opponents in his interpretation act as homo economicus; the principles of the economic world also function in the non-economic one. Both sides of the conflict are rational and pursue their interests. At the same time, they look for the most effective strategies to minimize their costs and maximize revenues. According to Pape, all suicide campaigns are mainly a response to the foreign military occupation, but not all such occupations result in suicide terrorism — only if democracies are a target. This is a strategic choice because they are perceived as “soft”, more vulnerable than dictatorships, where, due to the censorship, campaigns do not gain the same amount of publicity. The public has a low threshold of tolerance of the suffering and economic costs associated with the continuation of the occupation. Furthermore, it is highly equipped through elections and civil liberties to influence political decisions and thus force the withdrawal of troops. Therefore terrorism aims at punishing voters, who are perceived as co-responsible for the current situation. In addition, it is assumed that democracies will not wreak revenge too cruelly on civilians.

There is an extensive literature on the psychology of terrorists. Deductive approaches to the specific personality profile or abnormality of terrorists are summarized by Michail Treblin [24; 28]. By contrast, John Horgan [8] expresses doubts about this, and on the basis of extensive empirical research among convicted terrorists proves the hypothesis of the existence of “terrorist personality” recently challenged by, for example, Jurij Antonian [1] or the analysis for the British secret service MI6 [26]. Juergensmeyer too refutes the common assumption that perpetrators are psychologically abnormal individuals, psychopaths or sadists, taking pleasure in violence, etc. In most cases, they are mentally absolutely normal individuals living an “orderly” life, and respected in the neighbourhood. Robert Pape adds that suicide terrorism is neither the result of irrational behaviour in the heat of passion nor the desire for revenge and retribution for perceived wrongs or casualties, but the result of a rational calculus of organizations that pursue political goals and select the most effective means to achieve them.

Indeed, all attempts to convincingly demonstrate any relationship between terrorism and marginalization have failed [12—14]. According to Pape [21; 22], terrorists are far from being peripheral alienated radicals. They are also mostly not religious fanatics who are eager for martyrdom as a ticket to paradise. And they are not an extreme minority isolated from the moderate majority who condemn violence. Without the support of

the wider community, organizations would not be able to maintain their suicidal campaigns for an extended period. They need a steady supply of volunteers, the agreement and material support from the community. Terrorists are recruited from a wide range of social groups, including both university graduates and illiterates, parents with families as well as singles, unemployed and people with promising careers, both men and women, from 13-year old children to mature woman in their fifties. On top of that, suicide terrorism tends to occur rather in moderate-income countries than in those that are truly poor.

The personal motives for participation in suicide missions also have nothing in common with ordinary suicides despite the fact that we adopt the cliché “suicide assassins”, because we meet with it most frequently in peacetime and are unable otherwise to explain such an extreme and incomprehensible act. Robert Pape argues that terrorists are more likely to be altruists who sacrifice for their community, like soldiers in a war for the defence of their unit or homeland [21: 171—198]. An altruistic individual prefers the interests of the whole over his private interests. The greater value he attributes to his community, the more willingly he makes sacrifices for it. If the community approves the martyrdom cult and sacrifices in the form of suicide missions, and if the individual can earn posthumous prestige and the recognition of the wider community, altruists have a unique opportunity to sacrifice for their country to become heroes of the nation, and receive posthumous honours and awards.

There is an important mechanism in the preparation of terrorists — their progressing radicalization within the terrorist group, which will eventually result in the determination to carry out an attack. Such groups are generally very heterogeneous in terms of their demographics, psychology and socioeconomic origins. Definitely, they are not unequivocal marginals suffering from social exclusion, unemployment, poverty and a lack of perspective, even though such are sometimes found among them. Individual participants may join spontaneously soccer teams, visit fitness centres, cafes or bookstores. Long-term face-to-face contact is a key for their communication. To some individuals this community also offers a kind of surrogate family, or home, accompanied by a sense of belonging and recognition.

Despite often very strong and cordial relations within groups of militants, it is not easy to keep a long-term uncritical confidence in the activities of the movement and retain high group solidarity. For this reason, these organizations often create communities isolated from the rest of the world, and therefore there are many terrorist attacks intended for an internal audience, to restore the unity of the movement or group, to increase influence within the group, or to demonstrate to members that it makes sense to keep on fighting. In other words, many terror acts are not the result of the strength, but on the contrary of the crisis or absolute collapse of the movement (e.g. after signing of peace agreements).

Pape calls the first stage of terrorist group formation “filtering”; the second phase is the “discovery” that despite their diversity they have a common interest, which be-

comes the lowest denominator of most of their conversations — outrage over the military occupation of the “homeland”. The third phase is “cutting off” from the neighbourhood — they spend more and more time together, limiting their contacts with the outside world and isolating themselves from previous social ties (reject wives, parents, colleagues, friends, etc.). They often rent a flat together; they exchange messages, talk late at night and mutually reinforce their resentment over the behaviour of the enemy and supposed sympathy for its victims. The last phase is the “determining” often provoked by a strong event and leading to the decision to abandon idle talk and come up with a clearly scheduled action [23]. On the basis of joint actions and demonstrated bravery the individual gains recognition and positive self-assertion. The high social cohesion and solidarity of the group and its sense of “brotherhood” is manifested in actions of increased bravery and heroism due to which the individual is willing to sacrifice for others.

At the same time there comes a significant authorization through symbols. The shared idea of cosmic war does not only contribute to strengthening the cohesion of the terrorist group, but also becomes a source of self-respect and positive self-evaluation, through which individuals can feel like real soldiers participating in the key historical and metaphysical conflict, fighting on the right side of the barricades to defend truth, goodness and God against the advancing forces of lie, darkness and evil. They have a chance to change the current direction of world history and their own lives. The feeling of dissatisfaction with one’s life is quite common to anyone; the opportunity to participate in the fight against evil on the side of God may seem a very attractive way to do something about it.

With some simplification we can describe terrorism and especially its suicidal form not only as a specific form of struggle, but also — metaphorically speaking — as a “slap in the face” of the civilized Western world, as an effort to challenge, shake and undermine the stability and the patterns of life in modern society. According to Norbert Elias, all features of civilization can develop only in a pacified society, under the stable state monopoly on the means of violence. The phenomena we consider develop in the situation when such stabilized monopoly is missing, struggles for power are taking place, or there are efforts to demonstrate its weakness and ineffectiveness. Terrorism is a significant and currently widespread tool of these struggles. At the same time, it has consequences, which in Elias’ interpretation are associated with the concept of psychogenesis. Terrorism wants to influence not only the power system of society, but also the collective psyche of large groups and parts of the population. In this sense, the task of terror is to create a sort of theatre of horror to shake the stable patterns of the modern civilized world. With such a goal, terrorist actions are rationally designed, staged and performed. The two-sided impact of terrorist activities — power-social and individual-psychological — confirms the belief of Norbet Elias that these two levels are interdependent.

REFERENCES

- [1] *Antonian J.* Lichnost terorista i voprosy borby s terorizmom [The identity of terrorist, and the fight against terrorism] // Kudrjavitsev V.N. (ed.) *Borba s terorizmom*. M.: Nauka, 2004.
- [2] *Bauman Z.* *Modernita a holocaust*. Praha: Sociologické nakladatelství (SLON), 2010.
- [3] *Davie G.* *Europe: Exceptional Case*. London: Orbis Books, 2002.
- [4] *Eisenstadt Sh. N.* *Multiple Modernities: der Streit um die Gegenwart*. Berlin: Kulturverl, Kadmos, 2007.
- [5] *Eisenstadt Sh.N.* *The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity*. Leiden: Brill, 2006.
- [6] *Elias N.* *Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen*. Bd. 1., II. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1976.
- [7] *Fletcher J.* *Violence and Civilization: An Introduction to the work of Norbert Elias*. Malden: Polity Press, 1997.
- [8] *Horgan J.* *The Psychology of Terrorism*. London-New York: Routledge, 2007.
- [9] *Huntington S.P.* *Sřet civilizací*. Praha: Rybka Publisher, 2001.
- [10] *Huntington S.P.* *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72. No. 3.
- [11] *Juergensmeyer M.* *From Bhindranwale to Bin Laden: A search for understanding religious violence* // Cady L.E., Sheldon S.W. (eds.) *Religion and Conflict in Asia: Disrupting Violence*. London: Routledge, Taylor and Francis Group, 2006.
- [12] *Juergensmeyer M.* *Global Rebellion: Religious Challenges to the Secular State, from Christian Militias to al Qaeda*. Berkeley: University of California Press, 2008.
- [13] *Juergensmeyer M.* *Terror in the Mind of God. The Global Rise of Religious Violence*. Berkeley: University of California Press, 2000.
- [14] *Juergensmeyer M.* *The New Cold War? Religious Nationalism Confronts the Secular State*. Berkeley: University of California Press, 1994.
- [15] *Kepel G.* *Boží pomsta. Křesťané, židé a muslimové znovu dobývají svět*. Brno: Atlantis, 1996.
- [16] *Krueger A.* *What Makes a Terrorist*. Princeton: Princeton University Press, 2007.
- [17] *Mann M.* *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- [18] *Mann M.* *The Sources of Social Power*. Vol. 1—2. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- [19] *Moghadam A.* *A Global Resurgence of Religion?* Cambridge, Weatherhead Center for International Affairs — Harvard University, 2003.
- [20] *Moore B.* *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. London: Allen Lane, 1967.
- [21] *Pape R.* *Dying to Win. The Strategic Logic of Suicide Terrorism*. New York: Random House, 2006.
- [22] *Pape R.* *The Strategic Logic of Suicide Terrorism* // *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97. No. 3.
- [23] *Pape R., Feldman J.* *Cutting the Fuse. The Explosion of Global Suicide Terrorism and How to Stop It*. Chicago: The University of Chicago Press, 2010.
- [24] *Post J.M.* *Leaders and their Followers in a Dangerous World: The Psychology of Political Behavior*. Ithaca: Cornell University Press, 2004.
- [25] *Skocpol T.* *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- [26] *Šřítecký V.* *Psychologie teroristického jednání* // Souleimanov E. (ed.) *Terorismus. Pokus o porozumění*. Praha: Slon, 2010.
- [27] *Tilly C.* *Coercion, Capital and European States, AD 900—1990*. Oxford: Blackwell, 1995.
- [28] *Treblin M.P.* *Terorizm v 21 vieke [Terrorism in the XXIst century]*. M.: Nauka, 2004.

ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

И. Шубрт, К. Черны

Кафедра исторической социологии
Карлов университет
ул. У Криже, 8, Прага 5, Чехия, 15800

В статье обозначены ключевые научные подходы к изучению феномена терроризма в современном мире, в основе которых лежат такие понятия, как «(де)модернизация», «(рас)цивилизация», «религиозное возрождение», рациональные экономические цели религиозных движений под лозунгами «справедливой войны» или «космической войны» с силами зла. Статья начинается с обращения к работам Н. Элиаса, посвященным цивилизационным процессам и формированию современного государства как умирного общества, однако эти работы оставляют за рамками рассмотрения проблему насилия. По мнению авторов, существует несколько возможностей дополнить теорию Элиаса проблематикой насилия: (а) определение тенденций расцивилизации и критериев идентификации соответствующих процессов; (б) обозначение роли и значения жестокого насилия в жизни современного общества; (в) выстраивание связной многоэлементной картины террора, особенно самоубийственного терроризма, т.е. описание его причин, проявлений и последствий. Авторы согласны с С.Ф. Хантингтоном в том, что мы живем в мире, где постоянно возрастает риск междоцивилизационных конфликтов и культурных противоречий, корни которых лежат в религиозных традициях (по сути, речь идет о реполитизации религии и религиозном национализме — они стремятся инкорпорировать постулаты традиционной религии в политическую деятельность). Авторы приходят к выводу, что современный терроризм, особенно его самоубийственные формы, — это не просто особый вид (политической) борьбы, но также, если использовать метафорические конструкции, «пощечина» западному цивилизованному миру, попытка испытать на прочность и разрушить стабильные основания жизни современного общества. Причем терроризм стремится повлиять не только на политическую систему, но и на коллективную психику больших социальных групп и общностей, чтобы создать своеобразный театр ужаса, используя для этого рационально отобранные, просчитанные и апробированные средства насилия.

Ключевые слова: терроризм; самоубийственный терроризм; расцивилизация; религиозные движения; религиозный национализм; причины и последствия терроризма; идентичность террориста; западная цивилизация.

ЭТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТА И «ТЕХНИКИ СЕБЯ» В РАБОТАХ МИШЕЛЯ ФУКО

Ю.В. Яцуценко

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Если образ индивида, с рождения попадающего в созданную до него и без него социальную реальность, стал привычным, то Мишель Фуко, проблематизируя генеалогию современного субъекта, обращает внимание на условие, по которому индивид даже в такой «готовой» реальности не является данностью для самого себя. Соответственно, можно говорить о процессах, практиках самоопределения индивида, о типах *субъективации*, т.е. о том, как индивид может искать и находить свое место в уже настроенных системах социальных отношений. В качестве концептуального решения мы берем «техники себя» Фуко, которые можно определить как наборы представлений и практик, с помощью которых индивид воздействует на себя и встраивается в какие-либо этические системы (системы знаний, норм поведения, властных отношений). «Техники себя» имеют сугубо социальный характер, они не только не постулируют этической самобытности индивида, но, наоборот, предполагают необходимость идентификации индивида со ссылкой на социальный порядок. Фуколдианские «техники себя» позволяют концептуализировать совпадения представляющихся анонимными процессов *правления* и индивидуальных процессов определения себя, при этом «техники себя» применяются в качестве указателя для моментов, когда субъект этической системы сам себя нормирует. Распознавая «техники себя» в действиях субъектов, можно рассматривать правление не как насильственное подчинение, но как базовое состояние социальных систем взаимоотношений. В целях проверки эвристичности концепта «техник себя» в статье разбираются античная и раннехристианская модели субъективации, противопоставленные Фуко по формам доступа субъекта к общемировоззренческим «истинам» данных этических систем. Если, следуя античным «техникам себя», индивид становится полноценным игроком на этическом поле, то, выполняя раннехристианские техники, субъект должен признать свою онтологическую неспособность утверждать праведное, исходя только из собственного опыта. Сопоставление позволяет, например, объяснить различия форм наставничества и целей самоконтроля.

Ключевые слова: «техники себя»; религиозная этика; идентификация; субъективация; позитивное основание субъекта; историчность субъекта; правление; Мишель Фуко.

При изучении моделей индивидуальной навигации в русле определенной этической системы мы обращаемся к предложенному Мишелем Фуко положению об историчности субъекта. Это подразумевает, во-первых, множественность этических систем, а, во-вторых, разнообразие способов и практик, через которые индивид становится субъектом соответствующей этики. Последняя задает тип отношения лояльного ей субъекта к миру, обществу, к другим и к самому себе. Процесс конституирования индивидом своего Я в конкретных этических рамках мы будем вслед за М. Фуко называть субъективацией. По сути речь идет о самоидентификации, развернутой не на противопоставлении субъективного и объективного относительно индивида, но на их совместной работе вплоть до невозможности различения. Индивид не просто принимает существующий порядок, но и сам

на себя обращает требования этической системы. Фуко предлагает уйти от истории социальных процессов, где само общество рассматривается как субъект; так же как и от исследований субъекта без истории. Вместо этого стоит обратить внимание на формы понимания субъектом самого себя и практики становления субъекта в исторической ткани (*la trame*) [10. С. 147].

По Фуко, западная культура со времени модерна складывалась из попыток утвердить *позитивное основание субъекта*. Юридические институты, медицинские и психиатрические практики вычерчивали позитивную фигуру человека. Позитивным основанием можно назвать каждую попытку представить незыблемой какую-либо детерминацию индивида.

Подобная эссенциализация человека оборачивается стремлением распознать и растолковать, чем же человек (в том числе я сам) является «на самом деле». Эту проблематику Фуко называет *герменевтикой себя* и предполагает, что именно на ее оси собрана западная культура модерна. Фуко связывает современное явление герменевтики себя с христианским наследием и подробно разбирает религиозные случаи субъективации. Во-первых, интересно, на основе каких представлений и с помощью каких практик индивид открывает истину о том, кем он является, а во-вторых — какие права на добытую истину о себе общество оставляет индивиду, а какие приписывает себе. Исходя из этого Фуко инициирует генеалогию субъекта как исследование отношений субъекта и истины. На нерелигиозные формы герменевтики себя Фуко указывает, проблематизируя психиатрию и психоанализ.

В лекциях «Субъективность и истина» и «Христианство и исповедь» (*Christianisme et aveu*) (1), прочитанных в Дартмутском колледже 17 и 24 ноября 1980 г. [5], Фуко предлагает изучать историчность систем знаний, позитивирующих социального субъекта через типизацию практик обращения с истиной об индивиде и, как следствие, практик субъективации. При этом каждая этическая система соотносится с определенными *техниками себя* (2), которые в свою очередь проявляются в техниках тела, ценностных системах, рутинах и, в общем, во всех действиях субъекта. Перед фактом своей содержательной изменчивости этические системы теряют возможность работать с качествами человечества как с константой или сущностью.

«Разговор о субъективации предполагает, что субъект не является данностью для самого себя, но конструирует, производит, создает себя исходя из некоторого числа техник, например техник письма, чтения, техник испытания и проверки своих действий, мыслей или представлений, техник воспоминания и знания о себе. На самом же деле, точнее будет сказать, что то, что производится этими техниками, это не столько Я, сколько отношение к себе, отношение к определенному Я» [14. С. 11].

В зависимости от этической системы индивиды ориентируются на разные истины, по-разному понимают и преобразуют себя. Нас в большей степени интересуют религиозные этики, а соответственно и техники себя, построенные на пред-

ставлениях о высших силах, абсолютных законах, смыслах, о формах вечной, внеземной жизни. Однако Фуко нельзя без оговорок причислить к исследователям религии, ни даже истории религии, поскольку феномен самого священного не попадает в его фокус.

Как отмечает Филипп Бюттген, работая с религиозным материалом, Фуко развивает проблематику «Политики истины» [9. С. 2], где продолжает свои изыскания по генеалогии современного субъекта. «В центре размышлений Фуко находится историчность субъекта, а не историчность христианства как такового» [15. С. 1].

ТЕХНИКИ СЕБЯ

Конкретной исследовательской инициативой Фуко в рамках генеалогии современного субъекта выступают идея и применение концепта *техник себя* — модели самоидентификации. Несмотря на то, что техники себя предполагают самостоятельное определение и изменение индивидом своего положения, они всегда вплетены в институциональный контекст. Другими словами, техниками себя индивид не создает себя с нуля, с космической единицы. Скорее речь идет о том, как индивид может воздействовать на себя, что он может сделать с собой в пространстве социальных детерминаций. Техники себя — это явление интерсубъективного уровня, они включены во властные отношения и относятся к феномену *правления* в широком смысле последних слов.

Процессы правления в обществе не замкнуты на юридических структурах: «в действительности всегда используется что-то другое» [11. С. 113], и техники себя этому пример. В социальном феномене правления нет противостояния двух четко оформленных сил. Фуко обращает внимание на то, что управляемые всегда руководствуются структурой, которая и позволяет им быть таковыми. Именно это Фуко называет структурами себя или *техниками себя*. Правление не сводится к организации насилия, а жизнь индивида в обществе не объясняется через точно заданные каналы трансфера между внешним и внутренним. «Мы не должны воспринимать отправление власти как чистое насилие или грубое принуждение. Власть реализуется в сложных взаимоотношениях, и эти взаимоотношения основываются на ряде рациональных техник, эффективность которых зависит от умелой интеграции технологий принуждения и технологий себя. Я полагаю, что мы должны избавиться от в той или иной степени фрейдовской схемы — вам она известна, — схемы интериоризации закона внутрь себя. К счастью, с теоретической точки зрения, — и, возможно, к несчастью с практической — все гораздо сложнее» [5. С. 73].

Таким образом, с одной стороны, техники себя включены в общую систему властных отношений и тесно сплетены с практиками принуждения. С другой — они все же остаются техниками *себя*, практиками самостоятельной трансформации. «...В любом обществе, каково бы оно ни было, существует еще один тип

техник: техники, позволяющие индивидам самостоятельно совершать определенное число операций над своими телами, над своими душами, над своими мыслями, над своими поступками с целью трансформации себя, преобразования себя и достижения состояния совершенства, счастья, чистоты, сверхъестественной силы и т.д. Назовем эти техники техниками или технологией себя» [5. С. 72]. Где-то в массиве этих техник проходит постоянно текущая, динамичная грань между социально-позитивным основанием субъекта и свободой как неопределяемыми возможностями трансформации субъекта. Индивид свободен в обществе по мере своей неопределимости.

В социологическую перспективу техники себя попадают потому, что они не работают в вакууме, им необходим заданный объективный контекст, организованное этическое пространство. Причем нормы и *другие* нужны и для контраста, и для ориентира. «Техники себя всегда осуществляются через уловимые и обнаруживаемые социальные отношения, сообщества, группы и даже институты, такие как, например, школы или общины. Техники себя глубоко социализированы. К тому же, определенное отношение к себе, к своему Я, всегда устанавливается с помощью учителя, руководителя или друга, которые вырывают нас из инерции идентичности, полученной и зафиксированной родительским воспитанием или обществом. Именно в этом смысле этическое измерение неотделимо от педагогического, ни от общественных отношений в целом. Принятие какой-либо техники себя происходит совсем не отстраненно от другого и других, но, напротив, оно их изначально предполагает» [14. С. 13].

ДВЕ МОДЕЛИ СУБЪЕКТИВАЦИИ

К предмету, предложенному Фуко для исследования практик формирования идентичности, подступиться непросто. Идея — развести на два полюса типовые черты построения субъектом своего отношения к истине. В качестве полюсов выступают такие масштабные социально-исторические феномены, как христианская и античная этические системы. Мы выделяем два основных критерия этого сопоставления: 1) функция и диктуемый ею формат высказывания истины о себе; 2) гетеро- или гомогенность общей мировоззренческой истины этической системы и истины о себе.

В христианской модели субъективации в большей степени проявляется императив знания о себе, а в античной — заботы о себе. Императивы *знания о себе* и *заботы о себе* постоянно работают в обеих моделях, типизация же проводится не по исключению одного из них, но по преобладанию. В процессе субъективации «по-античному» *знание себя* значимо, но оно записано в категорию средств, а не самодостаточных целей. Обратное этому, в субъективации «по-христиански» как вспомогательное присутствует требование *заботы о себе*.

Важно сразу обозначить, что императив заботы о себе не пересекается с эгоизмом, нарциссизмом, индивидуализмом (с заботами только о себе), ставя-

щими интересы индивида превыше его окружения. Наоборот, забота о себе всегда скоординирована с этическими, политическими идеалами и предполагает внутренний, самостоятельный разбор, оценку и постоянный контроль индивидуальных действий. Подобные практики могут наделяться разными целями: для античной субъективации это воспитание достойного и этически автономного индивида; для христианской — более точное исследование индивидуальных помыслов, желаний, страстей, необходимое для выявления сил, которым этот индивид подвластен (добро или зло). Также забота о себе — это практика противоположная социальной изоляции, отстранения от других к своим сугубо индивидуальным вопросам (если такие вопросы существуют в принципе).

ТЕХНИКИ СЕБЯ В АНТИЧНЫХ ФИЛОСОФСКИХ ШКОЛАХ

Для работы с субъектом знания истины, типичным для античных обществ, мы обращаемся к следующим текстам Фуко: «*О начале герменевтики себя*» [5]; «*Герменевтика субъекта*» [2]; «*Мужество истины*» [3]. Здесь античными философскими школами мы называем прежде всего киников, эпикурейцев и стоиков, и только потому, что Фуко работал с ними в курсе лекций «Герменевтика субъекта», прочитанных в Коллеж де Франс в 1981—1982 учебном году [2].

Ссылаясь на три приведенные школы, можно сказать, что в античном обществе цель философского образования состояла в обеспечении индивида достаточным количеством принципов, руководствуясь которыми индивид смог бы сохранить самоконтроль, спокойствие духа, чистоту тела и души при любых жизненных обстоятельствах. В результате образования ученик должен обрести достаточную этическую автономность, т.е. справляться с собой самостоятельно.

Итак, в названных здесь античными техниками себя преобладает императив заботы о себе. Это означает необходимость знать свои мысли, аффекты для того, чтобы точнее представить свои действия и взвесить, насколько они соответствуют должному.

Античный метод субъективации позволяет произвести субъекта действия, который заботится о том, чтобы его действие было достаточно благостным и достойным в данных социальных условиях. Античные техники себя Фуко определяет через гномический тип субъективности. «Даже в I в. н.э. тип субъекта, предлагаемый как модель и как цель в греческой или в эллинистической, либо римской философии, — это гномическое Я, в котором сила истины едина с формой воли» [5. С. 79].

Гномическое знание ничего не сообщает о конкретном индивиде. Гнома — это короткое изречение общей идеи, мнения, представляющего истину во всю ее силу. Для Фуко важно, что гнома выражает одновременно и знание, и руководство к действию, истину и правило, и именно в этом смысле сила истины совпадает с формой воли. Это означает, что перед индивидом стоит задача: познавая моральные принципы, работать над реальным способом жизни. Индивид вырабатывает

Я как источник знания и воли, что только и позволяет осуществлять счастье автономной моральной жизни, высшее благо которой — владение собой. Как следствие, отношения ученика с наставником инструментальные и обладают разной интенсивностью во времени. Ученик и наставник относятся друг другу как две воли, и по мере никогда не завершаемого конституирования Я ученика, по количественным показателям его зависимость от учителя ослабевает.

Рассмотрим цели и формы высказывания истины о себе. «Для стоиков вопрос истины был важен, однако этот вопрос ставился в терминах истинных или ложных мнений, благоприятствующих осуществлению достойных или недостойных действий» [5. С. 89]. В своей моральной работе субъект должен выяснить, соответствует ли его идея порядку внешнего мира. Т.е. истина о том, кем «на самом деле» является индивид, не содержится в индивиде субстанционально, не «запечатана» как тайна его природы. Субъект относится к истине через вопрос: «Ошибаюсь ли я, думая подобным образом?», в ответе на который и реализуется субъективация индивида. Появление Я — это долгий процесс, можно сказать «дело жизни». Античный субъект не рассматривается как данность. «Я не нужно открывать, его следует конституировать, конституировать при помощи силы истины» [5. С. 80].

По второму критерию сопоставления христианских и античных техник себя — по критерию отношения «истины» и истины о себе — в случае субъективации по-античному скорее стоит говорить о гомогенности, единстве общей истины и того, к чему индивид может прийти, разрешая задачи своего этического опыта. Это значит, что истина напрямую доступна для индивида, несмотря на то, что полное ее постижение, в котором можно было бы завершить конституирование Я, невозможно.

Фуко много и тщательно разбирает античные тексты. Его работа легко выносятся из дисциплинарных рамок не за счет материала, привычно скорее философского, но благодаря проблематике способной озадачить все социальные и гуманитарные дисциплины, и, главное, — все сразу. Так, Фуко предлагает обратить внимание на то, «...как соотносятся между собой говорение-истины и управление субъектом» [2. С. 257]. Это проблема соотношения индивидуального доступа к общей истине и техник управления субъектом, включающих техники себя.

У киника Деметрия Фуко отмечает способ определения полезного и бесполезного знания. Граница проходит не между различными предметами и содержаниями знания, но по характеру познания. Полезное знание преобразовывает образ жизни и приписываемый ему смысл. Оно позволяет составить этос существования индивида, поскольку это знание сразу выступает и этическим предписанием. Полезно знать то, что затрагивает существование индивида, его положение, отношение с миром (с собой, с другими, с вещами, с природой). Бесполезное знание — это то знание, которое не ставит в расчет обладающего им индивида, — это *культурный декор*, отстраненный от существования познающего субъекта. Итак, полезное знание соотносит индивида с другими, с вещами, вписывает индивида в контекст отношений. Знание условий этих отношений само оборачивается этическими предписаниями индивиду. Полезное знание — это знание, обратимое на себя,

примененное на индивида; это знание о способах ангажированности индивида в мире, знание отношений. Полезное знание киников — это действующая сила субъективации, т.е. познание полезного знания совпадает с конституированием субъекта. Таким образом, знание о субъекте в античной традиции (у киников) — это знание, соотносящее его с миром; противоположный полюс в схеме Фуко — христианская традиция знания, раскрывающего качества, присущие субъекту как субстанции, как заданному и определенному материалу.

СУБЪЕКТ В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ

К проекту генеалогии современного субъекта Фуко можно отнести многие (если не все) его исследования дисциплинарных техник и институтов, критический подход к философским, научным и религиозным методам позитивного основания субъекта. В текстах *«О начале герменевтики себя»* [5]; *«Поступать плохо, говорить правду. Функции признания»* [13]; *«Что такое Просвещение?»* [7]; *Безопасность, территория, население* [1] прослеживается гипотеза Фуко, по которой то, как современный субъект представляет свое положение относительно истины, в большей степени похоже на модель субъективации раннего христианства, чем на античную.

Напомним, что в отличие от античной субъективации, основанной на такой особой практике ангажированного отношения к миру, как забота о себе, в христианском типе Я, типе отношения с собой, преобладает императив знания себя. Знание себя перекрывает заботу о себе так, что нет другой заботы о себе, кроме знания себя. Вся забота о себе сводится к достижению соответствия того, что я знаю о себе, и того, кем и чем являюсь «в действительности». Субъект в христианстве, разумеется, также следит за своими действиями, но этот интерес прежде всего вызван все тем же стремлением лучше разобраться в глубинах своей личности, а не реальностью эффекта действия на окружающий мир. Т.е. субъект рассматривает свои действия как проявления собственной глубинной сущности. При этом, как бы далеко не продвигался он в самопознании и самоконтроле, полная истина о его душе остается тайной в миру. «На что обращает внимание монах, испытывая свои мысли? Конечно же, не на взаимосвязь идеи и реальности. Его не интересуют отношения истины, делающие идею ложной или верной. Его не интересуют отношения между его разумом и внешним миром. Его интересует сущность, качество, субстанция собственных мыслей» [5. С. 88].

Отметим сразу, что в сопоставлении Фуко первый из выделенных нами критериев — роль вербализации истины о себе — наделен в христианской модели становления субъекта функцией самой субъективации. Публикуя истину о себе, индивид становится субъектом христианской этики. По второму критерию мы имеем дело с гетерогенностью «истины» и истины о себе. Как следствие, на субъекта накладываются две системы обязательств: обнаружение истины о себе (таинство покаяния и каноническое исповедание грехов) и движение к общей истине, к богу, просветление.

Познавая себя, субъект не может признать себя причиной своих же помыслов и переживаний. В знании себя христианский субъект обнаруживает не только свои мысли и чувства, но и тайный, неподвластный ему источник, стоящий за ними. Ввиду ссылки на внешние силы, способные управлять мыслительным потоком субъекта, последний в принципе не может научиться контролировать себя. Субъекту нельзя доверить его самого. Общая истина содержится только в Боге и передается в учении. Т.е. практикуя досмотр души, христианский субъект может лишь удостовериться, что в нем действуют неконтролируемые им силы, после чего субъект должен направиться к учению/писанию. Среди ключевых христианских техник знания себя мы находим исповедание и покаяние, а техникой доступа к общей истине выступает вера.

Совершенное познание истины недостижимо ни в античной, ни в христианской моделях субъективации. Это значит, что оба типа субъекта неизбежно зависят от внешнего смыслового пространства.

Нельзя сказать, что христианская этика более требовательна и толкает субъекта с большими усилиями стремиться к истине. Христианские техники себя в меньшей степени позволяют субъекту удовлетвориться актуальной (мирской по сути) добродетельностью, а для нас важно, что в христианской субъективации как типе самостоятельное производство истины наделено меньшим весом относительно истины учения. Субъект обязан извлекать истину о себе, но при этом о должном он узнает из Книги и/или от сообщества. Правильное представление о самом себе формируется *помимо* индивидуального опыта соотношения себя с обществом и миром. Вероятно, это происходит потому, что христианское учение в принципе оформлено, т.е. в нашем сопоставлении субъективаций необходимо учитывать более институционализированный характер христианской модели и пытаться не обосновывать различие следствиями только этого пункта, хотя сам он значителен.

Христианский субъект не только должен отслеживать свое отношение к себе, к другим, к вещам, к природе — в общем, определять свое положение и брать на себя ответственность за него; но он должен это делать для того, чтобы следить за собой. Не просто свидетельствовать против себя, уличая себя в чем-либо, но «шпионить», постоянно подозревать себя, получая инструкции извне. В подобном испытании субъект должен вопрошать: «Не обманывает ли меня мысль, пришедшая мне на ум?». Именно в таком контексте следует обратить внимание на метафору, где говорится, что субъект должен читать себя как книгу, если не Книгу. В христианской субъективации Я уподобляется тексту, который субъект должен расшифровать. Я представляется как база субъективных данных для толкования, для обнаружения причин страстей и помыслов, скрытых в субъекте. Христианский субъект в отличие от античного переходит от «сдельного» анализа совершенных поступков к непрерывному мониторингу их зачатков, «едва различимых движений мысли, постоянной активности души» [5. С. 88].

Таким образом, этический субъект индивидуализируется не через сеть его индивидуальных (обращенных на него) отношений, но посредством открытия глу-

бинных желаний и определения их источника: добра или зла/света-тьмы/бога-дьявола. Содержание сознания присутствует в субъекте как нечто чужеродное. Именно потому, что источник желаний скрывается от самого субъекта, христианину (как типу, собранному Фуко в раннем христианстве) предъявляется «обязательство истины о себе». Каждый христианин обязан знать, кто он, что в нем происходит, говорить и свидетельствовать против себя. Это значимая форма выражения веры и одно из ключевых условий на пути к Спасению.

«Я и книга освещаются в христианстве неодинаковым светом. Они требуют применения разных методов и использования специфических техник» [5. С. 82].

Стоит учитывать, что с оптикой социальных наук ближе подступиться можно к техникам, через которые предполагается знать себя, и уже с большой дистанции наблюдать идею доступа к тому, что в христианской картине мира определяется Светом, Богом, высшей истиной. Это означает, во-первых, что существуют уровни истины, скажем, субъективный и божественный, а, во-вторых, и это принципиально, между ними нет прямого перехода. Техники себя рассчитаны на установление истины определенного индивида, частной истины как истории его греховности и праведности. Посредством христианских техник себя индивид может стать субъектом религиозной этики, но не может без совершенно неподвластной ему божественной воли (благодати) достичь Истины.

Изначально обязательство «говорить все» было характерно для христианских монастырских практик IV—V вв. Оно отличается от исповедания, где представляются только греховные моменты жизни религиозного субъекта. Однако влияние обязательства тотальной вербализации себя прослеживается и в дальнейшей истории христианства, в частности, в случаях сближения практики послушания и постоянного исповедания.

Единство истины, как, например, в античной традиции, необходимо для того, чтобы субъект осознавал свою возможность управлять собственной идентичностью. Это, по нашему мнению, определяет его представления о реальности и проявляется, в частности, в особом характере социологически релевантных показателей, таких как форма молитвы (обращение и медитация) и требуемое положение тела, конфигурации культовых пространств, отношение к физическому труду, пище.

Напомним, что Фуко ассоциирует античные техники себя с гномическим типом субъективности. Христианской модели субъективации также соответствует определенный тип Я, а именно — гносеологический. В нем проявляется разделение уровней истины, с которыми имеет дело субъект христианской этики. Гносеологическое Я строится на распознавании истины о субъекте посредством герменевтической работы. «Я думаю, что в христианстве мы обнаруживаем появление гораздо более сложной технологии себя. Эта технология себя поддерживает различие между знанием о бытии, знанием о словах, знанием о природе и знанием о себе, причем знание о себе обретает форму в ходе конституирования мышления как поля субъективных данных, подлежащих толкованию. Роль толкователя состоит в непрерывной работе вербализации мельчайших движений мысли, поэтому

мы можем сказать, что христианское Я, соответствующее подобной технике, является гносеологическим Я» [5. С. 94].

Еще одним важным для рассмотрения христианских техник себя концептом является *признание (l'aveu)*. Христианская практика признания широко распространена в западной культуре: в институтах, в литературе, в праве, морали, не могла миновать неформальные коммуникативные правила и отразилась на отношении к самому себе субъекта западного общества. Выявленную в глубине души истину о самом себе необходимо представить другому, разоблачить себя. Этот мотив прослеживается во многих христианских ритуалах, в частности, в покаянии и причастии.

Другой в процедуре признания появляется в силу представления, что правильное истолкование мысли возможно только в момент сообщения мыслей наставнику. Наедине с собой всегда остается риск обмануться, пропустить искаженные переживания. Ключевым оказывается акт вербального признания, которое не сводится ни к формулировке, ни к говорению, необходима публикация перед другим. Спротивление субъекта вербализации истины о себе выступает критерием сортировки помыслов. Считается, что субъект допускает зло, когда молчит о нем. Фуко разбирает две формы христианского признания: *exomologesis* и *exagoreusis*. *Exomologesis* — это не просто согласие со своей греховностью, но его постановочная демонстрация. Здесь не идет речи о рациональном, уставном анализе греха. Экспрессивные жесты, речи, облачения служат не для того, чтобы сообщить о совершенных грехах, но для того, чтобы представить себя грешником не по делу, а сразу по статусу. К *exomologesis* можно причислить все действия, которые предпринимает субъект, исходя из общего статуса грешника, т.е. без апелляции к конкретному биографическому факту греха, но как элемент постоянного покаяния. «*Exomologesis* не подчинялся судебному принципу соразмерности — точной корреляции — наказания и преступления. *Exomologesis* следовал закону драматической выразительности и максимальной театральности. Не подчинялся *exomologesis* и принципу истинностного соответствия между вербальной формулировкой и реальностью» [5. С. 85]. В связи с тем, что основной процедурой выступает навешивание общего безусловного статуса кающегося грешника, Фуко называет *exomologesis* «онтологическим устремлением христианства» [5. С. 94].

Exagoreusis — исчерпывающая вербализация грехов перед учителем, что предполагает включенность в институт духовного наставничества. Это тот самый «досмотр души» или «руководительство душой», т.е. расшифровка всех движений своих мыслей и полное высказывание результатов таких «раскопок» другому.

Фуко определяет *exagoreusis* как технологию истины, ориентированную на дискурсивный и перманентный анализ мысли [5. С. 94]. В связи с этим данная практика выражает эпистемологическое устремление христианства.

В заключении второй лекции «Христианство и исповедь» [«Христианство и признание»] сборника «О начале герменевтики себя», которое разбивая на кусочки, мы цитируем здесь почти полностью, Фуко вводит принципиальное условие

христианских техник себя: во всей своей двойственности (*exomologesis-exagoreusis*) христианские техники себя позволяют субъекту достичь истины только через пожертвование своим Я. «... Откровенное высказывание истины о себе неотделимо от обязанности самоотречения. Мы должны пожертвовать собой, чтобы открыть истину о себе, и мы должны открыть истину о себе, чтобы пожертвовать собой» [5. С. 93]. Субъект становится субъектом греха и послушания, что приводит к парадоксальной ситуации: индивид проходит религиозную идентификацию через отрицание собственной способности принимать правильные этические решения.

Exomologesis по определению провоцирует отречение от себя, поскольку драматичное самоуничуждение задумано для изображения смерти субъекта греховных проявлений ради желаемого спасения его праведной стороны. Саморазрушение субъекта, диктуемое *exomologesis* 'ом, также заложено в сам принцип этой практики и связано с отрицанием способности субъекта к самоконтролю, самоуправлению. В противоположность античной модели полноценное утверждение истины о себе недоступно для христианского субъекта. Скажем больше: христианский субъект должен говорить о себе все, но его показания тем ценнее в этой этике, чем с большим самоотречением они даются.

Сквозная тема многих текстов Фуко — это поворот от практик принуждения, подчинения внешнему контролю, от форм власти, которыми осуществляются господство и эксплуатация, к внутренним механизмам контроля (самоконтроля), к формам власти, направляющим поведение людей. Именно об этом говорится в его известном переходе по формуле от «заставить умереть или позволить жить» к «заставить жить или позволить умереть» [4. С. 255].

Филипп Бюттген помогает нам разобраться в движениях проблематики своего современника и соотечественника: «Фуко выявил в греко-римской Античности субъекта заботы о себе, который своей историчностью, временностью пошатнул субъекта знания себя, рожденного в христианских монастырях, а сегодня уже плотно вплетенного в производство гуманитарных наук. Это обращение в прошлое позволило также переформулировать вопрос о том, что считать политическим: остаются ли сегодня политические противостояния борьбой за политическое доминирование или против экономической эксплуатации; может речь уже идет о борьбе против идентифицирующего подчинения?» [9. С. 23]. Каждое стремление определить положение индивида в этических системах, во властных отношениях, и тем более каждая попытка задавать, контролировать это положение с необходимостью подразумевает соответствующую систему знаний. У Фуко мы встречаем попытку проследить корреляцию систем этико-религиозного знания и моделей конституирования субъектами представлений о своем положении в этих системах.

Нашей задачей было посмотреть, через какие процедуры, через какие эффекты субъективации индивид связывается с истиной и как две сопоставляемые этические системы определяют доступ индивида к истине. Часть фуколдианского наследия, с которой мы работали, вписывается в проект критической генеалогии западного субъекта, цель которого — артикуляция техник и типов дискурса о субъекте [5. С. 70]. Одной из методологических опор этого проекта служит отказ от непроницаемого разделения субъекта и объекта познания.

Исторический анализ форм производства субъектом истины о самом себе может иметь место постольку, поскольку у самой истины есть история. «В описании и, наверное, отчасти даже в изобретении античной модели субъективации ясно обнаруживаются историчность и временность субъективации современной» [14. С. 23]. Если античный тип отношения к себе и понимания себя обеспечивает контрастную среду для изучения субъективаций, то раннехристианский тип из сопоставления Фуко уже прямо указывает на наше собственное актуальное положение в исторической ткани. Отсюда «тезис Фуко можно сформулировать следующим образом: на Западе конституирование субъекта как объекта дискурса истины осуществляется через отказ от этического субъекта прямого действия. Т.е. конституирование этического субъекта прямого действия вытесняется как несущественное из объективного знания себя. Еще более схематично можно сказать, что сегодня субъекту истины необходимо говорить и думать о том, что он делает; вместо того, чтобы делать то, что он думает и о чем говорит» [9. С. 21].

Помимо сравнительно-исторического исследования содержаний конкретных этических систем техники себя можно использовать как форму отношения индивида ко всем проявлениям условно внешнего для него мира, разумеется, включая социальные. Ключевой параметр этого отношения — обращение на себя, самостоятельное применение на себе. Не все виды связи «индивид—мир» могут быть определены как техники себя. Как инструмент техники себя прежде всего пригодны не для измерения степени самобытности, свободы в физических и ментальных действиях индивида, но для детализации включенности индивида в мир. Техники себя отнюдь не являются уделом чистой воли, независимой индивидуальности, извлекающей решения и смыслы из самой себя. Т.е. мы имеем дело не с поиском сущностной самости индивида, но с изучением типов определения индивидом своего отношения к миру, к природе, к обществу, к вещам, к другим... к самому себе. Более того, проблематика техник себя предполагает такой взгляд на положение индивида в обществе, что все практики, в которых постулируется возможность онтологической основы индивида, не получают заявленной ими самостоятельности и все равно попадают в общий цех производства (субъективно-объективных) феноменов социальной реальности.

Фуко посвятил значительную часть своей исследовательской работы проблеме объективации индивида в обществе — способам обращения индивида в субъекта объективной системы практик. При этом объективация вводится в исследование не в противовес субъективации, но в дополнение. Формирование отношения к самому себе (субъективация) обусловлено определением положения индивида в различных системах знаний и власти (объективация). Проблемная перспектива выстраивается от фигуры субъекта, но Фуко ставит вопрос конституирования субъекта не самого по себе (как солиптического, абсолютного), а в исторической ткани — субъекта в его историчности. Именно поэтому изучение субъекта наполняется формами его объективной определенности, например, индивид как говорящий субъект в системе языка и грамматики, в отношениях смыслов; как субъект труда в системах производства и распределения богатства; как организм, живу-

щий под критериями здоровья в системе естественнонаучных знаний, в медицине, в психиатрии. Сложность сопоставления процессов объективации и субъективации заключается в том, что в своем социальном опыте индивид получает статусы и определяет себя как субъекта действия в соответствии с нормами какой-либо системы знания и власти. Индивид неизбежно становится объектом определения, т.е. объективируется даже для самого себя в процессе субъективации. Тем не менее, индивидуальный опыт остается неоднородным по шкале определенное—неопределенное. Определенность диктуется социальной ангажированностью индивида. Неопределенность привносится невозможностью завершить, остановить собственную субъективацию. Существование индивида в обществе реализуется в постоянной возможности и необходимости конституировать, определять себя как субъекта. В таком случае техники себя — это грань между объективацией и субъективацией индивида, а точнее, — своего рода шарнир, принцип действия на стыке двух измерений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Работая с оригинальными текстами Фуко, мы переводим *l'aveu* как «признание».
- (2) Далее в основном тексте статьи устойчивый фуколдианский термин *техники себя* будет писаться без кавычек.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
- [2] Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981—1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- [3] Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983—1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014.
- [4] Фуко М. Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005.
- [5] Фуко М. О начале герменевтики себя // Логос. 2008. № 2.
- [6] Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2.
- [7] Фуко М. Что такое Просвещение? // Интеллектуалы и власть. Т. 1. М.: Праксис, 2002.
- [8] Бласиус М. Предисловие // О начале герменевтики себя // Логос. 2008. № 2.
- [9] Büttgen Ph. Théologie politique et pouvoir pastoral // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2007. № 5.
- [10] Foucault M. Entretien avec Michel Foucault. n192 // Dits et écrits II. 1976—1988. Paris: Gallimard, 2001.
- [11] Foucault M. Débat sur «Vérité et Subjectivité» // L'origine de l'herménetique de soi. Paris: Vrin, 2013.
- [12] Foucault M. Interview de Michel Foucault // L'origine de l'herménetique de soi. Paris: Vrin, 2013.
- [13] Foucault M. Mal faire, dire vrai: Fonctions de l'aveu en justice. Cours de Louvain, 1981. Louvain: Presses universitaires de Louvain, 2012.
- [14] Gros F. Sujet moral et soi éthique chez Foucault // Archives de Philosophie. 2002. № 2.
- [15] Laborier P. La gouvernementalité // Bert J.F., Lamy J. Michel Foucault. Un héritage critique. Editions du CNRS, 2014.
- [16] Senellart M. Michel Foucault: une autre histoire du christianisme? // Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre. 2013 № 7.

ETHICAL IDENTIFICATION OF THE SUBJECT, AND «TECHNIQUES OF THE SELF» IN THE WORKS OF MICHEL FOUCAULT

Yu.V. Yatsutsenko

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

We are used to the image of an individual as getting into the social reality created before and without him; however, Michel Foucault questions the genealogy of the modern subject, and states that within a ready-made social reality an individual is not given even to himself. Foucault considers processes and practices of individual self-identification, and modes of *subjectivation*, i. e. the ways, by which an individual seeks and finds his place in an already and completely configured system of social relations. Foucault develops a specific conceptual tool — “techniques of the self” as sets of representations and practices, by which an individual changes oneself and integrates into some ethical systems (of knowledge, rules of behavior, power relations). “Techniques of the self” are purely social, they do not constitute any ethical identity; on the contrary, they provide a socially determined self-identification. Foucault’s “techniques of the self” let us conceptualize the coincidence of the seemingly anonymous processes of *governing* and individual self-definition; these techniques serve as indicators of individual ethical normalization. Identification of the “techniques of the self” in subjects’ actions helps to define the governing processes not as a violent submission, but as a basic state of the social interaction systems. In order to verify the heuristic potential of the “techniques of the self” concept, the author considers ancient and early Christian models of subjectivation, which Foucault opposed as two ethical models of subject’s access to the “truths”. With the ancient ethical “techniques of the self”, a subject is a full-fledged ethical agent; with the early Christian techniques, he is to accept one’s ontological inability to establish the righteousness based only on one’s personal experience. For example, such an opposition helps to explain differences between tutorship forms and self-control goals.

Key words: “techniques of the self”; religious ethics; identification; subjectivation; positive constitution of the subject; historicity of the subject; governing; Michel Foucault.

REFERENCES

- [1] *Foucault M.* Bezopasnost', territorija, naselenie [Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977—1978]. SPb.: Nauka, 2011.
- [2] *Foucault M.* Germenevtika sub'ekta [Hermeneutics of the Subject: Lectures at the Collège de France, 1981—1982]. SPb.: Nauka, 2007.
- [3] *Foucault M.* Muzhestvo istiny. Upravlenie soboj i drugimi II [Courage of Truth (Government of Self and Others II): Lectures at the Collège de France, 1983—1984]. SPb.: Nauka, 2014.
- [4] *Foucault M.* Nuzhno zashhishhat' obshhestvo [Society Must be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975—76]. SPb.: Nauka, 2005.
- [5] *Foucault M.* O nachale germenevtiki sebja [About the Beginning of the Hermeneutics of Self: Two Lectures at Dartmouth]. Logos. 2008. № 2.
- [6] *Foucault M.* Tehnologii sebja [Technologies of the Self]. Logos. 2008. № 2.
- [7] *Foucault M.* Chto takoe Prosveshhenie? [What is Enlightenment?] // *Intellektualy i vlast'*. T. 1. M.: Praksis, 2002.
- [8] *Blasius M.* Predislovie. O nachale germenevtiki sebja [Foreword. On the Beginning of the Hermeneutics of Self]. Logos. 2008. № 2.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ИДЕНТИЧНОСТЬ, НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕЛИГИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

С.А. Мудров

Институт последипломного образования
Новоевропейский колледж
ул. Плантелор, 21, Бухарест, Румыния, 023971

Подписание Маастрихтского соглашения (1992 г.) усилило неэкономическую составляющую европейской интеграции и объективно укрепило позиции социального конструкционизма среди теорий европейской интеграции. Таким образом, была признана возможность учитывать роль идентичности, неправительственных организаций и религии в процессе унификации Европы. При этом роль религиозного фактора была особо отмечена в статье 17 Лиссабонского договора (2009 г.), установившего необходимость открытого и регулярного диалога между Европейским Союзом (ЕС) и церквями. Идентичность, как подчеркивается в данной статье, присутствует в ЕС в форме национальной и европейской идентичностей. Параметрами идентичности являются религия и ценности. Роль негосударственных субъектов обусловлена желанием Европейской комиссии усилить свою легитимность, а также необходимостью более широких консультаций в силу растущей сложности решаемых Евросоюзом задач. Роль церквей определяется исходя из присутствия указанных выше параметров, а также с учетом значения религии в истории Европы. Церкви вносят вклад в интеграцию как негосударственные субъекты и как участники формирования идентичности. При этом церкви отличаются от остальных акторов и имеют собственную «повестку дня», обусловленную морально-нравственными и богословскими доктринами. В целом можно отметить усиление роли и значения религиозного фактора на европейском уровне.

Ключевые слова: Европейский Союз; религия; церкви; европейская интеграция; идентичность; неправительственные организации; социальный конструкционизм.

Представители господствующих теорий европейской интеграции (неофункционализм и межправительственный подход) в основном уделяют внимание материальным факторам как движущим силам процесса интеграции. Для них экономические и финансовые аспекты интеграции гораздо важнее политико-идеологических факторов, а события на европейском континенте (как ключевые, так и менее важные) обусловлены прежде всего прагматичными интересами участников. Подобная оценка интеграции господствовала до прихода социального конструкционизма с его неэкономической повесткой дня [36. Р. 50].

Конечно, этому способствовали объективные причины. Создание Европейского Союза через подписание Маастрихтских соглашений стало ключевым фактором, принесшим значительные новшества. Об этих нововведениях упоминает Лорен МакЛарен: «С установлением общего гражданства и введением паспорта ЕС, отменой национальных валют, координацией политики в области иммиграции и предоставления убежища, а также созданием европейских вооруженных сил, становится понятным, что интеграция делается все менее экономически ориентированной по своей сути» [23. Р. 896].

Тем не менее, не совсем корректно утверждать, что меньший акцент на экономических процессах при анализе европейской интеграции является абсолютным новшеством. Об этом говорили и раньше — как при рождении интеграции, так и при ее дальнейшем «взрослении». Анжелика Шуер отметила, что «одна из главных целей отцов-основателей Европейского Союза заключалась в том, чтобы уменьшить конфликт и преодолеть вражду между европейскими обществами путем создания новой группы, которая, в конечном итоге, приведет к развитию европейской идентификации и чувства общей принадлежности» [30. Р. 30]. Роберт Шуман был убежден в том, что «данное образование [Сообщество угля и стали, Евроатом и Экономическое сообщество] не может и не должно оставаться лишь экономическим и техническим предприятием. Ему нужна душа, понимание исторического момента, его настоящей и будущей ответственности, политической воли, стоящей на службе общей идеи» [34. Р. 52].

Таким образом, отмечая актуальность подхода социальных конструкторов, мы можем определить, каким образом идентичность, неправительственные организации и религия связаны с процессом европейской интеграции. Указанные выше факторы приобретают особое значение в развитии Европейского Союза XXI в., что и отражено в Лиссабонском договоре (2009 г.), признающем, в частности, идентичность и «особый вклад» церквей (а также философских и неконфессиональных организаций) и устанавливающим регулярный и открытый диалог ЕС с церквями и упомянутыми организациями.

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Концепция идентичности всегда привлекала к себе пристальное внимание академических кругов, поэтому говорить о недостатке литературы, посвященной данной тематике, не приходится. Основные направления в анализе идентичности сводятся к следующему: во-первых, делается различие между типами идентичности; во-вторых, ведется дискуссия о формировании идентичности и о факторах, которые на это влияют.

Нельзя также не отметить, что отдельные исследователи отвергают существование идентичности в принципе. Так, Роджерс Брубакер и Фредерик Купер заявляют, что «социальные и гуманитарные науки сдались слову „идентичность“», которая, в реальности «слишком двусмысленна, слишком разделена между „мягкими“ и „жесткими“ значениями, сущностными содержаниями и конструкторскими определителями» [3. Р. 1—2]. И хотя такая точка зрения не является

доминирующей, сам факт ее существования подчеркивает сложность дебатов, которые ведутся вокруг идентичности.

Использование идентичности в анализе европейской интеграции можно развивать в следующих направлениях. Поскольку Европейский Союз — это ассоциация независимых государств, мы можем принимать во внимание концепцию национальной идентичности. Поскольку о ЕС говорят как о формирующемся европейском государстве, следует включить в повестку дня концепцию европейской идентичности. Наконец, нельзя забывать о проблеме взаимодействия национальной идентичности с европейской. Полагаем, имеет смысл начать анализ с национальной идентичности как таковой.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Различные аспекты национальной идентичности адекватно описаны в работах ряда зарубежных ученых. Так, Дэвид Миллер указывает на пять основных характеристик национальной идентичности. Во-первых, индивид, заявляющий о своей принадлежности к определенной нации, предполагает, что люди, принадлежащие к той же нации, разделяют его взгляды и убеждения. Во-вторых, Миллер подчеркивает, что национальная идентичность «олицетворяет историческую целостность (непрерывность)». Третий аспект национальной идентичности заключается в том, что она является активной. «Нации — это сообщества, которые вместе работают, принимают решения, достигают поставленных целей и т.д.». В-четвертых, национальная идентичность «соединяет группу людей с географически определенным местом». Наконец, как пишет Миллер, «национальная идентичность требует того, чтобы люди, которые ее разделяют, имели бы нечто общее — ряд черт, которые в прошлом часто называли “национальным характером”, но которые я предпочитаю описывать как общую национальную культуру». В определение общей национальной культуры Миллер включает как политические принципы, так и «социальные нормы, такие как честность в уплате налогов». Кроме того, Миллер отмечает, что идентичность «может также включать определенные культурные идеалы, например, религиозные верования или приверженность к сохранению чистоты национального языка» [25. Р. 23—26].

Следует заметить, что включение культуры и религиозных верований в концепцию национальной идентичности не является единоличным изобретением Миллера. Мнение ученого разделяют другие исследователи. Так, Патрик Митчелл считает, что национальная идентичность «включает убеждения о нации, ее происхождении, предназначении и взаимоотношениях с другими нациями. По этой причине она становится видимой посредством изучения общих видимых характеристик нации; ее мифов, культуры, территориальных ассоциаций, символов, ритуалов и определенном месте в содружестве наций» [27. Р. 48]. Карина Коростелина утверждает, что «национальная идентичность состоит из многочисленных аспектов и параметров: политических, территориальных, экологических, этнических, социальных, религиозных» [21. Р. 142]. Джон Байлс и Пол Спунлей подчеркивают, что «религия, возраст и пол встречаются повсюду как три маркера иден-

тичности, которые отражают формирование и сущность национальных идентичностей» [2. Р. 192]. Эйлса Хендерсон и Никола МакЭвен, рассуждая о роли ценностей в конструкции и развитии национальной идентичности, утверждают, что «дискурс общих ценностей может сам по себе и не создавать национальной идентичности... Тем не менее, дискурс общих ценностей может играть определенную роль в поддержании и придании формы национальной идентичности. Общие ценности могут придавать значение коллективному измерению национальной идентичности...» [16. Р. 177].

Впрочем, ценности не только придают идентичности дополнительный смысл — они также играют определенную роль в процессе ее формирования. Безусловно, формирование идентичности — это многоуровневый процесс, включающий в себя исторические обстоятельства, особенности этнических отношений, определенную мифологию нации и даже намеренные действия властей.

Тем не менее, сложность структуры не заслоняет собой ценности, поскольку именно ценности придают формированию идентичности особые черты. Как объясняет Дэвид Миллер: «Мы всегда начинаем с ценностей, которые были привиты нам сообществами и институтами, к которым мы принадлежим: семьей, школой, церковью и т.д. Когда нам необходимо поразмышлять над этими ценностями, мы обнаруживаем, что некоторые из них мы уже не разделяем, а между другими находим противоречия. Наконец, мы достигаем такого состояния, когда выдвинутые к нам требования сбалансированы, и установлена наша собственная шкала предпочтений между различными ценностями. Именно в этот момент формируется наша особая идентичность» [25. Р. 44—45].

Тем не менее, признавая тот факт, что религия и ценности являются параметрами национальной идентичности (и даже влияют на процесс ее формирования), мы не можем заявлять об их ведущем характере. Более корректно говорить о различной степени их веса и влияния, которые зависят от особенностей исторического развития конкретной территории и роли религиозных идей в обществе. Очевидно, что вес и влияние данных параметров меняется как в сторону увеличения, так и уменьшения. Следовательно, церкви могут проявлять заинтересованность в усилении религиозного параметра национальной идентичности. И хотя конкретный вклад церквей в формирование идентичности зависит от степени влияния церкви в данном обществе, сам факт существования данного вклада предполагает наличие их специальной функции — функции (роли) формирователей идентичности.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Бенуа Шаллан подчеркивает, что в процессе европейской интеграции произошло смещение от восприятия Европы как географической зоны к Европе как политическому проекту, в рамках которого были собраны государства, желавшие расстаться с частью суверенитета в пользу наднациональных структур. Он замечает, что «в этих сложных процессах появилась европейская идентичность, отличная (а порой также конфликтующая) с национальной идентичностью» [6. Р. 66].

Шаллан утверждает, что защитники идеи европейской идентичности говорят о самых различных ее основаниях, включая общий исторический опыт, наследие просвещенной рациональности и общую религиозную идентификацию.

Шаллан акцентирует внимание на том, что европейская идентичность, как пишут Шор и Страт, — это недавнее изобретение, причем продвигаемое европейской элитой. Попытка ее сведения к религиозным характеристикам (чертам) является отражением восприятия той угрозы, которая в настоящее время усматривается в исламе и, конкретно, в мусульманской Турции, стремящейся войти в состав ЕС [6. Р. 66—67].

Концепция европейской идентичности, невзирая на то, что она гораздо моложе концепции национальной идентичности, получила определенное признание еще до прихода социального конструкционизма с его неэкономическими подходами к интеграции. Филипп Шлезингер, цитируя один из абзацев Зеленого доклада Европейской комиссии «Телевидение без границ» (опубликованного в 1984 г.), подчеркивает: «Европейская унификация будет достигнута, если этого захотят европейцы. А европейцы этого захотят только в случае появления такого параметра, как европейская идентичность» [31. Р. 220]. В согласии с указанным выше мнением Сеан Кэрей отмечает: «В 2001 году Европейская комиссия опубликовала Белый доклад о европейском управлении, в котором было подчеркнута усиление „европейской идентичности и важности общих ценностей в рамках Европейского союза“» [5. Р. 388]. Возможно, это было связано с тем фактом, что «существуют нормативные предположения, что создание европейской идентичности приведет к возрастающей общественной поддержке интеграции» [5. Р. 290].

Что касается теоретического обоснования существования европейской идентичности, то и здесь разброс мнений достаточно велик. Так, некоторые ученые не признают ее существование в качестве единой и целостной концепции, предпочитая вместо этого говорить о существовании многогранного объекта. К примеру, Брутер (его цитируют Капорасо и Ким) делает различие между гражданским компонентом европейской идентичности (относимым к ЕС) и культурным (который относится к Европе в целом) [4. Р. 20]. Более предметный анализ второго компонента ставит на повестку дня вопрос о границах Европы, а также о том, являются ли эти границы географическими или культурными. В зависимости от ответа на этот вопрос можно говорить о дальнейшем развитии культурного компонента, который, при некоторых условиях, может даже совпадать с гражданским. Как подчеркивают Франц Майер и Ян Палмовски, «поскольку некоторые идентичности даны, нетрудно аргументировать, что европейская идентичность существует только благодаря одному лишь географическому и историческому положению Европы. Каждая индивидуальная и коллективная составляющая идентичностей выражается в европейском контексте. Она определяется через сочетание культурных, религиозных, экономических и идеологических факторов» [22. Р. 579].

Майер и Палмовски настаивают также на отсутствии такого явления, как европейская историческая идентичность. По их мнению, европейские учреждения

смогли сформировать свой уникальный облик и «служат в качестве общей точки обращения для жителей ЕС». Более того, «европейские учреждения сами могут стать носителями европейского исторического мифа» и даже «могут рассматриваться как яркие выразители “новой” европейской идентичности после 1945 года». Таким образом, мы получаем возможность заявить, что европейские учреждения приобрели собственную идентичность, которая сделала их «отличной от других, национальных или культурных идентичностей» [22. Р. 581, 586].

В настоящее время процесс формирования европейской идентичности сохраняет ряд противоречий. Причем речь идет не только о тех случаях, когда исследователи полностью отрицают существование европейской идентичности. Скорее, причина заключается в несколько расплывчатой, нечеткой ситуации с европейской идентичностью, которая часто кажется лишь желательной (а не реальной) и необходимой для успешного течения процесса европейской интеграции. Судя по всему, у европейских учреждений есть собственные, специфические интересы в сфере формирования идентичности, предполагающие поддержку и укрепление общей идентичности.

Тем не менее, даже если согласиться с мнением, что сущность европейской идентичности остается непрочной, а естественный характер ее формирования сомнительным, мы все равно не сможем исключить определенный уровень влияния европейской идентичности в рамках ЕС. Более того, если суммировать наличие определенных интересов европейских учреждений с некоторыми традиционными параметрами формирования идентичности (язык, этнос, культура, религия и т.п.), то присутствие и влияние европейской идентичности станет еще более выраженным и заметным.

ЕВРОПЕЙСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Взаимодействие европейской и национальной идентичностей — это постоянно идущий процесс, который продолжается по мере развития европейской интеграции. Существуют следующие оценки возможных результатов данного взаимодействия. Во-первых, высказывается мнение, что формирование целостной европейской идентичности достигается путем слияния национальных идентичностей. При этом сторонники более радикального подхода утверждают, что «интеграция, похоже, угрожает национальной идентичности, так как стремится к уменьшению националистических мотивов» [23. Р. 897].

Второй подход, описанный Лаурой Крэм, просматривается в концепциях тех ученых, которые признают, что ЕС способствует многообразию национальных идентичностей. Как подчеркивает Крэм, «европейская интеграция совсем не обязательно ведет к слиянию национальных идентичностей или к развитию однородной идентичности Европейского Союза, которая бросает вызов или конкурирует с лояльностью национальным интересам. Конечно, это не означает, что идентичность Европейского Союза никогда не будет представлять угрозы существующим идентичностям (или всегда поддержит выражение особых территориаль-

ных идентичностей), но свидетельствует о том, что это совсем не обязательно должно произойти» [9. Р. 115].

Наконец, можно обратить внимание на третий подход, предлагаемый Томасом Риссом, который выдвигает теорию о мирном сосуществовании европейской и национальной идентичностей: во-первых, через концепцию вложенных идентичностей, когда одна скрывается под другой, наподобие фигурок матрешки. Во-вторых, через концепцию перекрестных идентичностей, когда некоторые (но не все) члены одной категории идентичностей являются также членами другой. В-третьих, Рисс говорит о концепции «мраморного» пирога, в которой «внимание акцентируется на том, каким образом национальные и культурные дискурсы, включая конструирование исторической памяти, соотносят Европу и национальное государство друг с другом» [29. Р. 490—491].

Таким образом, указанные выше подходы, сформулированные Крэм и Риссом (их можно назвать негативными, позитивными и нейтральными), отражают наиболее вероятные результаты взаимодействия европейской и национальной идентичностей. Акцентирование внимания на одном из результатов приносит определенные политические и идеологические последствия, играя в пользу сторонников или противников интеграции. Кроме того, продолжающийся процесс взаимодействия между идентичностями вовлекает все большее число участников, включающих европейские учреждения, национальные правительства, европейские и национальные негосударственные субъекты. Многочисленные субъекты гражданского общества приносят свой вклад в процесс формирования идентичности. Этот вклад существует наряду с их специфической вовлеченностью в процесс интеграции, речь о которой пойдет далее.

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУБЪЕКТЫ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Негосударственные субъекты могут считаться участниками процесса европейской интеграции. Это мнение разделяют представители неофункционализма и социального конструкционизма. Сторонники либерального межправительственного подхода выражают иную точку зрения, выдвигая на первый план национальные правительства, движимые экономическими интересами.

В стандартное определение негосударственных субъектов включают различные группы: частные компании, политические и религиозные группы, общественные объединения [13. Р. 57]. Следовательно, негосударственные субъекты могут преследовать разнообразные цели — от финансово-экономических до нравственных и идеологических, причем эти цели зависят от сущности субъектов. Софи Хубер и Катрин Милзов, говоря о важности изучения роли негосударственных субъектов в процессе европейской интеграции, замечают, что «принятие во внимание негосударственных субъектов» поощряет «заимствование из других дисциплин таких концептуальных аспектов, как идентичность, социализация, или общественная сфера» [18. Р. 7—8].

Дирк Йарр объясняет возрастающее влияние негосударственных субъектов тем, что «деятельность правительств достигла, во многих отношениях, предела своих возможностей, а потому... новые субъекты вступили на сцену глобального и регионального развития» [20]. Он также подчеркивает, что «сложность и техническая детализованность» различных вопросов, возникающих перед Евросоюзом, требует от наднациональных учреждений взаимодействия не только с правительствами, но и с рыночными силами и организациями гражданского общества. Йарр полагает, что в такой сложной и многоуровневой системе, какой является Евросоюз, неправительственные организации смогли значительно усилить свой вес и влияние, поскольку они «явно переключились с работы в рамках различных проектов на систематическое лоббирование и стали серьезно вмешиваться в политику и процесс принятия решений» [20].

Холли Йарман, цитируя Брайана Хокинга, утверждает, что причина, по которой Европейская комиссия инициировала диалог с негосударственными субъектами, объясняется желанием усилить свою легитимность (поскольку комиссия не избирается населением), а также желанием использовать те экспертные знания, которыми данные субъекты могут обладать. В качестве примера Йарман говорит о влиянии негосударственных субъектов в области торговой политики [19. Р. 27].

Конечно, было бы неверно утверждать, что роль неправительственных субъектов равнозначна весу и влиянию министерств и кабинетов министров. Тем не менее негосударственные субъекты могут использовать (или пытаться использовать) правительства своих стран для продвижения собственных интересов на общеевропейском уровне.

Действительно, умение лоббировать на национальном уровне может воплотиться в принятие (или блокирование) определенного решения на наднациональном уровне. С другой стороны, здесь сложно не ожидать появления большего количества трудностей: в связи с возрастанием числа стран — членов ЕС со все более усиливающимся желанием негосударственных субъектов продвигать свои интересы через национальные властные структуры.

Как следствие, негосударственные субъекты более активно практикуют прямое лоббирование учреждений Евросоюза, в особенности Европейской комиссии. Отчасти это оказалось возможным благодаря тому, что европейские институты стали более открытыми для негосударственных субъектов. Кроме того, неправительственные субъекты приобрели новые знания и опыт, позволяющие им объединяться в коалиции для достижения поставленных целей. Прямое давление на европейские учреждения, как правило, малоэффективно; поэтому негосударственные субъекты более активно осваивают тактику закулисных переговоров, пытаясь убедить тех, кто полномочен принимать решения, в полезности своих предложений.

Еще раз подчеркнем: негосударственные субъекты не взяли на себя функции национальных правительств. Но их видимость и влияние стали неоспоримым фактом. В какой-то мере процесс европейской интеграции превратился в поле битвы, на котором различные силы сражаются для того, чтобы достичь

видимой для них победы. Причем растущее культурное, религиозное и политическое многообразие ЕС придает сражению еще больше сложности и непредсказуемости. Очевидно, что европейская повестка дня непредставима сейчас без присутствия негосударственных субъектов, — так же, как она была невозможна без присутствия национальных правительств несколько десятилетий назад.

ЦЕРКВИ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Признание того факта, что негосударственные субъекты и идентичность имеют непосредственное отношение к процессу европейской интеграции, является достаточным основанием для развития дальнейшей аргументации. Действительно, мы можем сконструировать модель, отражающую место и роль церквей в европейской интеграции. В данную модель включены следующие составляющие: 1) церкви как участники формирования идентичности и 2) церкви как негосударственные субъекты.

Вклад церквей в формирование национальной и европейской идентичностей можно обнаружить на различных стадиях данного процесса. Как подчеркивает Золт Эниэди, «национальная идентичность, особенно на периферии Европы, часто строится вокруг религиозных ценностей и связана также с существующими режимами церковно-государственных отношений. Церкви обеспечивают ритуалы, единство и идентичность для государственного строительства даже в современном мире» [11. Р. 223].

Следует обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, церкви могут вносить непосредственный вклад в процесс формирования идентичности, особенно в тех регионах, где религия по-прежнему является важной составляющей повседневной жизни. Этот вклад определяется особенностями исторического развития Европы, которое невозможно представить без присутствия христианства.

И хотя другие религии (иудаизм и ислам) тоже присутствовали на европейском континенте, христианство на протяжении многовековой истории сохраняло статус наиболее могущественной и влиятельной веры. Христианство внесло значительный вклад в формирование европейской культуры, литературы и науки, причем в монастырях велись научные исследования и был организован процесс обучения. Христианская архитектура стала неотъемлемой частью европейских городов. В одном из заявлений Священного Синода Греческой православной церкви подчеркивается: «Европе не следует забывать, что ее духовные основания находятся в Евангелии Христа» [8]. Как отмечал Поль Валери, «европейца невозможно выделить только на основании расовой принадлежности, языка и национальности, поскольку Европа — это родина многих языков, национальностей и традиций. Европейец — это тот, кто объемлет римское право, постигает греческое образование, а также принимает и усваивает христианское учение» [7].

Мы приходим к выводу, что сама концепция европейской идентичности включает в себя христианский параметр. Менендез, объясняя взгляды Джозефа Вейлера, подчеркивает: «Христианство не только является религией, оставившей наиболее глубокий след на идентичности Европы и европейцев, но оно является той

верой, которой придерживается в настоящее время наибольшее число европейцев... Даже другим верующим следует признать, что их идентичность как европейцев несет на себе глубокое влияние христианства» [24. Р. 186].

Второй способ влияния церковей на процесс формирования идентичности является опосредованным — через ценности как один из параметров идентичности. Действительно, ценности (по крайней мере, частично) связаны с религией. Более того, «Вейлер заявляет, что идентичность европейцев и Европы как Союза по-прежнему находится под сильным влиянием христианских ценностей» [24. Р. 185].

Нельзя также не обратить внимания на три классические модели, в соответствии с которыми религиозные организации могут выстраивать свои отношения с внешним миром: автоцентричная модель, свидетельствующая модель и протестантская модель [12. Р. 42]. Форе подчеркивает, что в современной Европе эти три модели находятся в смешении и взаимодействии, поскольку случаи безусловной поддержки или отрицания существующего политического устройства крайне редки. Кроме того, Форе предлагает учитывать факт размывания «традиционной» религиозности и развитие околорелигиозного феномена — в виде мистицизма, эзотеризма и т.п.

В дополнение к этому в современной Европе можно обозначить существование двух систем ценностей: секулярных и религиозных. Эти системы находятся в постоянном противоборстве, причем противоборство отражает желание создать определенный тип европейской идентичности, основанный на религиозном или внерелигиозном измерении. При этом следует отметить, что, говоря о христианских ценностях в Европе, мы имеем в виду консервативные ценности, не размытые модернистскими тенденциями, заметными в среде отдельных христианских деноминаций.

Эти ценности имеют достаточно ясно выраженный морально-нравственный аспект, в рамках которого, к примеру, семья считается союзом мужчины и женщины, человеческая жизнь существует и должна быть защищена с момента зачатия до момента естественной смерти; честность, целомудрие и взаимная помощь должны всячески поощряться, а не подвергаться насмешкам.

Консервативные ценности резко критикуются представителями европейского секуляризма. В этой борьбе большинство церковей занимает однозначную позицию: защитников консервативных христианских ценностей. Конфликты между сторонниками двух концепций и двух точек зрения подвигают церкви к более активному участию и поддержке одной из сторон. Действительно, для церковей важно добиться того, чтобы ценности, положенные в основу европейской идентичности, не продвигали секулярное видение Евросоюза.

Однако не все исследователи согласны с тем, что религия является одним из формирующих факторов европейской идентичности. По мнению Форе, «теории европейской идентичности, основанные на религии, имели не больший успех (фактически скорее даже меньший, если это возможно), чем секулярные теории» [12. Р. 40]. Более того, Форе видит в религии препятствие для выработки общеприемлемого основания для Европы, приводя в качестве примера случай, когда родственники Шумана отказали просьбе Президента Франции Франсуа Мит-

терана в том, чтобы поместить прах Шумана в Пантеон [12. Р. 40]. Логика Форе не до конца понятна, поскольку неясно, почему «языческий» (или вовсе безрелигиозный) Пантеон должен служить основанием для Европы, немалая часть населения которой продолжает заявлять о своей религиозности.

Вполне логично, что церкви стремятся защитить определенные ценности и стиль жизни исходя не только из их богословских доктрин и особенностей нравственного богословия, но и из желания внести свой вклад в процесс формирования идентичности. Разумеется, та категория ценностей, которую защищают церкви, соотносится с их богословскими доктринами. Но для нас сейчас важно обратиться ко второму аспекту, отражающему роль церквей в европейской интеграции, — как негосударственных субъектов или общественных объединений.

ЦЕРКВИ КАК НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУБЪЕКТЫ

Говоря о церквях как негосударственных субъектах, следует, на наш взгляд, обратить внимание на следующие моменты: во-первых, целесообразно взглянуть на то, каким образом церкви и религия могут в принципе присутствовать в европейском обществе, во-вторых, важно проанализировать особенности влияния религии на политику и процесс принятия решений.

Как правило, о роли религии (фактической или желательной) в современном обществе говорят с двух противоположных позиций. В рамках первой, либерально-секулярной, видится необходимость четкого разделения религии и политики и необходимость так называемой приватизации религии, сведения ее к сугубо частному делу [26. Р. 890]. Как объясняет Петтерссон, «приватизированная религия не обременяет себя общественными или политическими вопросами» [28. Р. 233]. Иларион Алфеев подчеркивает, что такое развитие событий продиктовано желанием загнать религию в гетто, удалить ее из общества, минимизировав влияние на граждан, особенно на молодежь [1]. В рамках второго подхода «приватизация» религии видится ошибочной, так как для нее предусмотрена определенная общественная роль: «Демократическое государство должно гарантировать свободу религиозных воззрений в частной сфере и возможность для религиозных сообществ отстаивать (продвигать) свои ценности в общественной сфере. Из этого следует, что все религиозные объединения должны иметь право формировать политические партии... Также следует, что данный принцип совместим со всеми институциональными типами церковно-государственных отношений» [26. Р. 891].

Высказывается мнение, что первый подход может превалировать в преимущественно нерелигиозной части Европы, а второй возможен в европейских странах с более низким уровнем секуляризации. Иногда предполагается, что первый подход можно применить к Евросоюзу в целом — в силу того, что в Европе происходят быстрые процессы секуляризации. По крайней мере, как подчеркивают Лозк Халман и Вээрл Дролэнс, «резко падающая посещаемость церквей в Европе часто принимается в качестве свидетельства того, что эта часть света продолжает секуляризоваться» [15. Р. 263]. Франц Холлингер, Макс Халлер и Адриана Валле-Холлингер отмечают, что «в Европе в течение 20 столетия религиозные уч-

реждения потеряли значительную долю своего влияния, а религиозные практики и верования сократились» [17. Р. 133].

Однако признание этих фактов не означает резкого снижения влияния религии в Европе в целом. Сложность и многофакторность процесса секуляризации не позволяет выделить конкретные тенденции, которые можно было бы применить к ЕС в целом. Действительно, как признают Халман и Дролэнс, «секуляризацию можно считать европейским феноменом, но это не предполагает, что Европа является однородно секулярной» [15. Р. 20]. Холлингер, цитируя одного из ведущих британских социологов религии, подчеркивает: «Дэвид Мартин настаивает на том, что эволюция религиозных учреждений в Европе может значительно варьировать. По мнению Мартина, направление, в котором религия меняется в процессе модернизации, связано с ролью религии во время знаковых периодов в истории данного общества» [17. Р. 134].

Торлейф Петтерссон признает, что «передовые страны Западной Европы, как известно, имеют значительные различия в религиозных вопросах. Религиозность намного выше в южных католических регионах, нежели в северных протестантских» [28. Р. 232]. Очевидно, что применять концепцию «приватизированной» религии по отношению к ЕС в целом было бы, по меньшей мере, преждевременно. Более того, дальнейшая (возможная) секуляризация Европы совсем не обязательно повлечет за собой «приватизацию» религии. Как подчеркивает Юрген Хабермас, даже в значительно секуляризованных обществах религиозные структуры могут находить рычаги влияния. По мнению Хабермаса, церкви «могут оказать влияние на общественное мнение, внося вклад в ключевые дискуссионные вопросы, вне зависимости от того, являются ли их аргументы убедительными или спорными... Будь это дискуссия о легализации аборт или добровольной эвтаназии, о биоэтических проблемах репродуктивной медицины, вопросы о защите животных или изменении климата — и по этим, и по аналогичным вопросам разделительные предпосылки настолько сложны, что невозможно вначале понять, какая из сторон способна выступить наиболее убедительно» [14. Р. 20].

Аргументация Хабермаса открывает возможность для лучшего понимания тех методов, которые могут быть использованы церквями для продвижения своих интересов как на высшем, так и на более низких уровнях Евросоюза. Церкви, будучи негосударственными субъектами (или общественными объединениями), могут использовать ряд способов, среди которых можно, в частности, отметить следующие:

1) прямое или не прямое лоббирование, в том числе при помощи различных дружественных организаций. Так, Джон Уорхест, анализируя «расширенное католическое лобби» (в его случае — для Австралии), пишет о «католических, квазикатолических и полукатолических организациях», среди которых — Опус Деи, Ассоциация «Право на жизнь», Национальный гражданский совет и др. [35. Р. 213]. Каролин Варнер говорит о политике лоббирования, используемой католической церковью в Европе. Церковь лоббировала правительства (через политические партии и другими способами), добиваясь поставленных перед собой целей [32. Р. 18];

2) политическая мобилизация (особенно среди прихожан) и более активное влияние на формирование общественного мнения. Робин Дрискелл, Элизабет Эмбри и Ларри Лайон замечают, что «духовенство и религиозные лидеры могут выступать с посланиями, политически мобилизующими членов церкви, а организационные навыки, изученные в церкви, можно применить при последующем участии в политической деятельности» [10. Р. 296]. Дэвид Мартин выделяет три способа, которые помогают церквям адекватно действовать в общественной сфере: «они могут мобилизовывать политические партии, действовать как группы давления, или же полагаться на собственные ресурсы для того, чтобы внести вклад в решение социальных проблем» [33].

Следует, конечно, учитывать возможные недостатки указанных выше методов. Например, потенциальная мобилизация членов церкви далеко не всегда достаточна для того, чтобы оказать действенное влияние на государственную политику. Это может зависеть от того, в какой мере постоянные прихожане согласны с идеями, формируемыми духовенством. И даже если степень согласия высокая, могут встретиться другие объективные препятствия: например, низкая активность или отсутствие необходимых навыков у членов церкви для того, чтобы привнести религиозные идеи в политическую и общественную жизнь.

В любом случае политическая мобилизация остается сильным и действенным методом в тех странах, где влияние церкви достаточно ощутимо и где имеется возможность мобилизовать массы, или же есть влиятельные политические группы, готовые действовать в соответствии с рекомендациями (или просьбами) церковей. Более того, мобилизация масс — это важный инструмент в формировании сильного и стабильного общественного мнения, с которым невозможно не считаться демократическому правительству. Конечно, общественное мнение — колеблющаяся величина (что было продемонстрировано на референдумах по важнейшим вопросам развития ЕС), но даже этот изменяющийся инструмент может оказаться эффективным для того, чтобы заставить правительства принять определенные решения. Как отмечает Эниеди, «церкви часто вовлекаются в политическую борьбу... В демократическую эпоху способность церковей оказывать давление на государство зависит в значительной степени от того, насколько они обучены мобилизации общественного мнения» [11. Р. 228].

Исходя из анализа присутствия идентичности, негосударственных субъектов и религии в европейской интеграции, можно сделать следующие выводы. Церкви способны действовать на европейском и национальном уровнях как участники формирования идентичности и негосударственные субъекты. Как участники формирования идентичности они стремятся внести вклад в создание определенного типа европейской идентичности, в рамках которой христианские ценности и нормы будут составлять, по меньшей мере, важную часть. Христианская составляющая европейской идентичности определяется доктринами, разработанными в различных церквях. Эти доктрины не идентичны: разделение идет как по конфессиональным линиям, так и в рамках одной конфессии (например, в протестантизме).

При этом сама деятельность церквей, исходя из общей роли негосударственных субъектов в интеграции, сводится к следующим схемам:

— Церкви как участники формирования общественного мнения. Это — один из наиболее эффективных методов влияния на принятие решений. Церкви должны уметь не только обосновать точку зрения, но и сделать это эффективно и своевременно.

— Церкви как субъекты, действующие на правительственном уровне. Речь идет об использовании различных методов: формальных заявлений, просьб, лоббирования через дружественные структуры, или, если церковь имеет высокий статус, непосредственного обращения в законодательные органы с проектами законов или поправок к законам.

Оправданно и логично считать церкви неотъемлемыми участниками европейской интеграции. Но как участники они отличаются от остальных и имеют собственную «повестку дня». Данный факт, а также возрастающая вовлеченность Европейского Союза в религиозную сферу ведут к тому, что роль, которую играют церкви на европейском уровне, выходит далеко за пределы частной религиозности. Эта роль воспринимается по-разному как властными структурами, так и гражданским обществом, но ее усиление становится фактом, который уже не подвергается сомнению.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Alfeyev H.* On which values is Europe built? // Conference of European Churches, 2006. URL: <http://www.cec-kek.org/pdf/CLHilarion.pdf>.
- [2] *Biles J., Spoonley P.* National Identity: What It Can Tell Us about Inclusion and Exclusion // National Identities. 2007. Vol. 9. № 3.
- [3] *Brubaker R., Cooper F.* Beyond Identity // Theory and Society. 2000. № 29.
- [4] *Caporaso J.* The dual nature of European identity: subjective awareness and coherence // Journal of European public policy. 2009. № 16.
- [5] *Carey S.* Undivided loyalties: Is national identity an obstacle to European integration // European Union Politics. 2002. № 3.
- [6] *Challand B.* From hammer and sickle to star and crescent: The question of religion for European identity and a political Europe // Religion, State and Society. 2009. Vol. 37. № 1.
- [7] *Christodoulos.* The word and role of orthodoxy in the European Union // Ecclesia, 2000. URL: http://www.ecclesia.gr/English/EnArchbishop/EnSpeeches/role_of_orthodoxy.html.
- [8] Church of Greece. The Holy Synod of the Church of Greece on the Future of Europe // Ecclesia, 2003. URL: http://www.ecclesia.gr/English/EnHolySynod/messages/europe_declaration.html.
- [9] *Cram L.* Identity and European integration: diversity as a source of integration // Nations and Nationalism. 2009. № 15.
- [10] *Driskell R., Embry E., Lyon L.* Faith and politics: The influence of religious beliefs on political participation // Social Science Quarterly. 2008. № 89.
- [11] *Enyedi Z.* Conclusion: emerging issues in the study of church-state relations // West European Politics. 2003. № 26.
- [12] *Foret F.* Religion: a solution or a problem for the legitimization of the European Union? // Religion, State and Society. 2009. Vol. 37. № 1.

- [13] *Goksel D., Gune N., Birden R.* The role of NGOs in the European integration process: The Turkish experience // *South European Society and Politics*. 2005. № 10.
- [14] *Habermas J.* Notes on post-secular society // *New Perspectives Quarterly*. 2008. № 25.
- [15] *Halman L., Draulans V.* How secular is Europe // *British Journal of Sociology*. 2006. № 57.
- [16] *Henderson A., McEwen N.* Do shared values underpin national identity? Examining the role of values in national identity in Canada and the United Kingdom // *National Identities*. 2005. № 7.
- [17] *Hollinger F., Haller M., Valle-Hollinger A.* Christian religion, society and the state in the modern world // *Innovation*. 2007. № 20.
- [18] *Huber S., Milzow K.* Introduction-taking a closer look at non-state actors: Challenges ahead in European voices: actors and witnesses of European integration / HEIRS, 2007. URL: http://aei.pitt.edu/7517/01/HEIRS_3rd_colloquium_proceedings.pdf.
- [19] *Jarman H.* The other side of the coin: Knowledge, NGOs and EU trade policy // *Politics*. 2013. № 28.
- [20] *Jarré D.* The Roles of NGOs at European Union Level. 2005. URL: http://www.bezrobocie.org.pl/files/ekonomiaspoleczna.pl/public/biblioteka_eS_pliki/Dirk_Jarre_The_Roles_of_NGOs_at_European_Union_Level.pdf.
- [21] *Korostelina C.* The multiethnic state-building dilemma: National and ethnic minorities identities in the Crimea // *National Identities*. 2003. № 5.
- [22] *Mayer F., Palmowski J.* European identities and the EU — the ties that bind the peoples of Europe // *Journal for Common Market Studies*. 2004. № 42.
- [23] *McLaren L.* Opposition to European integration and fear of loss of national identity: Debunking a basic assumption regarding hostility to the integration project // *European Journal of Political Research*. 2004. № 43.
- [24] *Menendez A.* A Christian or a Laic Europe? Christian values and European identity // *Ratio Juris*. 2005. Vol. 18. № 2.
- [25] *Miller D.* *On Nationality*. Oxford, 1997.
- [26] *Minkenbergh M.* Democracy and religion: Theoretical and empirical observations on the relationship between Christianity, Islam and liberal democracy // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2007. № 33.
- [27] *Mitchel P.* *Evangelicalism and National Identity in Ulster, 1921—1998*. Oxford, 2003.
- [28] *Pettersson Th.* Religion in contemporary society: Eroded by human well-being, supported by cultural diversity // *Comparative Sociology*. 2006. № 5.
- [29] *Risse Th.* The Euro between national and European identity // *Journal of European Public Policy*. 2003. № 10.
- [30] *Scheuer A.* A political community? // *Political Representation and Legitimacy in the European Union* / A. Scheuer, H. Schmitt, J. Thomassen (eds.). Oxford, 1999.
- [31] *Schlesinger P.* On national identity: Some conceptions and misconceptions criticized // *Social Science Information*. 1987. № 26.
- [32] *Steven M.* Religious lobbies in the European Union: From dominant church to faith-based organization? // *Religion, State and Society*. 2009. Vol. 37. № 1.
- [33] Summary of the Third Meeting: The Role of Religion in European Integration. URL: http://www.iwm.at/index.php?option=com_content&task=view&id=370&Itemid=286.
- [34] *Vanheeswijck G.* How can we overcome a politics of inarticulacy? // *More Europe? A Critical Christian Inquiry into the Process of European Integration*. Kampen, 1997.
- [35] *Warhurst J.* The Catholic lobby: Structures, policy styles and religious networks // *The Australian Journal of Public Administration*. 2008. № 67.
- [36] *Wendt A.* Identity and structural change in international politics // *The Return of Culture and Identity in International Relations Theory* / Ed. by Y. Lapid, F. Kratochwil. Boulder, 1996.

IDENTITY, NON-GOVERNMENTAL ORGANISATIONS, AND RELIGION IN THE EUROPEAN INTEGRATION

S.A. Mudrov

Institute for Advanced Study
New Europe College
Str. Plantelor, 21, 023971, Bucharest, Romania

The signing of the Treaty of Maastricht (1992) has strengthened a non-economic component of European integration and has objectively reinforced the position of social constructivism among the theories of European integration. Thus, it has become possible to take into account the role of identity, non-governmental organisations and religion in the process of unification of Europe. The role of religious factors was particularly pronounced in article 17 of the Treaty of Lisbon (2009), which established open and regular dialogue between the European Union (EU) and the Churches. This article emphasises that identity is present in the EU in the form of national and European identities. Religion and values are among the parameters of identity. The role of non-state actors is explained by the desire of the European Commission to strengthen its legitimacy, and by the necessity of wider consultations, in view of growing complexities of the issues at the EU agenda. The role of Churches has been defined by the presence of the above mentioned parameters and by the meaning of religion in history of Europe. Churches contribute to integration as non-state actors and as participants of identity formation. At the same time, Churches are different from other actors, since they have their own 'agenda', formed by the moral and theological doctrines. In general, one can note the increasing role and meaning of religious factor at the European level.

Key words: European Union; religion; Churches; European integration; identity; non-governmental organizations; social constructivism.

РЕАЛИЗУЕМАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

В.В. Парамонов

Кафедра государственного и муниципального управления
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Несмотря на то, что статья 7 Конституции России 1993 г. определяет страну как социальное государство, реальность современной социально-экономической ситуации значительно отличается от декларации. В статье анализируется сложившаяся в стране ситуация с формированием основ социального государства. Анализ показателей социального неравенства и расслоения, характеризующие страну как социальное государство, в России демонстрирует все углубляющийся разрыв между богатыми и бедными. За последние годы ничего не было сделано для движения к более справедливому распределению доходов и национального богатства, что привело к дальнейшему росту социального неравенства, перекрывавшему все мировые достижения в этой сфере. При этом, как аргументировано в статье, высокая степень расслоения негативно влияет на экономический рост. На основании исследований отечественных ученых можно сделать вывод о том, что более равномерное распределение доходов обеспечивает более высокие темпы экономического роста и процветание страны. Такие результаты в значительной степени объясняет модифицированная теория факторов производства. К трем факторам, которые выделил Ж.Б. Сэй в начале XIX в., впоследствии было добавлено еще несколько, в том числе специфический ресурс — рынок сбыта. Огромное социальное расслоение и, как следствие, очень значительное количество бедных лишает страну этого столь важного ресурса. Для исправления ситуации автор предлагает вернуться к прогрессивной шкале налогообложения с одновременным установлением нулевой ставки подоходного налога для беднейших категорий населения, что создаст предпосылки для роста потребительского спроса в условиях экономического кризиса.

Ключевые слова: социальное государство; дифференциация доходов; прогрессивная шкала; «плоская» шкала; теория факторов производства; ресурс рынка.

Пункт 1 статьи 7 Конституции, принятой в декабре 1993 г., определил Российскую Федерацию как социальное государство. Его устоявшаяся характеристика следующая: а) развитая система страховых социальных отношений и высокий уровень налогов, формирующих бюджет, высокие размеры отчислений на социальную сферу; б) развитая система услуг и социальных служб для всех групп населения; в) развитая правовая система, при которой осуществлено разделение властей, четкая реализация функций каждой ветви власти, отработанная нормативно-правовая система социальной жизни.

Критерии, по которым в мире государства относят к социальным:

- децильный коэффициент;
- коэффициент Джини;
- доля реальной средней заработной платы к производству ВВП на душу населения;
- доля оплаты труда в стоимостной структуре ВВП;
- доля расходов семьи на питание в семейном бюджете;

- доля средних слоев в социальной структуре общества;
- индекс Кейтца (отношение минимальной заработной платы к средней);
- продолжительность жизни.

В 1990-е гг. рассматривать Россию как социальное государство можно было только в порядке гипотезы. Достаточно сказать, что к 1995 г. реальная среднемесячная заработная плата по отношению к 1991 г. снизилась до 32% и только в 2006 г. несколько превысила уровень 1991 г., составив 100,6% от базы. Благодаря высоким темпам экономического развития в нулевые годы государство смогло обеспечить значительное повышение реальной заработной платы, ввести материнский капитал и принять ряд других мер по решению социальных проблем. Все это позволило В.В. Путину в феврале 2012 г. в статье, представленной на сайте премьер-министра, утверждать: «Россия — социальное государство» [8]. Нынешний премьер-министр Д.А. Медведев в статье «Новая реальность: Россия и глобальные вызовы», опубликованной в академическом журнале «Вопросы экономики», отмечает появление нового тренда — «формирование нового социального государства, отвечающего реалиям современных развитых государств. Принципиальная его особенность — индивидуализация предоставляемых услуг (образования и здравоохранения прежде всего)» [7. С. 11].

Однако сегодня социально-экономическая ситуация в стране далека от радужной. Экономика России находится в состоянии кризиса, наиболее характерные черты которого — снижение реальной заработной платы за 8 месяцев текущего года на 10%, объемов розничной торговли на 8,1%, продажи продуктов на 7,9%. Для ряда отраслей падение продаж было еще более значительным: за 8 месяцев 2015 г. продажи автомобилей сократились на 33,5%. Интересно отметить, что при таком колоссальном общем падении объема реализации выросли продажи самых дорогих марок: Лексус на 15%, Порше на 23% [9]. Следовательно, это только бедные становятся еще беднее, сокращается численность среднего класса. Данные статистики дают объективную картину динамики распределения денежных доходов между самыми бедными и самыми богатыми.

Таблица 1

Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения [11]

Годы	Денежный доход — всего	в том числе по 20-процентным группам населения, в %:				
		первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)
1990	100	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7
2000	100	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7
2014	100	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4

Без малого за четверть века доля денежных доходов беднейшей части населения уменьшилась почти в два раза, доля второй квинтили на 34%, третьей — на 21%, четвертой — на 5%. И только доля самых богатых возросла на 45%.

Распределение национального богатства дает еще более впечатляющую картину дифференциации населения. Согласно данным Global Welth Report (октябрь 2012 г.), Россия заняла первое место среди крупных стран по неравенству распределения богатства. По оценке авторов доклада, на долю 1% самых богатых россиян приходится 71% всех личных активов нашей страны. В следующих за Россией крупных странах Индии и Индонезии 1% богачей владеет 49% и 46% всего личного богатства. В мире в целом этот показатель равен 46%, в Африке — 44%, в США — 37%, в КНР и в Европе — 32%, в Японии — 17%. Мировым лидером Россия является по доле самых состоятельных 5% населения, которые владеют 82,5% всего национального богатства, а на самых состоятельных 10% населения приходится 87,6% всего национального богатства [11]. Дополняют эту картину данные по децильному коэффициенту: 1990 г. — 4,5—5,0, 2014 г. — 16,0, однако оценки экспертов еще более категоричны: 25—30 раз [8. С. 36]. По мнению российских экономистов А. Бузгалина и А. Колганова, в России сформировалась модель позднего капитализма полупериферийного типа при полном господстве отношений корпоративно-бюрократического отчуждения и присвоения. Представители этой группы — корпоративно-государственная номенклатура — присваивает и перераспределяет в свою пользу часть дохода собственников, заработной платы рядовых работников, доходов государства [2. С. 11]. Именно функционирование этой модели создает условия для такой колоссальной поляризации населения по уровню доходов.

Международная статистика, раскрывающая положение дел с дифференциацией доходов в развитых странах, показывает совершенно противоположную ситуацию. В большинстве развитых европейских стран децильный коэффициент меньше 10, в Германии — 6,9, в Швеции — 6,2. Следовательно, есть определенная зависимость результатов экономического развития от уровня социальной справедливости, выраженного децильным коэффициентом или индексом Джини. На практике это достигается с помощью налогового механизма, выполняющего данную социальную функцию, т.е. перераспределения доходов между различными категориями граждан с целью поддержания социального равновесия в обществе. Для решения этой задачи используется система прогрессивного налогообложения. В 2001 г. правительство отказалось от прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц и ввело единую ставку в размере 13%. Обосновывалось это тем, что при введении «плоской» шкалы крупные доходы будут выведены из теневого сектора экономики. При этом также ссылались на более простое администрирование подоходного налога, т.е. по сути дела власть расписывалась в собственном бессилии или в нежелании создавать эффективно функционирующую налоговую службу. С 2001 по 2014 г. децильный коэффициент по официальным данным вырос с 13,9 до 16,0, т.е. пропасть между богатыми и бедными еще больше углубилась.

В то же время мировой опыт показывает, что там, где обеспечено более справедливое распределение доходов, выше уровень благосостояния населения, выше уровень социально-экономического развития страны. Данный тезис подтверждают

исследования российских ученых, которые предложили методики расчета пяти показателей процветания и пяти показателей благополучия, а также показатель прогрессивности шкалы налогообложения [4. С. 23—40]. Вся работа выполнена на основе исследования статистических данных 41 страны мира за 2009—2012 гг. Проведенный анализ позволил «установить выраженную функциональную связь между уровнем развития конкретной страны и степенью прогрессивности подоходного налогообложения» [5. С. 37].

Расчет показателей процветания и благополучия позволил ранжировать страны. В первую десятку входят наиболее развитые страны мира, такие как Дания, Нидерланды, Норвегия, США, Швейцария, Швеция и т.д. Россия же отстает от указанных стран более чем в 2,5 раза. Авторы делают вывод: «Таким образом, сравнительно с указанными благополучными и процветающими странами Россия оказывается весьма неблагополучной и не процветающей, а потому весьма неустойчивой страной по своему социально-экономическому положению. Низкий показатель ставки налогообложения в России, равный единице, вносит свою роль в понижение показателей благополучия и процветания» [5. С. 39].

Такие результаты позволяет объяснить использование новой трактовки теории факторов производства. Как известно, родоначальником ее был Ж.Б. Сэй. Для объяснения образования стоимости он выделил три фактора: капитал, землю и труд. Позднее добавили предпринимательский ресурс, что было вызвано отделением от владельца предприятия (который ассоциировался с капиталом) функции управления производством наемными менеджерами, а не собственниками.

В современной трактовке теория факторов производства дополнена еще одним, имеющим качественные отличия от предыдущих, его можно интерпретировать как ресурс рынка, поскольку он определяет возможности сбыта продукции или услуг. Дело в том, что все предыдущие можно найти на рынке, их можно купить или получить на определенных условиях (кредит, лизинг и т.д.). «Ресурс рынка играет активную, а в нынешних условиях порой даже и ключевую роль. Именно от него зависит, будут ли приведены в действие остальные факторы, поскольку без наличия сбыта производство теряет смысл, и производственный цикл прерывается. Капитал без рынка сбыта „умирает“, он не способен восполнить понесенные затраты, не может извлечь прибыль, которая необходима для расширения производственного цикла. Необходимым условием существования капитала является реализация созданного при его помощи продукта или услуги» [1. С. 52].

Исходя из этих условий, экономическая политика промышленно развитых стран одной из главных целей ставит обеспечение сбыта, не провозглашая это открыто. Невозможно купить сбыт, но его можно организовать.

Конечно же, только в художественной литературе это делается с помощью экзотических приемов, например, использования репейника [3. С. 162]. В современных условиях его организуют при помощи различных методов: идеологических, дипломатических, военных, валютно-финансовых и т.д. Для решения этой задачи создаются международные торговые союзы и интеграционные объединения различного типа. Потенциал рынка может раскрываться разными способами,

например, при помощи инновационной и внешнеэкономической политики, направленной на создание торговых, валютных и иных союзов или региональных организаций. Реальная емкость рынка зависит от хозяйственной политики государства, внутрифирменной стратегии и множества других факторов.

Одним из самых эффективных способов расширения рынка является социальная и инновационная ориентация, которую активно используют страны Северной Европы. Такой курс страхует от неблагоприятного развития экономической жизни, которое наблюдается в странах Южной Европы, Балтии, когда утрачивается промышленная основа из-за потери рынков сбыта и самостоятельной экономической политики. Анализ, проведенный российскими исследователями, показал, что инновационная и социальная ориентация экономики этих стран преследует определенные цели — гарантировать рынки сбыта, чтобы таким образом сохранять и развивать свой потенциал [2. С. 38].

Социальная ориентация, в первую очередь, решает задачу обеспечения расширенного сбыта на внутреннем рынке, на внешнем его сегменте, при этом проявляется взаимное их влияние. Социальная ориентация обеспечивает подготовку трудовых ресурсов соответствующего уровня, необходимого для осуществления инноваций требуемого качества. Инновации, предназначенные для увеличения экспорта, поддерживаются внутренними инновациями — не только технологическими, но и социальными и экологическими.

В то же время инновационная ориентация, обеспечивая выгодное место в системе международного разделения труда, помогает поддерживать внутри страны дорогостоящую систему социальной поддержки населения. Данная система существует благодаря высоким доходам экспортеров, частично перераспределяемых в пользу государства и других слоев населения. Инженер в стране, получающей технологическую ренту на мировом рынке, имеет более высокий уровень жизни, чем такой же специалист в стране, живущей за счет продажи топлива, продовольствия или сырья.

Еще одним важным элементом скандинавской модели социального государства является возмещение социальных издержек (затраты на образование, профессиональное обучение, медицинское обслуживание, меры на рынке труда) государством. Выполнение государством социальных функций в значительном объеме может быть выгодно для предпринимательского сектора. Если в какой-то стране создана «умная экономика», растут объемы наукоемкого сектора, то ее компании предъявляют растущий спрос на высокообразованные и высококвалифицированные кадры, способные работать в инновационных отраслях. В этом случае предпринимательскому корпусу намного выгоднее, чтобы государство брало на себя большую часть затрат по формированию и совершенствованию человеческого потенциала и превращению его в фактор развития, чем создавать собственные системы подготовки рабочих кадров с нуля.

Итак, можно вполне обоснованно признать, что скандинавская модель хозяйственного социально-экономического развития позволила этим странам довольно благополучно выйти из финансового кризиса 90-х гг. Это подтверждает выска-

зывание министра финансов Норвегии К. Хадварсен: «В общем и целом наши системы социального благополучия с высоким налогообложением, дорогостоящей социальной защитой действовали, как стабилизационный якорь» [2. С. 38].

Если использовать новую трактовку теории факторов производства применительно к экономической ситуации в России, то следует усилить внимание к такому фактору, как ресурс рынка сбыта. Причем основные усилия необходимо сосредоточить на повышении покупательной способности беднейших слоев населения. Именно они отнесут всю прибавку в магазины, в отличие от богатых, и предъявят спрос на наиболее ходовые продукты и вещи, произведенные отечественными производителями. На этом направлении близка к реализации программа дополнительного питания (ПДП) «Продуктовая карта». «По ней малоимущие граждане смогут ежемесячно получать от государства деньги по 1200 рублей в месяц на человека на некоторые виды отечественных продуктов. Предположительно через кошельки россиян в пищевую промышленность из госбюджета будет перетекать свыше 240 млрд рублей в год, что составляет менее двадцатой части ее среднегодового оборота» [6. С. 38].

Перед правительством встает сакраментальный вопрос: «Где взять деньги?».

По данным Росстата, за восемь месяцев 2015 г. доходы бюджета сократились по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. на 5%, а расходы выше прошлогодних на 18,6%. У регионов положение не лучше. На наш взгляд, наиболее предпочтительный выход — это введение нулевой ставки подоходного налога на заработную плату в пределах 15—16 тыс. рублей с одновременным увеличением подоходного налога на лиц, имеющих наиболее высокие доходы, т.е. пятую квинтиль. Как следует из данных таблицы 2, увеличение подоходного налога для пятой группы только на 4% в два раза перекроет потери от введения нулевой ставки по первой группе. Безусловно, более эффективным было бы введение для самых богатых слоев населения ставки подоходного налога хотя бы в размере средневропейской по состоянию на 2014 год — 35,2%.

Таблица 2

Расчет среднемесячной заработной платы и НДФЛ по 20-процентным группам занятых [11] (данные 2014 года)

Распределение по 20%-м группам	Доля фонда оплаты труда в доходах в %/ Объем в млрд руб.	Численность занятых в тыс. человек	Величина уплачиваемого НДФЛ каждой группой в млрд руб.	Среднемесячная заработная плата в руб.
Первая (с наименьшей заработной платой)	5,2 1666,9	14 307,8	216,7	9 708
Вторая	9,9 3 167,8	14 307,8	411,8	18 450
Третья	14,9 4 767,8	14 307,8	619,8	27 769
Четвертая	22,6 7 231,3	14 307,8	940,1	42 107
Пятая (с наибольшей заработной платой)	47,4 15 166,6	14 307,8	1971,7	88 335

Наглядное представление о том, как обстоят дела с доходами в первой группе, можно получить из данных табл. 3. В 2014 г. прожиточный минимум был установлен в целом по России в размере 8234 рубля. Таким образом, лица с заработной платой от 5000 до 9000 тысяч рублей после вычетов подоходного налога не имели прожиточного минимума. Таковых насчитывалось 14,2%, или 20,6 млн человек.

Таблица 3

**Распределение населения
по величине среднедушевых денежных доходов [11] (в %)**

	2008	2010	2014
Все население	100	100	100
в том числе со среднедушевыми денежными доходами в месяц, руб.:			
до 5 000,0	15,9	9,4	3,3
от 5 000,1 до 7 000,0	12,6	9,4	4,8
от 7 000,1 до 9 000,0	11,7	9,8	6,1
от 9 000,1 до 12 000,0	14,5	13,6	10,0
от 12 000,1 до 15 000,0	10,9	11,3	9,9
от 15 000,1 до 20 000,0	12,3	14,1	14,4
от 20 000,1 до 25 000,0	7,5	9,5	11,4
от 25 000,1 до 30 000,0	4,7	6,4	8,8
от 30 000,1 до 35 000,0	3,0	4,4	6,7
от 35 000,1 до 40 000,0	6,9	3,1	5,1
от 40 000,1 до 50 000,0	...	3,8	7,0
от 50 000,1 до 60 000,0	...	5,2	4,2
выше 60 000,0	...	...	8,3

Свою теоретическую позицию по этой проблеме четко определил второй человек в нашей стране: «Наконец на передний план в экономической и политической повестки выходит рост неравенства — и как фактор, напрямую влияющий на уровень социально-политической стабильности, и как возможный ограничитель экономического роста» [7. С. 12]. С этим тезисом можно целиком и полностью согласиться, но только с единственной поправкой: неравенство — не возможный, а реальный ограничитель экономического роста, так как ведет к снижению объемов внутреннего платежеспособного спроса. Необходимо делать ставку на рост внутреннего потребления. Именно это демонстрирует Китай. Но сокращение неравенства — это не только введение прогрессивного налогообложения, но и рост заработной платы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Антюшина Н.* Значение опыта североевропейских стран для экономической теории и политики // *Экономист*. 2015. № 8.
- [2] *Бузгалин А., Колганов А.* Русская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // *Проблемы теории и практики управления*. 2014. № 10.
- [3] *Воронов К.* Северные страны: рациональная алгоритмика преодоления кризиса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 10.
- [4] *Генри О.* Короли и капуста. Т. 1. М., 1975.

- [5] Гришин И. Швеция после шведской модели // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 6.
- [6] Захаров В., Голикова Е. О зависимости благополучия страны и прогрессивности шкалы налогообложения // Экономист. 2015. № 8.
- [7] Лабькин А. Инъекция от бедности // Эксперт. 2015. № 40.
- [8] Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10.
- [9] Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 13.02.2012.
- [10] Смолин О.Н. Социальная справедливость: не «все поделить», но «делиться надо» // Альтернативы. 2014. № 1.

THE CURRENT RUSSIAN MODEL OF SOCIAL DEVELOPMENT, AND ECONOMIC GROWTH

V.V. Paramonov

Public and Municipal Administration Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Although the Article 7 of the Constitution of Russia adopted in 1993 defines the country as a social state, the contemporary social and economic situation is significantly different from this declaration. The author considers the current situation focusing on the foundations of the welfare state. The indicators of social inequality and stratification that allow to identify the country as a social state prove the widening gap between the rich and poor. In recent years, nothing has been done to achieve the more equitable distribution of income and national wealth, which led to the further growth of social inequality exceeding the global indices. The author believes that the high level of social inequality negatively affects the economic growth. Based on the studies of Russian scientists he concludes that equal distribution of income provides higher rates of economic growth and prosperity of the country. The modified theory of the factors of production explains this interconnection, and adds a few more factors, including such a specific resource as sales market, to three factors introduced by J.B. Say at the beginning of the XIX century. The huge social inequality and, consequently, a significant number of the poor deprive the country of such an important resource. To change the situation, the author proposes to return to the progressive tax scale and introduce the zero rate of income tax for the poorest groups in order to create prerequisites for the growth of consumer demand under the economic crisis.

Key words: welfare state; income differentiation; progressive scale; “flat” scale; theory of the factors of production; market resources.

REFERENCES

- [1] *Antyushina N.* Znachenir opita severievropeiskih stran dly ekonomicheskoy teorii i politiki [The meaning of the Nordic experience for economic theory and policy] // *Economist*. 2015. № 8.
- [2] *Buzgalin A., Kolganov A.* Russkaya ekonomicheskaya sistema: specifika otnosheniy sobstvennosti i vnutrikorporativnogo upravleniya [Russian economic system: Specific relationship between property and internal corporate management] // *Problemi teorii i praktiki upravlniya*. 2014. № 10.

- [3] *Voronov K.* Severnie strani: razionalnaya algoritmika preodoleniya krisisa [Nordic countries: Rational algorithms of overcoming the crisis] // *Mirovaya economica i mezhdunarodnie otnosheniya*. 2014. № 10.
- [4] *Henry O.* Koroli i kapusta [Cabbages and Kings]. Vol. 1. M., 1975.
- [5] *Grishin I.* Shwetsiya posle shwedskey modeli [Sweden after the Swedish model] // *Mirovaya economica i mezhdunarodnie otnosheniya*. 2014. № 6.
- [6] *Zakharov V., Golikova E.* O zavisimosti blagopoluchiya stran i progressivnosti shkali nalogoblageniya [On the dependence of the welfare of the country on the progressive scale of taxation] // *Economist*. 2015. № 8.
- [7] *Lobykin A.* In`ektsiya ot bednosti [Injection from the poverty] // *Expert*. 2015. № 40.
- [8] *Medvedev D.A.* Novaya realnost: Rossiya i globalnie vyzovy [A new reality: Russia and global challenges] // *Voprosi ekonomiki*. 2015. № 10.
- [9] *Putin V.V.* Stroitelstvo spravedlivosti. Sotsialnaya politika dlya Rossii [Construction of justice. Social policy for Russia] // *Komsomolskaya pravda*. 13.02.2012.
- [10] *Smolin O.N.* Sotsialnaya spravedlivost: ne "vse podelit", no "delitsya nado" [Social justice: Not "all to share", but "we must share"] // *Alternativy*. 2014. № 1.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В СФЕРЕ БИЗНЕСА В РОССИИ И ИРАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А.С. Благова

Кафедра государственного и муниципального управления
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена трансформации ценностей, доминирующих в сфере предпринимательства в России и Иране. Бизнес-сфера рассматривается в качестве движущей силы, как для общественной жизни в целом, так и экономической среды. Так как ценностные установки в сфере бизнеса могут быть рассмотрены как практический пример уровня восприятия обществом традиционного аксиологического комплекса государства, в статье с использованием статистических данных, представленных международным исследовательским центром «*GlobeScan*», независимой социологической службой Фонда «*Общественное мнение*», Аналитическим Центром «Левада-центр», анализируются причины непринятия российским обществом системы ценностей предпринимательского класса. В сравнительном аспекте рассматривается ценностная компонента сферы бизнеса в Исламской Республике Иран. Исследуется история реорганизации экономической системы согласно принципам концепции «тоухидной экономики» («экономики божественной гармонии») в целях снижения уязвимости национальной экономики в условиях действия глобализации сферы бизнеса и его ценностных компонентов. Анализируется деятельность исламских фондов («боньядов»), вовлеченных в предпринимательскую деятельность, как инструментов государства для пропаганды необходимых ценностных установок. Объясняется разделение бизнеса по степеням восприятия европейских ценностей в зависимости от его аффилированности с различными политическими силами.

Ключевые слова: ценности предпринимательства; антиценность; ценностные установки; духовно-нравственная система; позитивный имидж; положительная репутация; национальные интересы; бизнес-деятельность; предпринимательские структуры; ислам.

Ценности являются одним из ключевых элементов мотивационной сферы социума, регулируя поведение людей и выстраивая его в соответствии с целями, обусловленными определенным аксиологическим комплексом. На достижение данных целей в условиях действия определенной ценностной системы направлена деятельность тех членов общества, которые их разделяют. В этой связи важно отметить, что именно бизнес-среда несет в себе функцию локомотива не только для экономической сферы, но в той или иной мере для всей общественной жизни страны, во многом определяя качество жизни, целевые установки государства, градус общественного настроения.

Одной из основных функций бизнеса для социального развития является экономическая функция, которая предполагает активную хозяйственную деятельность внутри общества для обеспечения воспроизводства его потенциалов.

Также следует отметить, что бизнес, соприкасаясь с политической сферой, влияет на развитие института гражданского общества в стране. Отстаивая свои

интересы, представители крупного, среднего и мелкого бизнеса оказывают косвенное воздействие на процесс формирования органов власти и на дальнейшее принятие ими политических решений посредством активного участия в предвыборных мероприятиях.

В условиях действия поля национальных традиционалистских ценностей страны этические нормы взаимодействия в бизнес-сфере становятся практическим примером для реализации определенных норм морали и нравственности в других сферах общественной жизни. Если же общепринятые нормы, реализуемые на практике в среде деловой активности, входят в противоречие с цивилизационно-религиозными ценностями государства, то возникает ситуация «двойных стандартов», когда традиционалистскому аксиологическому комплексу противостоят обыденные бизнес-ценности, поощряя тем самым усиление влияния «пакета антиценностей» (1).

Однако следует отметить, что бизнес, принимающий условия социального партнерства, в достаточной мере способствует интеграции общества путем оказания финансовой помощи различным социально-значимым институтам, таким как: образовательные, спортивные, научные, культурные и другие учреждения. На основании всего вышеперечисленного представляется важным рассмотреть, какие ценности несет в себе российский бизнес и является ли он самоценностью для общества, а также проанализировать возможные пути выстраивания ценностного комплекса предпринимательской сферы на примере Исламской Республики Иран.

Согласно статистическим данным, полученным в результате опроса (2), инициированного международным исследовательским центром «GlobeScan» [21], меньшинство населения России, а именно 16% респондентов, считают, что богатые люди в стране заслуженно получили свое состояние. Данные исследовательские результаты представляют важное значение для возможности выявления отношения населения к предпринимательскому слою, так как именно предпринимательская деятельность является основным узаконенным способом приобретения богатства.

Также, опираясь на данные независимой социологической службы Фонда «Общественное мнение» [6], следует отметить, что не менее трети российского общества отрицательно относится к предпринимательской элите. Около 33% россиян полагают, что крупный бизнес оказывает негативное влияние на жизнь рядовых граждан в стране. Более 70% населения считают современный российский бизнес криминогенным, утверждая, что невозможно заработать в стране большие деньги, не нарушая законов [16]. По этой причине доходы предпринимательской элиты российского бизнеса рассматриваются населением как незаконные. В целом по стране наблюдается снижение благожелательного отношения общества к бизнес-среде. Данное положение объясняется рядом различных факторов: неоднозначность ценностных установок российских предпринимателей; историческое наследие коммерческим классом отрицательно воспринимающегося населе-

нием образа бизнесмена; низкий уровень предпринимательской активности в стране; задача бизнесом слабого импульса для развития экономики государства.

Вследствие действия программы по либерализации экономики в девяностых годах двадцатого столетия в стране наблюдалась ситуация существенного увеличения доли теневой экономики в подсчете валового внутреннего продукта, сопровождающаяся распространением идей правового нигилизма в процессе нелегитимного перераспределения собственности в государстве, что отразилось на статистике зарегистрированных экономических преступлений корыстного содержания. Следует отметить, что такое дефективное состояние отечественной экономической сферы сказалось на общественном мнении. Согласно ежегодному справочнику за 2013 г. Аналитического Центра «Левада-центр» [13] российское общество, опрашиваемое в период с 1991 г. до 2013 г., давало негативные характеристики отечественным предпринимателям (табл. 1). Более всего голосов за все время проведения социологических опросов было отдано позиции «жажда наживы» как основной черты российского бизнеса. Следующими в иерархии лидирующих характеристик были: склонность к разного рода жульничеству и махинациям, деловая хватка, неразборчивость в средствах достижения своих целей, нежелание честно трудиться, авантюризм, низкий уровень общей культуры.

Таблица 1

Качества, присущие отечественным предпринимателям, по мнению населения

Качества	1991	1994	2001	2010	2013
Жажда наживы	50	54	48	51	53
Склонность к разного рода жульничеству и махинациям	45	37	36	41	35
Деловая хватка	20	20	22	33	29
Неразборчивость в средствах достижения своих целей	21	19	22	26	28
Нежелание честно трудиться	20	25	27	26	28
Авантюризм	26	16	21	24	26
Низкий уровень общей культуры	20	15	16	20	20

Важно добавить, что преобладание антиценностей в предпринимательской среде появилось вследствие приспособленческого поведения представителей бизнес-класса по отношению к новым экономическим и политическим условиям осуществления коммерческой деятельности в начале девяностых годов, когда они были вовлечены в борьбу за выживание. Эта борьба, охватившая большинство населения страны в последнее десятилетие двадцатого века, инициировала процессы размывания нравственных ценностей и нивелирования потребностей нематериального характера, что объяснимо в рамках теории Абрахама Маслоу. Начавшееся разложение духовно-нравственной системы ценностей общества, которое характеризовалось общим принципом, что цель оправдывает любые средства, также затронуло сферу предпринимательских отношений.

Следует отметить, что предпринимательский сектор способен дать мощный импульс для развития экономики, являясь оперативным индикатором состояния потребностей населения страны и при этом в гибкой форме быстро на них реагируя. Однако для достижения такого результата российскому бизнесу необходимо создать и закрепить в общественной мысли свой позитивный имидж, свободный от случаев махинационной деятельности предпринимателей, о масштабах которой свидетельствуют данные, что около 72% представителей бизнес-класса в России уклоняются от уплаты налогов, более 50% подкупают должностных лиц и 30% предоставляют своим партнерам заведомо ложную информацию [9].

Ситуация столь низкого морально-нравственного уровня отечественных предпринимателей может быть объяснена вследствие рассмотрения нескольких причин.

Следует отметить, что сфера современного бизнеса формировалась в России в течение довольно короткого временного промежутка в условиях перехода от социалистической экономической системы к капиталистической, что повлияло на возникновение деформации психологических мотивов экономического поведения у населения. Важно добавить, что в ситуации резкого перехода к рыночной экономике не было создано условий для возможности беспрепятственного вхождения в экономику страны предпринимателей «из народа». В то время больше привилегий для занятия бизнесом было у бывших номенклатурных работников и руководителей разного рода государственных предприятий, которые воспользовались имеющимися у них в соответствии с должностью рычагами для того, чтобы овладеть различного рода ресурсами [7. С. 25]. В сферу бизнес-отношений данные представители предпринимательства привнесли имеющие негативное влияние, искаженные элементы бюрократии: ущемление прав одних в интересах других, коррупцию, игнорирование нормативно-правовых норм [12. С. 28]. Сложилась патологическая экономическая ситуация, когда «неформальные механизмы согласования интересов бизнеса требуют наличия личных связей с чиновниками и административного ресурса для достижения успехов в бизнесе. Получается, что российский бизнес возник не эволюционным путем как на Западе, а при непосредственном участии и «по политической воле государства» [4. С. 35—37].

Иная группа представителей российского бизнеса была сформирована из класса подпольных предпринимателей, спекулянтов и граждан, занимающихся перепродажей товаров, то есть тех людей, которые имели опыт коммерческой деятельности и могли быстро приспособиться к новым экономическим условиям. Однако следует отметить, что наиболее малочисленную группу составляли те люди, которые имели своей целью выживание в измененных обстоятельствах, были способны рисковать, проявлять инициативу и обладали организаторскими способностями.

В сравнении с предпринимательской деятельностью представителей дореволюционной деловой среды, немалую долю которой составляли выходцы из крестьян [15. С. 79] и которая строилась на основании устоявшихся принципов ведения дел, основывающихся на национальных ценностях, современные участники биз-

неса более нацелены на получение максимального дохода за минимальное время, часто прибегая в связи с этим к западному опыту, копируя его без учета национальных и исторических особенностей России.

Также следует отметить, что представители предпринимательского класса в девятнадцатом и двадцатом веках, в особенности купцы, соблюдали принцип законности происхождения своего имени, в то время как современная российская бизнес-элита не имеет такой положительной репутации у населения. Об этом свидетельствует тот факт, что согласно результатам опросов «Левада центр» за последние одиннадцать лет [14] около 30% российского общества считает, что деятельность крупных отечественных предпринимателей идет России во вред. Такое мнение поддерживается тем, что во многих случаях законность возникновения капитала российских бизнесменов вызывает сомнения у населения. А данный факт усугубляет действие процессов восприятия обществом стереотипов, что личные приоритеты российских предпринимателей в ведении бизнеса не отвечают национальным интересам страны.

Предположения общества относительно первенства цели достижения частной выгоды для представителей современной бизнес-среды подтверждается ответами предпринимателей на анкетный вопрос [9] о ведущих мотивах бизнес-деятельности: около 70% опрошенных выбрали первым мотив, связанный со стремлением извлечь прибыль [17].

Согласно результатам проведенных исследований проекта «Глобального мониторинга предпринимательства» за 2014 г. [19] в России наблюдается низкий уровень ранней предпринимательской активности: только 4,7% трудоспособного населения страны являются ранними предпринимателями. Во многом такие показатели связаны с тем, что новые предприниматели в большинстве случаев не могут преодолеть начальный этап развития бизнеса, который связан со значительным риском и большими трудозатратами. Это отражает сниженный в сравнении с данными экономически развитых стран индекс активности российских компаний, которые проработали на рынке уже более трех с половиной лет. Он оставляет всего 3,9%.

Следует отметить, что увеличение бизнес-сектора в скором времени не предвидится, так как только 5,7% россиян в течение трех лет имеют намерение начать свое дело. Данный показатель остается одним из самых низких среди 73 стран-участниц проекта.

Важно добавить, что в России половину из этих 5,7% составляют устоявшиеся предприниматели, планирующие создание нового бизнеса, а не ранний предпринимательский класс.

Также следует отметить, что согласно социологическому исследованию, проведенному авторами статьи «Предпринимательство в системе ценностей российского общества» [5. С. 59], значимой причиной низкой предпринимательской активности в стране была названа непопулярность ценностей, выделяющих класс предпринимателей, среди общества: ценности инициативности, предприимчиво-

сти, способности выразить себя, выделиться поддерживают только 9,5% респондентов; ценности независимости, способности быть индивидуальностью поддерживаются 20,4%; ценность свободы для реализации потребностей и способностей индивида поддерживают 14,7%. Такое процентное распределение может быть объяснено тем, что в российском обществе долгое время присутствовали идеи коллективизма и незаконности предпринимательской деятельности, а также в начале 90-х гг. XX в. население столкнулось с ситуацией отсутствия в бизнес-среде того времени положительной ценностной парадигмы, что привело к процессам неприятия обществом ценностей предпринимательской прослойки.

Однако следует отметить, что молодое поколение России (от 18 до 29 лет) и люди среднего возраста (от 30 до 54 лет) в большей степени, нежели люди зрелого возраста (от 55 лет и старше), которые являются представителями «средне-советской» генерации, поддерживают ценности, присущие субъектам предпринимательской деятельности.

На основании результатов социологического исследования [9], проведенного А.Л. Кузевановой для выявления ценностей российской бизнес-деятельности, можно заключить, что большинство российских предпринимателей не принимают ценность взаимодействия с социокультурной средой для достижения положительной корреляции с целью экономического развития страны. Только 6,5% респондентов выбрали приоритетным социально-значимый мотив в своей предпринимательской деятельности. В сфере российского предпринимательства в отличие от развитых стран Запада еще не сформировалось четкое представление о том, что взаимосвязь бизнеса и социальной сферы может стать сильным поддерживающим фактором развития компании.

Важно отметить, что предпринимательский сектор при поддержке со стороны общественных и государственных структур является мощным стимулом для устойчивого развития страны. В данном контексте возникает задача ценностной реабилитации функционирующего бизнеса в России.

Однако важно осознавать, что современная ситуация диспропорции в распределении по отраслям предпринимательского сектора не может вызывать расположения у российского общества. Такое положение отражается в том, что в стране чрезмерное количество частного бизнеса сконцентрировано в банковской сфере и сфере посреднического распространения импортных товаров, когда отечественное производство во многих отраслях экономики не получает возможности для необходимого развития. Такое состояние экономики явилось следствием того, что наибольшую долю национального государственного дохода составляет валюта, полученная в результате экспортирования сырьевых ресурсов. Данный валютный поток дал импульс к развитию торговли импортными товарами и созданию коммерческих банков.

Важно заметить, что запрограммировать долгосрочное положительное экономическое развитие страны можно лишь при достаточном участии в экономике предпринимательского сектора, связанного с разноотраслевой производственной

деятельностью. Достигнуть такого положения с минимизацией различных издержек возможно в условиях активного действия в национальной бизнес-сфере традиционалистских ценностей служения возрождению страны.

Данную аксиологическую совокупность можно раскрыть следующими ценностями: обоснованное расходование предпринимателями полученного дохода, инвестирование в производственный сектор, развитие социального сотрудничества и партнерства, ответственное отношения к формулированию и дальнейшему исполнению миссии своей компании. Именно такие ценностные установки бизнеса Российское государство должно культивировать, поощряя предпринимательские структуры, которые выстраивают свою деятельность в соответствии с ними.

Примером активной деятельности государства по созданию и поддержанию определенного ценностного фона, действующего в бизнес-сфере, может стать Исламская Республика Иран. В религиозных текстах, являющихся источниками для Конституции Исламской Республики Иран, можно выявить основные ценностные характеристики экономической сферы для иранского общества, которые также относятся и к предпринимательскому сектору, а иногда напрямую обращаются именно к этому уровню экономики. Исламское наследие религиозной мысли одобряет справедливую торговлю, реализующуюся в бизнес-сфере Ирана, где в значительном количестве представлены мелкие и средние предприниматели, так как большой процент крупных секторов экономики включен в ведение государства. Например, для сферы экономики концентрация капитала в исламском Иране воспринимается как антиценность [2]. Также осуждается предпринимательство, организованное с целью незаконного обогащения или получения ростовщического процента, запрет на данные виды бизнес-деятельности закреплен в статьях Конституции ИРИ [1], которые основываются на аятах Корана [3].

После победы антишахской революции в Иране основное внимание правящей элиты в экономической системе стало обращено к процессу насаждения и поддержания нравственных принципов человеческих отношений в экономической сфере, что должно было способствовать возрождению и дальнейшему процветанию исламского общества (уммы).

При реализации представленной идеологией революции имамом Хомейни концепции «исламского правления» появилась необходимость в применении четкой программы по внедрению исламских принципов в реалии иранской экономики. В связи с тем, что в трудах Хомейни функционирование экономики в условиях религиозного правления было обозначено лишь в общем виде, за основу была принята теория Аболхоссейна Банисадра, который входил в ближайшее окружение имама Хомейни и впоследствии стал первым Президентом Исламской Республики Иран. Модель «тоухидной экономики», то есть экономики божественной гармонии, которая была им предложена и объяснена в его книге «Тоухидная экономика» [22], стала базовой платформой для реорганизации иранской экономики и активно применялась вплоть до окончания ирано-иракской войны.

Данная модель предполагала, что экономические отношения, возникающие в иранском обществе, должны соответствовать шариату и рассматриваться в качестве характерного элемента исламского образа жизни. Иранское духовенство транслировало идеи о том, что экономика должна стать механизмом реализации религиозной морали, которая будет способствовать поддержанию состояния равновесия в обществе и укреплению чувства идентичности иранцев. Али Акбар Натег Нури, бывший в течение восьми лет председателем иранского парламента (меджлиса), говорил о важности того, чтобы экономика страны опиралась именно на национальные ценности, которые уменьшают ее уязвимость в условиях усиливающихся процессов глобализации.

Важно отметить, что значимыми элементами для экономики Ирана, транслирующими исламские ценности, стали исламские фонды — «боньяды», которые начали постепенно функционировать в предпринимательской среде вследствие получения значительной доли собственности, включающей в себя современные предприятия, после завершения процессов национализации в стране [10. С. 358—371].

Следует отметить, что иранское государство, владея крупным сектором экономики, оставляет для бизнеса определенную часть экономического пространства, уже насыщенную ценностями ислама, которые программируют предпринимательский класс вести дела в соответствии с религиозными нормами.

Так как ценностные установки для бизнес-среды в Иране заранее предопределены, специфика развития бизнеса в стране зависит от аффилированности той или иной группы иранской экономической элиты с определенными политическими силами, которые продвигают приоритетные для них ценности экономического развития. По этой причине бизнес-среда Исламской Республики Иран характеризуется определенной клановостью.

В целом бизнес в Иране можно разделить на три части. Первая часть представлена базаром, в значении которого следует понимать совокупность торговых точек, примерная численность которых в стране превысила сто шестьдесят тысяч единиц [18. С. 94—95]. Базарные структуры исторически поддерживались духовенством: локальная базарная система обычно выстраивалась вокруг мечетей.

Важно добавить, что модернизационная политика шаха, характеризовавшаяся открытостью внешних рынков, представляла опасность для духовенства, снижая его влияние внутри государства, и для экономического потенциала базара. Нарастающее недовольство базара и духовенства стало фактором, усилившим революционное движение, в результате которого шахский режим был свергнут. Представители духовенства получили абсолютную политическую власть, а базар вследствие широкой поддержки ценностей концепции Аболхоссейна Банисадра — большую долю экономики, например, в послереволюционное время при влиянии базара прекратили свое существование все торговые точки, которые не входили в базарную ассоциацию. Фактически после революции и до 1989 г. базар был единственным финансовым институтом в стране, сосредотачивающим в своей

системе значительные финансовые средства. Тот факт, что из шестидесяти членов первого Исламского банка, основанного примерно спустя три месяца после революции, пятьдесят два члена являлись представителями базара, говорит о беспрецедентном влиянии базарной системы в то время на экономику страны [20. С. 386].

После антишахской революции в условиях дефицита товаров по причине недостатка собственных производств в стране именно базар стал распределять среди населения импортные товары, закупаемые на нефтяные доходы. На современном этапе базар продолжает оставаться могущественной кредитной организацией, которая в обход иранским законам, запрещающим ростовщичество, предлагает населению услуги по выделению денег под проценты. Базарное сословие формирует Торгово-промышленную палату, которая отстаивает его интересы.

Важно отметить, что в экономической среде базар продвигает ценности свободного рынка, однако выступает против демократических ценностей, которые могут получить широкое распространение вследствие глубинного вовлечения Ирана в мировую экономику. Интересы представителей базара касаются лишь внутреннего рынка страны, так как в большинстве своем они строят свою экономическую деятельность на базе простейших законов рынка и незнакомы с процессами мировой экономической системы, при вовлечении страны в которую их положение может резко ослабеть. По этой причине базар воздействует на государство с целью осуществления протекционистской политики, что оказывает определенное влияние на установление высоких ввозных пошлин для импорта многих иностранных товаров [18. С. 97—98].

Вторая группа экономической бизнес-элиты получила свое развитие во время правления Президента Али Акбара Хашеми-Рафсанджани и по этой причине поддерживает реформаторский блок в Иране. Состав данной группы представляют иранцы, имеющие значительный капитал и владеющие крупными производствами, которые получили необходимый импульс к развитию в начале 1990-х гг. Группа предпринимателей, являющихся сторонниками политического курса Хашеми-Рафсанджани, транслирует ценности свободного рынка и демократических основ в экономике, которые позволят Ирану интегрироваться в глобальную экономику. В середине 1990-х гг. данная бизнес-группа, поддерживающая реформаторские ценности, стала противостоять ценностной политике базара. Правительство Хашеми-Рафсанджани в интересах своих сторонников начало политику по ослаблению государственного регулирования, уменьшению прямого вмешательства в систему ценообразования, привлечению иностранного капитала, развитию экспортных отраслей обрабатывающей промышленности, созданию свободных экономических зон [18. С. 98]. Однако следует отметить, что данная группа составляет около 20% всей бизнес-сферы страны, в то время как базар занимает примерно 60% [181. С. 265].

Третью группу представляют сторонники курса Махмуда Ахмадинежада, поддерживавшие его на президентских выборах начиная с 2005 г. Представители этой группы также являются владельцами примерно 20% промышленных производств в стране. Бизнесмены из этой группы наиболее негативно относятся к демо-

кратическим ценностям, присущим западным экономикам и свободному рынку. По мнению бизнес-элиты, поддерживающей курс Ахмадинежада, внешнеполитическая активность страны должна быть направлена на укрепление основ исламского строя. Большой интерес у представителей этой группы вызывает результаты перераспределения доходов внутри страны, в том числе от экспорта нефти [10. С. 160—174].

Подводя итог всему вышеперечисленному, важно отметить, что в Иране реальные властные полномочия сосредоточены в руках духовенства и бюрократов, часть которых поддерживала Махмуда Ахмадинежада, и данные представленные силы не заинтересованы в изменениях политического строя вследствие экономических преобразований, возможных при поддержании бизнес-элитой новых западных ценностей. По этой причине государственная власть активно способствует усилению влияния исламских ценностей на сферу экономических отношений, которая в условиях современности в соответствии с правительственными программами должна развиваться на основании концепции «исламско-рыночной экономики».

В данном контексте уместно привести в качестве примера обращение Корпуса стражей исламской революции от девятнадцатого марта двухтысячного года относительно заявления госсекретаря Соединенных Штатов Америки о возможности смягчения санкций в отношении Ирана: «Корпус стражей исламской революции сохраняет за собой право на своевременный и адекватный ответ на решение администрации Соединенных Штатов Америки о частичном смягчении торговых санкций в отношении Ирана. Заявление Мадлен Олбрайт представляет собой настойчивые попытки Белого дома спровоцировать кризис в Иране. Сейчас, когда американцы так откровенно вмешиваются в наши внутренние дела, весь наш народ и все политические партии должны оказать им должное сопротивление» [8].

Иран после становления в нем исламской формы государственности столкнулся с проблемой борьбы цивилизаций, описанной С. Хантингтоном. Государственная власть с целью сохранения влияния исламских ценностей в стране стремится оградить наиболее подверженную глобализационным процессам сферу экономических отношений от воздействия западного аксиологического комплекса. В данном случае политическая элита руководствуется наставлением имама Хомейни о том, что у Запада можно позаимствовать достижения науки и техники, которые необходимы для возрождения экономического прогресса в стране, без перенятия западного мировоззрения.

В целом ценности бизнес-сферы являются стратегически важной категорией для обеспечения жизнеспособности государства и требуют спланированного управленческого воздействия со стороны органов государственной власти в целях поддержания национально-идентичного аксиологического комплекса для возможности позитивного и устойчивого развития страны. В данном контексте целенаправленное управления ценностями предпринимательства в Исламской Республике Иран может быть рассмотрено в положительном ключе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Ценности, несущие в себе ложную информацию относительно направлений развития государства, что может привести к снижению его жизненных потенциалов.
- [2] Исследование длилось с 2008 по 2012 г.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] 43, 49 статьи Конституции Исламской Республики Иран.
- [2] 7 аят Суры Собрание Корана, 34 аят Суры Покаяние Корана.
- [3] 275, 278, 279 аяты Суры Корова Корана.
- [4] *Алейников А.В.* Бизнес и власть в современном российском обществе: социально-философский анализ: Автореф. дисс. ... д.ф.н. СПб., 2010.
- [5] *Васянин М.С., Кошарная Г.Б.* Предпринимательство в системе ценностей российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 4.
- [6] База данных ФОМ. Частное предпринимательство. URL: http://bd.fom.ru/cat/business/ec_bus.
- [7] *Гертнер С.Л.* Культурные интересы современной российской региональной элиты: реальность, субстанциональность, транзитивность: Автореф. дисс. ... д.ф.н. М., 2010.
- [8] ИТАР-ТАСС. 19.03.2000.
- [9] *Кузеванова А.Л.* Динамика ценностных принципов российской бизнес-деятельности: социологический анализ: Автореф. дисс. ... д.с.н. Волгоград, 2011.
- [10] *Мамедова Н.М.* Исламская экономика и глобализация // Ислам и политика (Взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М., 2001.
- [11] *Мамедова Н.М.* Сравнительный анализ экономического потенциала исламских стран и Ирана // Ближний Восток и современность. М., 2008. Вып. 37.
- [12] *Нифаева О.В.* Современные российские предприниматели: происхождение и характерные черты // Современное общество: взгляд изнутри. СПб., 2012.
- [13] Общественное мнение — 2013. URL: <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2013>.
- [14] Общественное мнение — 2014. URL: <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2014>.
- [15] *Орлов А.* Предпринимательство в России (истоки и этапы до 1992 г.) // Вопросы экономики. 2009. № 12.
- [16] Предприниматели в современной России: от суммы до тюрьмы. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d22psr10.pdf>.
- [17] *Пузанова Ж.В., Хуртина В.В.* Эволюция концепций организационного поведения // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
- [18] *Филин Н.А.* Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран (1979—2008 г.): факторы устойчивости государственной власти: Дисс. ... к.с.н. М., 2012.
- [19] Global Entrepreneurship Monitor. 2014 Global Report. URL: <http://gemconsortium.org/docs/download/3616>.
- [20] *Mozaffari M.* Why the Bazar Rebels // Journal of Peace Research. Nov., 1991. V. 28. № 4.
- [21] Public Remains Concerned Over Wealth Inequalities: Global Poll. URL: <http://www.globescan.com/news-and-analysis/press-releases/press-releases-2012/220-public-remains-concerned-over-wealth-inequalities-global-poll.html>.
- [22] *ابوالحسن بنی صدر. اقتصاد توحیدی.* URL: <http://www.banisadr.com/fr/Books/EGHTESAD-TOHIDI/html/EGHTESAD-TOHIDI.html>.

TRANSFORMATION OF BUSINESS VALUES IN RUSSIA AND IRAN: A COMPARATIVE PERSPECTIVE

A.S. Blagova

Public and Municipal Administration Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article considers the transformations of business values in Russia and Iran defining the entrepreneurship as a driving force for both economic sphere and social life in general. The author believes that business values can be considered a practical example of the social perception of the state traditional axiological complex. Therefore, on the basis of statistical data of the international research center «GlobeScan», independent sociological Fund «Public Opinion», and analytical organization “Levada Center” the author studies the causes for the Russian society rejection of entrepreneurial values. The article presents the business values of the Islamic Republic of Iran in the comparative perspective focusing on the history of economic system reorganization in accordance with the principles of «tawhid economy» («economy of divine harmony») in order to reduce the vulnerability of the national economy under the globalization values and trends. The author analyzes business activities of Islamic funds («bonyad») as instruments of the state for promoting the necessary set of values, and explains the division of business according to the degree of European values acceptance depending on the affiliation with various political forces.

Key words: entrepreneurial values; antivalues; value orientations; spiritual-moral system; positive image; good reputation; national interests; business activities; business structures; Islam.

REFERENCES

- [1] 43, 49 stat'i Konstitucii Islamskoj Respubliki Iran [43, 49 Articles of the Constitution of the Islamic Republic of Iran].
- [2] 7 ajat Sury Sobranie Korana, 34 ajat Sury Pokajanie Korana [7 verse of the Surah 'The Assembly', 34 verse of the Surah 'The Repentance' of the Quran].
- [3] 275, 278, 279 ajaty Sury Korova Korana [275, 278, 279 verses of the Surah 'The Cow' of the Quran].
- [4] *Alejnikov A.V.* Biznes i vlast' v sovremennom rossijskom obshhestve: social'no-filosofskij analiz [Business and Power in the Contemporary Russian Society: Social-Philosophical Analysis]: Avtoref. diss. d.f.n. SPb, 2010.
- [5] *Vasjanin M.S., Kosharnaja G.B.* Predprinimatel'stvo v sisteme tsennostej rossijskogo obshhestva [Entrepreneurship in the value system of the Russian society]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki.* 2012. № 4.
- [6] Baza dannyh FOM. Chastnoe predprinimatel'stvo [FOM database: Private entrepreneurship]. URL: http://bd.fom.ru/cat/business/ec_bus.
- [7] *Gertner S.L.* Kul'turnye interesy sovremennoj rossijskoj regional'noj elity: real'nost', substantsional'nost', tranzitivnost' [Cultural Interests of the Nowadays Russian Elites: Reality, Substantiality, Transitivity]: Avtoref. diss. d.f.n. M., 2010.
- [8] ITAR-TASS. 19.03.2000.
- [9] *Kuzevanova A.L.* Dinamika tsennostnyh principov rossijskoj biznes-dejatel'nosti: sociologicheskij analiz [Dynamics of the Value Principles of Business Activities in Russia: Sociological Analysis]: Avtoref. diss. d.s.n. Volgograd, 2011.
- [10] *Mamedova N.M.* Islamskaja ekonomika i globalizacija [Islamic economy and globalization]. *Islam i politika (Vzaimodejstvie islama i politiki v stranah Blizhnego i Srednego Vostoka, na Kavkaze i v Central'noj Azii).* M., 2001.

- [11] *Mamedova N.M.* Sravnitel'nyj analiz ekonomicheskogo potentsiala islamskih stran i Irana [Comparative study of the economic potential of the Islamic countries and Iran] // *Blizhnij Vostok i sovremennost'*. M., 2008. Vyp. 37.
- [12] *Nifaeva O.V.* Sovremennye rossijskie predprinimateli: proishozhdenie i harakternye cherty [Nowadays Russian entrepreneurs: Origin and typical features] // *Sovremennoe obshhestvo: vzgljad iznutri*. SPb., 2012.
- [13] *Obshchestvennoe mnenie — 2013* [Public opinion — 2013]. URL: <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2013>.
- [14] *Obshchestvennoe mnenie — 2014* [Public opinion — 2014]. URL: <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2014>.
- [15] *Orlov A.* Predprinimatel'stvo v Rossii (istoki i etapy do 1992 g.) [Entrepreneurship in Russia (origins and stages up to 1992)]. *Voprosy ekonomiki*. 2009. № 12.
- [16] *Predprinimateli v sovremennoj Rossii: ot sumy do tjur'my* [Entrepreneurs in modern Russia: From scrip to prison]. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d22psr10.pdf>.
- [17] *Puzanova Zh.V., Hurtina V.V.* Evoljucija koncepcij organizacionnogo povedenija [Development of the organizational behavior theory] // *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 2014. № 2.
- [18] *Filin N.A.* Social'no-istoricheskoe razvitie Islamskoj Respubliki Iran (1979—2008 gg.): faktory ustojchivosti gosudarstvennoj vlasti [Social-Historical Development of the Islamic Republic of Iran (1979—2008): Factors of the State Stability]: Diss. k.i.n. M., 2012.

АКТУАЛИЗАЦИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

М.Е. Липатова¹, А.А. Богатырева²

¹Кафедра социологии коммуникативных систем
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, МГУ, 1-33, Москва, Россия, 119234

²Ингушский государственный университет
*ул. Магистральная, 39, м/о Гамурзиево, Назрань
Республика Ингушетия, Россия, 386132*

В статье рассматриваются основные направления реализации межкультурного диалога в интернет-среде. На основе анализа характера межкультурного общения в интернет-среде выделены особенности, которые характеризуют интернет-пространство как особое средство осуществления межкультурной коммуникации, предоставляющее своим пользователям обширные возможности для реализации идеи межкультурного диалога. Анализируются новые виды и формы коммуникации, которые меняют и совершенствуют межкультурное взаимодействие в интернет-пространстве. Рассматриваются сетевые интернет-сообщества, являющиеся продолжением и новым измерением традиционно сформировавшихся структур социокультурной жизни, а также представляющие собой особое социокультурное пространство, в котором, трансформируя существующую социальную реальность, развиваются новые качества повседневной жизни. Также рассмотрены различные подходы к изучению роли современного интернет-пространства как средства межкультурного общения, в том числе показана специфика российского интернет-пространства в реализации данной цели. Выделены и проанализированы актуальные ресурсы по осуществлению межкультурного диалога, в частности, визуальная коммуникация как современное средство осуществления межкультурной коммуникации в интернет-пространстве. Выявлено, что наиболее широкий спектр возможностей для осуществления формата диалога сегодня предоставляют различные социальные сети. Эти ресурсы могут выступать одновременно площадкой для общения, как больших социальных групп, так и сервисом для переписки отдельных индивидов.

Ключевые слова: визуализация информации; Интернет; коммуникация; межкультурная коммуникация; межкультурный диалог; культура; социальные сети; фотография.

Современная культура во все большей степени зависит от новейших технологий, в особенности от медийных ресурсов Интернета. Тексты, которыми обмениваются пользователи, максимально насыщены разнообразной информацией и символами. События, находящие в них свое отражение, охватывают все больший временной период и не имеют пространственного ограничения. Стирается граница между публичным и частным сообщением. Интернет, будучи высокотехнологичным посредником между субъектами взаимодействия, увеличивает возможности многовариативной коммуникации.

Эта информационно насыщенная среда может выступать эффективной площадкой для взаимодействия различных людей и социальных групп. Интернет-пространство является частью современного общества, частью современной культуры, где люди общаются и реализуют себя, что не могло не вызвать интерес ученых

к изучению особенностей взаимодействия людей в этой среде, создаваемым новым формам, способам достижения взаимопонимания и преодоления препятствий на пути этого взаимопонимания. Учитывая, что Интернет стирает пространственные, временные, культурные, национальные границы, следует отметить, что в новой среде встает вопрос об управлении и повышении эффективности межкультурного взаимодействия с использованием новых информационных технологий.

В научной литературе для описания межкультурной коммуникации часто используются такие понятия, как транскультурная и панкультурная коммуникация, интеркультурная коммуникация, межэтническая коммуникация, межкультурная интеракция, кросскультурная коммуникация и даже культурная синергия. Культура, понимаемая как структура взаимоотношений, интерпретаций и символических систем, создаваемых людьми в рамках их обществ (в определенном месте и времени), может исполнять роль фактора, стимулирующего возможности межкультурной коммуникации с опорой на развивающиеся информационные и коммуникационные технологии.

Здесь особое место отводится языку, символической форме представления передаваемого сообщения. Это вербализация и коммуникативных стратегий и различные формы их визуализации. В поликультурном обществе язык является тем ключом, который открывает реальную перспективу строительства мостов взаимопонимания и взаимодействия между представителями различных стран и культур.

Интернет выступает «не только как проводник информации, но и как среда для диалога «„смыслов“, ценностей, культур. В компьютерной виртуальной реальности человек не утрачивает своей диалогичности. Интернет создает мультикультурную среду общения, он калькирует „мозаичность“ современной культуры. ...Правы те исследователи, которые констатируют единый мир культуры, интегрирующий в себе общечеловеческие ценности, но правы и те философы, которые утверждают, что развитие культуры неотделимо от каждого народа, страны, эпохи. Компьютерные коммуникации позволяют человеку увидеть культуру в единстве многообразия и воспринять все лучшее в транснациональных, национальных и этнических культурах» [11. С. 129].

Так сетевые интернет-сообщества являются продолжением и новым измерением традиционно сформировавшихся структур социокультурной жизни, а также они представляют собой особое социокультурное пространство, в котором, трансформируя существующую социальную реальность, развиваются новые качества повседневной жизни. Сетевая коммуникация как форма социального взаимодействия формирует новое, особое социокультурное пространство, и в этих условиях возникает проблема поликультурной грамотности, основанная на осознании, что разнообразие есть объективная характеристика мировой культуры.

Коммуникация представляет собой процесс, посредством которого передается некое сообщение, информация. И если переданное сообщение понимается четко и однозначно, то можно говорить о том, что цель коммуникации достигнута. В эффективной коммуникации отправленное сообщение достигает адресата с незначительным искажением. Межкультурная коммуникация в интернет-пространст-

ве, с одной стороны, усложняется, поскольку возникают дополнительные средства виртуальной коммуникации, особая визуализация ряда параметров реальной социокультурной коммуникации, с другой стороны, упрощается, так как интернет-среда нивелирует или сводит «к поверхности», если трактовать это явление в терминологии постмодернизма, те способы и виды коммуникации, которые в реальной коммуникативной ситуации обладают большой смысловой нагрузкой. Это, в основном, невербальные сигналы, такие как жесты, мимика, внешний облик участников коммуникации и связанные с ними способы восприятия и взаимодействия и т.д.

Новые виды и формы коммуникации привели к комбинации устной и письменной речи. «Письменная речь становится доминирующим способом общения и включает, помимо текста сообщения, различные метатекстовые знаки (курсив, шрифтовое, композиционное выделение и т.д.). В условиях виртуальной коммуникации информация циркулирует не только в виде текстов, но и в виде различных образов. Развитие среды „мультимедиа“ в значительной мере меняет традиционные представления о тексте» [11. С. 129].

Многие исследователи отмечают, что в сетевой коммуникации (интернет-дискурсе) отличительной особенностью становится «стремление участника коммуникации сделать письменную речь похожей на устную. В результате использования разнообразных и специфических приемов речевой выразительности нередко проявляется феномен языковой игры» [15]. Наряду с этим широкое распространение получила и такая форма сетевой коммуникации, как аббревиация: «Основной причиной увеличения роста сокращений в языке является быстрый темп жизни, потребность в большом объеме информации, развитие интернет-коммуникации... Прагматическое значение аббревиатуры не сводится к традиционно выделяемому коннотативному аспекту значения, оно включает информацию и о статусе говорящих, экстралингвистическом контексте общения» [11. С. 131]. Такое многообразие форм и способов осуществления коммуникации в сети позволяет делать вывод о сближении вербальной и визуальной составляющей, появлении креолизованных текстов.

Возникновение новых возможностей, видов и форм общения для представителей разных культур способствует возникновению и ряда негативных моментов, влияющих на процесс коммуникации. Если информация понята не адекватно и есть проблемы, возникающие в процессе взаимодействия и снижающие его эффективность, то это означает, что имеются барьеры общения. Как правило, в качестве основных факторов, снижающих эффективность коммуникативных взаимодействий, можно назвать различие в используемых представителями различных культур когнитивных схемах.

В российском интернет-пространстве складывается особая ситуация с межкультурным общением, которое не в полной мере отражает этническое и культурное многообразие России. А.А. Гладкова выделяет технологические и концептуальные причины этой ситуации [7. С. 85]. Технологические причины — это прежде всего недостаток программного и информационного обеспечения для ис-

пользования языков малых народов: в частности, недостаток или отсутствие компьютерных шрифтов, форматов кодирования. В результате затруднено или невозможно использование в Интернете некоторых редких языков.

Концептуальная причина заключается, прежде всего, в том, что отсутствует оригинальный контент на языке этнических и лингвистических групп (большинство материалов либо выпускаются только на русском языке, либо являются переводом с русского). Другими концептуальными факторами следует признать слишком малое число журналистов, готовых использовать языки меньшинств в электронных СМИ; незначительное число самих СМИ на этих языках, включая онлайн-версии; сложности с финансированием СМИ, выходящих не на русском языке, а также «высокий цифровой разрыв между технически грамотными и технически неграмотными членами общества, причем малые народы в связи с ограниченным доступом к ИКТ чаще всего относятся к последним» [7. С. 85—87]. Исследователь считает поиск средств для преодоления этого разрыва, наряду с развитием языкового и культурного многообразия в киберпространстве, важнейшей задачей на современном этапе.

Ученые указывают на очевидный факт: молодежь быстрее и легче налаживает коммуникацию в интернет-среде, использует разнообразные формы — как вербальные, так и визуальные, а также создает новые. «Посредством Интернета молодежь вступает в новый тип общения — информационную межкультурную коммуникацию, протекающую в „виртуальной реальности“. Это дает возможность индивиду при межкультурных контактах опираться не только на собственный опыт, но и на все то, что составляет феномен виртуальной реальности. В результате происходит смешение знакового и символического уровней отражения реальности, что влияет на характер межкультурной коммуникации молодежи. Все перечисленные особенности сети Интернет представляют небывалые до сих пор возможности, как для индивидуальной, так и для групповой коммуникации» [3].

Среди особенностей межкультурной коммуникации в интернет-пространстве выделяют следующие:

— *богатство содержания* — интернет-сайты предоставляют участникам межкультурной коммуникации доступ к обширным информационным базам, другими словами, знакомство с материалами не только в рамках своей культуры, но и получение доступа к документам в информационных базах, относящихся к чужой культуре;

— *своевременность передачи информации*, т.е. деятельность в «режиме реального времени», позволяющая решить проблему временного разрыва, обусловленного различным географическим положением отдельных стран. Тем самым устраняется один из коммуникативных барьеров;

— *концентрация* — в интернет-пространстве, благодаря его емкости и внутренней взаимосвязанности, в кратчайший отрезок времени возможно объединение огромного числа коммуникантов со всего земного шара и коллективное обсуждение той или иной информации;

— *плюрализм* обеспечивает доступ к разнообразной информации, касающейся практически всех сторон человеческой жизни;

— *отсутствие цензуры и демократичность* способствуют реализации прав каждого на публикацию информации в Интернете и возможности представить самые разные точки зрения;

— *преодоление языкового барьера* достигается за счет различных технических достижений в сети Интернет. Так многие сайты имеют версии не на одном, а на двух и более языках;

— *«прямая» коммуникация*, предоставляющая практически неограниченные возможности для межкультурной коммуникации на индивидуальном уровне (например, с помощью ICQ и различных «чатов»);

— *система гиперссылок* связывает сайты между собой и тем самым предоставляет возможность быстрого перехода от одного сайта к другому. При этом очень важно, что ссылки могут даваться как на сайты той же страны, так и на иностранные сайты [8. С. 46—50].

Перечисленные особенности характеризуют Интернет как особое пространство для осуществления межкультурной коммуникации, предоставляющее своим пользователям обширные возможности в реализации идеи межкультурного диалога, создании разнообразных площадок для общения представителей различных культур и в достижении взаимопонимания между антагонистическими позициями. Однако очевиден и тот факт, что пока потенциал всемирной информационной сети не используется по максимуму для развития межкультурных контактов. Причина заключается скорее в общем настроении общественного мнения, которое пока еще не признает проблему взаимоотношения культур в качестве приоритетной. Сама же всемирная сеть уже сегодня способна создать такую коммуникацию практически между всеми странами и культурами мира.

Отдельно следует отметить, что в России межкультурный диалог в рамках сети Интернет не уступает своим зарубежным аналогам. В социальных сетях количество групп по культурным контактам и национальным коммуникациям ничуть не меньше, чем в международных социальных сетях. Хотя само качество такого диалога и его развитие, безусловно, требуют отдельного исследования и изучения. Тем не менее, сразу стоит отметить, что на практике специализированных ресурсов для развития межкультурного диалога не так уж и много. Те ресурсы, которые существуют в сети, в основном можно условно разделить на два типа.

Отличительная черта первого типа ресурсов заключается в том, что они не поддерживают развитие диалога в динамике и содержат только некую текстовую информацию о взаимодействии культур и народов. Иными словами, на таких ресурсах нет технической возможности общаться представителям различных культур. Этот момент представляется весьма важным, так как само понятие межкультурного диалога подразумевает постоянный обмен информацией между его участниками, говорить же о таком в рамках статичного сайта, содержащего просто текстовую информацию, которая пусть и содержит данные о взаимодействии культур, представляется затруднительным. Однако именно таких сайтов большин-

ство. В качестве примера можно назвать сайты ряда государственных учреждений, научных сообществ, различных фондов и организаций, которые в силу своей специализации привлекают внимание пользователей Интернет к проблемам межкультурного диалога: Межкультурный диалог, Информационно-аналитический центр, Портал Геополитика, Бюро Юнеско в Москве и др.

Вторая группа ресурсов отличается тем, что там, с одной стороны, реализуется именно диалог в режиме постоянного общения, а, с другой, сами эти ресурсы отнюдь не специализируются на развитии диалога представителей различных культур или вообще на проблемах национального взаимодействия. В данном случае речь идет в первую очередь о различного рода социальных сетях. Важно понимать, что эти ресурсы имеют многопрофильное применение и совершенно не акцентируют внимание на проблеме культуры. Их основная цель — организовать непосредственное общение пользователей. Как правило, в рамках социальных сетей межкультурный диалог реализуется наиболее полно. Сами пользователи могут инициировать обсуждение различных проблем межкультурного взаимодействия, посредством обмена сообщениями. В рамках социальных сетей существует возможность объединения в группы, в том числе и тематические, что позволяет проще ориентироваться во всем объеме информации.

Таких групп довольно много в рамках каждой социальной сети. Есть среди них и такие, которые прямо посвящены межкультурной коммуникации (Межкультурный диалог: Сообщество молодых ученых; Межкультурный диалог в молодежной среде / Intercultural Youth Dialogue; Молодежь за межкультурный диалог; Ассоциация Межкультурный Центр; Межкультурный диалог и молодежные инициативы; Межкультурный диалог и др.). Подавляющее большинство таких групп функционирует на постоянной основе, имеет некоторый костяк членов, а некоторые могут «похвастаться» и относительно высокой численностью своих участников.

Большинство всех ресурсов Интернета, посвященных проблеме межкультурного диалога, принадлежит к одной из выделенных групп. Но могут встречаться и иные формы реализации межкультурного диалога в Интернете, например, электронная почта, новостные сайты. Однако говорить о постоянной реализации взаимодействия культур здесь не приходится в силу отсутствия собственно самого диалога и ориентации этих ресурсов на другие профильные задачи.

Таким образом, можно сделать вывод, что более широкий спектр возможностей для осуществления формата диалога сегодня предоставляют различные социальные сети. Наиболее известными и популярными, с учетом их национального охвата, являются такие международные сети, как Facebook, Twitter, Instagram и ряд других. Эти ресурсы могут выступать одновременно площадкой для общения как больших социальных групп, так и сервисом для переписки отдельных индивидов, а также включают веб-приложения, с помощью которых любой может выбрать нужную функцию по своим интересам [5. С. 38].

Несмотря на то, что большинство пользователей по-прежнему получают доступ к социальным сетям с помощью персональных компьютеров, неуклонно растет

доля тех, кто использует для этого различные мобильные устройства: смартфоны, планшеты и т.п. По мере их распространения все большую популярность набирают социальные сети, разработанные преимущественно для «мобильной» работы, особенно Twitter и Instagram [14. С. 149]. Любой планшет или смартфон, имеющий доступ в сеть, позволяет владельцу получить немедленный доступ к интересующей его информации. Так, пользователи «мобильных» социальных сетей (Twitter, Instagram и др.) фактически остаются всегда «на связи» со своими друзьями-читателями, двадцать четыре часа в день, семь дней в неделю.

При этом в рамках социальных сетей межкультурное взаимодействие достаточно организовано в границах тематических групп. Стоит сказать и о том, что просто невозможно учесть личный и спонтанный обмен сообщениями между пользователями, среди которых также вполне возможен межкультурный диалог. Для такого рода взаимодействия характерно использование стереотипов, как общекультурных, уже давно сложившихся, так и создание новых. Это ускоряет и упрощает процесс сетевого общения. В качестве примера можно привести стереотипное поведение, например, проставление «like» вместо выражения вербального отклика. Разнообразные смайлы, или эмодзи, облегчают коммуникацию пользователей, добавляют мультимедийности в отклике на новостные посты, а также способствуют «вхождению» в диалог и используются в качестве ссылки в отклике на мнения других пользователей.

Эмодзи стали одним из основных средств выражения эмоций в сетевом общении разного формата (он-лайн сообщения, чаты и т.д.). Такое частое использование параграфематики приближает письменную сетевую речь к устной речи. Наряду с этим и традиционные графические знаки находят новые формы реализации: многократное использование восклицательных и вопросительных знаков, запятых и многоточий, пробелов, использование заглавных букв приводит к отклонению от языковых норм [16].

Увеличение визуальной составляющей в коммуникации является одной из ведущих тенденций последних десятилетий. Развитие цивилизации усложняет восприятие объектов, в результате появляется возможность создавать и анализировать искусственно созданные сигналы. Технологические новинки позволяют создавать искусственные визуальные образы и резко расширяют тем самым виртуально-визуальное пространство человеческой культуры. При этом размываются социальные границы, и культура стремится к упрощению [17]. Наиболее полное усвоение информации происходит, если в ней представлены визуальные образы. Это связано с тем, что при восприятии человеческий мозг активизирует не только левое полушарие, отвечающее за аналитическое мышление, но и правое, которое воспринимает информацию в виде образов и символов. В интернет-коммуникации данный процесс приводит к тому, что вербальное общение уступает место визуальной коммуникации. Визуальные сигналы проще, доступнее, не требуют перевода, т.е. разрешают проблему коммуникативного барьера.

Визуальная коммуникация стимулирует эмоциональный опыт, ускоряет процесс идентификации и самоидентификации без привлечения вербальных средств.

Визуализация действует на уровне самых простых, первичных сигналов, и потому универсальна, подходит для демократизации социального и межкультурного общения.

Визуальный контент увеличивает частоту посещения интернет-ресурса или профиля пользователя, ускоряет коммуникацию. Наряду с этим происходит активизация творческого потенциала и воображения. Визуальные формы убедительны, поскольку, как правило, стереотипны, соответствуют устойчивым представлениям большинства о различных сторонах действительности. Осуществление визуальной коммуникации «сегодня как никогда востребует грамотности, образования и воспитания созидательных качеств у человека. Трудность приобретения таких навыков и умений для разных групп российского населения и, в первую очередь, для подрастающего поколения обуславливается товарно-рыночным характером среды их обитания» [18. С. 5].

Новым массовым феноменом визуальной коммуникации является феномен «селфи» (selfie) — фотографирование себя в больших количествах и создание постов с изображениями в социальных сетях. Сегодня в мире главенствуют цифровые и информационные технологии, с помощью которых производство современной фотографии требует все меньше усилий, затрат и времени. Более того, все большую популярность приобретают новые мобильные приложения, к примеру Instagram. Фотография является неотъемлемой частью жизни миллиардов людей. Начиная с самого рождения и заканчивая смертью она сопровождает человека. Паспорт, водительское удостоверение, студенческий, пропуск на работу — и это не весь список документов, где нужна фотография. Она сопровождает современного человека везде и влияет на формирование его видения реальности [6. С. 139].

Фотография является обозримым образом истории, связывающим людей элементом, подобно книге, объединяющей поколения читателей, не пересекающихся во времени, путем запечатления моментов социальной действительности. Акт принятия фотографии обществом принес с собой новую культуру. Открылась новая история, «история взгляда». Фотография стала отражать общественные процессы в качестве чего-то другого, двойственного, «замерзшего» измерения. Эту увлеченность двойственностью можно отметить и в настоящий момент времени. Но главная роль, которую играет фотография для общества, заключается в передаче и хранении информации [13. С. 116].

Увеличение визуальной составляющей в коммуникативных процессах привлекает внимание ученых, которые не только стараются описать возникающие новые феномены социальной действительности, но и понять механизмы их воздействия на общество, дать прогнозы возможных результатов этого воздействия. Одно из первых определений данного феномена представлено в работе Дженнифер Оуллет в книге «Me, Myself and Why: Searching for the Science of Self» [19]. Селфи, по мнению исследователя, — это «виртуальный аналог материальных тотемов (например, сувениров из поездок, постеров, любимых игрушек, открыток и т.д.), цель которых — соединить наш внутренний мир с внешним. Это одна из форм личного перформанса, заявление о самоидентичности, возможность „упа-

ковать « себя и свой мир в правильную обертку, даже если в реальности она совсем другая» [10]. Человек чувствует себя товаром на рынке и продает себя как товар. При этом селфи становится инструментом продажи. В такой визуализации сильно искажается образ реального человека, но именно это и требуется для задачи «продать подороже».

Другой исследователь, — Памела Рутледж, — определяет селфи не как средство идентификации, а как средство коммуникации [20]. Выкладывая селфи, человек побуждает других пользователей к диалогу, обсуждения себя. Здесь опять срабатывает универсальность визуального контента: картинки и фото рассказывают больше, чем слова, и не требуют перевода, они проще воспринимаются большим количеством людей. Поэтому особенно для молодежи они предпочтительнее, поскольку являются оперативными и легче в восприятии.

Использовать фотографию можно в разнообразных целях, в том числе в процессе коммуникации. Фотография, явившись первым техническим образом новых медиа, обнаружила коммуникативные возможности визуальности и изменила медиальную среду. Создавая новую форму медиального освоения мира, фотография может формировать пространство между образом и зрителем — «медиальность» или «третью позицию» (В. Флюссер), не соотносимую ни с субъектом, ни с объектом в отдельности, выраженную в ожидании коммуникации и отклике на нее. Эта медиальность фотографии раскрывается в ее функции устанавливать сообщаемость в поле восприятия зрителей, становясь условием осуществления коммуникации [9. С. 87].

Тони Шварц в книге «Чувствительные струны души» пишет следующее: «Одна из самых важных наших задач состоит в том, чтобы найти комплекс стимулов, которые были бы созвучны уже заложенной в человеке информации, и таким образом возбуждали бы стремление обучаться или определенные поведенческие проявления. Резонанс происходит в момент, когда определенные стимулы, используемые в процессе коммуникации и представленные зрителю или слушателю, вызывают к соответствующему значению. То, что мы используем в процессе коммуникации, само по себе не имеет никакого значения. Процесс коммуникации приобретает значение только благодаря тому, что стимулы участников процесса вызывают к предыдущему опыту зрителя или слушателя» [4. С. 110].

Иными словами, фотографии, которые мы ежедневно видим или рассматриваем, например, в Интернете, являются стимулами, которые «активируют» эмоциональную реакцию человека благодаря «игре на чувствительных струнах души». Эти фотографии вызывают нужный эффект с помощью того, что уже заложено в сознании человека, его запаса знаний, культурного багажа, накопившегося во время учебы, работы и усвоения жизненного опыта.

Также следует отметить преимущество использования визуального послания в процессе коммуникации перед текстовым сообщением. Просмотр фотоснимка занимает гораздо меньше времени, чем чтение текстового сообщения и осмысление полученной информации. Язык фотографии универсален для всех категорий населения в сравнении с разнообразием функциональных стилей, например, рус-

ского языка, что способствует доступности понимания нарратива фотографии. Историческая значимость фотографии определяется возможностью «эффекта присутствия».

Молодым людям нравится в фотографии сам процесс фотографирования, процесс выслушивания отзывов, чтения откликов, наблюдение количества «лайков» от людей, просмотревших снимки в Интернете, а также процессы обработки фотоизображений с помощью компьютерных программ и выкладывания фотографий в Интернет. Кроме того, фотография для них является документом с изображением прошедшего события, искусством, средством коммуникации и возможностью показать себя и свои способности. Большинство фотографирует с целью дальнейшего размещения фотографий в Интернете (социальных сетях, блогах, сайтах), что еще раз подтверждает тезис о влиянии фотографии на процесс создания виртуальной реальности [1. С. 131—132].

Одной из популярных программ для распространения фотографий в сети Интернет является бесплатная программа Инстаграм (Instagram), которая была запущена в октябре 2010 г. Простота в обработке изображения и удобство в прикреплении на сайте, а также возможность поделиться получившейся картинкой со своими друзьями через любую социальную сеть, в том числе через собственную сеть Инстаграм, способствовали росту популярности данного ресурса.

Развитие данной программы привело к нововведениям. Так, каждый пользователь может создавать свой раздел фотографий и снимать 15-секундное видео, обрабатывать его одним из десятка фильтров и отражать в ленте. Развитие различных версий программы привело к появлению рекламы, а также системы персональных сообщений в виде картинок (Direct), которые можно отправлять пользователям социальной сети [12. С. 59]. В качестве особенностей Инстаграм следует отметить то, что она позволяет заходить на страницы пользователей, а также размещать фотографии моментально, причем с любого носителя. Общая сеть интегрирована в глобальное информационное пространство, которое доступно не только в сети Интернет, но также и на других периферийных устройствах, в том числе смартфонах, планшетах и иных гаджетах.

Поскольку социальная сеть Инстаграм является международной и существует во многих странах, ее использование открывает новые возможности для осуществления взаимодействия посредством так называемых тэгов, меток к фотографиям. Создаваемые пользователями тэги позволяют искать заинтересовавший пользователя контент и тем самым взаимодействовать с другими пользователями. На популярность этого ресурса влияет и тот факт, что технические средства представления визуальной информации позволяют людям обмениваться сообщениями на межкультурном уровне, часто не зная тот язык, на котором говорит другой человек. Вместе с этим в сеть попадают такие кадры и снимки, которые позволяют по-новому взглянуть на представителей других национальностей.

На примере «мобильной» социальной сети Instagram можно увидеть, что сейчас существует повсеместно доступная возможность межкультурного общения посредством фотографии в Интернете, то есть через изображения людей разных наций и культур. Пользователи сети могут обмениваться своими визуализиро-

ванными образами, стилями жизни, предпочтениями в отдыхе, гастрономии, какими-то национальными особенностями и т.п. с другими пользователями.

Интернет-пространство, формирующееся в современном информационном обществе как особый вид социального пространства, дает новые возможности для реализации идеи межкультурного диалога. Социальная значимость Интернет в современном мире проявляется в осуществлении ряда функций. Коммуникация, осуществляемая с помощью Интернет, является не только безличным процессом обмена информацией, но и содержит признаки обратной связи, создает возможность для непосредственного, живого общения между людьми, разъединенными огромными расстояниями, способствуя диалогу между представителями различных народов и стран.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абросимова Н.В.* Молодежь о фотографии // *Paradigmata poznání*. 2014. № 4.
- [2] *Аксак В.А.* Общение в сети Интернет. М., 2006.
- [3] *Алексеева М.А.* Социальные сети как фактор развития межкультурной коммуникации. URL: <http://econfr.rae.ru/pdf/2012/10/1709>.
- [4] *Бергер А.* Видеть — значит верить. Введение в зрительную коммуникацию. М., 2005.
- [5] *Битков Л.А.* Социальные сети: между массовой коммуникацией и межличностным общением // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012. № 28.
- [6] *Геворкян К., Федина И.М.* История развития фотографии в России // *Курорты. Сервис. Туризм*. 2013. № 2—4.
- [7] *Гладкова А.А.* Культурный и лингвистический плюрализм в киберпространстве России // *Межкультурные коммуникации в современном мире: роль СМИ / Сост. и науч. ред. Д.Л. Стровский, О.В. Ильина*. Екатеринбург, 2014.
- [8] *Жучжуаи Лоу.* Особенности процесса межкультурной коммуникации между Россией и Китаем в сети интернет: Дисс. к.с.н. М., 2003.
- [9] *Колесникова Д.А.* Фотография как способ конституирования социальной реальности: Дисс. к.ф.н. СПб., 2011.
- [10] Концепции Селфи. URL: <http://slon.ru/biz/1100720>.
- [11] *Новикова Л.А.* Аббревиация как феномен межкультурной коммуникации в сети Интернет // *Вестник Удмуртского Университета*. 2013. Вып. 21.
- [12] *Овчинников Ю.Д., Нечитайло Е.С.* Программа Инстаграм (Instagram) в аудиовизуальных технологиях обучения // *Наука, техника и образование*. 2015. № 1.
- [13] *Семёнов С.А.* Фотография как социальное явление // *Системная психология и социология*. 2014. № 4.
- [14] *Сибирко А.И., Винокуров Ф.Н.* Мотивация пользователей социальных сетей // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2014. Т. 2. № 6.
- [15] *Ушаков А.А.* Интернет-дискурс как особый тип речи // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. «Филология и искусствоведение»*. 2010. № 4.
- [16] *Флджян Л.Г.* Об особенностях межкультурной коммуникации в сетевом пространстве // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2013. № 8.
- [17] *Шарков Ф.И.* Визуализация медиастранства средствами коммуникации. URL: http://www.ranepa.ru/news/item/download/2217_82923cf7f78291a14f9698dd5fccb1a4.html.
- [18] *Юстина Н.И.* Влияние визуальной коммуникации на идентификацию в современном российском обществе: Автореф. дисс. к.с.н. Новочеркасск, 2012.
- [19] *Ouellette J.* Me, Myself and Why: Searching for the Science of Self. N.Y., 2014.
- [20] *Wortham J.* My Selfie, Myself. URL: http://www.nytimes.com/2013/10/20/sunday-review/my-selfie-myself.html?pagewanted=all&_r=3&.

ACTUALIZATION OF THE INTERCULTURAL DIALOGUE IN THE INTERNET

М.Е. Lipatova¹, А.А. Bogatyreva²

¹Sociology of Communicational Systems Chair
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, MGU, 3d building, Moscow, Russia, 119234

²Ingush State University
*Magistralnaya str., 39, municipality Gamurzievo,
Nazran, Ingush Republic, Russia, 386132*

The article considers the main directions of the intercultural dialogue in the Internet. Based on the analysis of the nature of intercultural communication in the Internet the authors identify features that characterize the Internet as a tool for intercultural communication providing its users wide opportunities for implementing the idea of intercultural dialogue. The authors analyze new types and forms of communication that change and improve the cross-cultural interaction in the Internet; the online network communities that turn to be the continuation and a new dimension of traditional structures of social and cultural life, and represent a special socio-cultural space, in which the existing social reality transforms and develops into a new form of everyday life. The article considers different approaches to the study of the current role of the Internet as a means of intercultural communication, including the specifics of the Russian Internet in achieving this goal; the resources of intercultural dialogue, in particular visual communication as a nowadays tool for intercultural communication in the Internet. The authors show the widest range of possibilities for the dialogue provided by various social networks today — these resources can act as both a platform for communication of large social groups and a service for correspondence between individuals.

Key words: information visualization; Internet; communication; intercultural communication, intercultural dialogue; culture; social networks; photography.

REFERENCES

- [1] *Abrosimova N.V.* Molodjzh' o fotografii [Youth about the photo]. *Paradigmata poznání.* 2014. № 4.
- [2] *Aksak V.A.* Obshhenie v seti Internet [Communication in the Internet]. M., 2006.
- [3] *Alekseeva M.A.* Social'nye seti kak faktor razvitija mezhkul'turnoj kommunikacii [Social networks as a factor of intercultural communication development]. URL: <http://econf.rae.ru/pdf/2012/10/1709>.
- [4] *Berger A.* Videt' — znachit verit'. Vvedenie v zritel'nuju kommunikacij [To See is to Believe. Introduction to Visual Communication]. M., 2005.
- [5] *Bitkov L.A.* Social'nye seti: mezhdru massovoj kommunikaciej i mezhlichnostnym obshheniem [Social networks: Between mass and interpersonal communication]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2012. № 28.
- [6] *Gevorkjan K., Fedina I.M.* Istorija razvitija fotografii v Rossii [History of the development of photography in Russia]. *Kurorty. Servis. Turizm.* 2013. № 2.
- [7] *Gladkova A.A.* Kul'turnyj i lingvisticheskij pljuralizm v kiberprostranstve Rossii [Cultural and linguistic pluralism in the Russian cyberspace]. *Mezhkul'turnye kommunikacii v sovremenom mire: rol' SMI / Sost. i nauch. red. D.L. Strovskij, O.V. Il'ina.* Ekaterinburg, 2014.
- [8] *Zhuchzhuai Lou.* Osobennosti processa mezhkul'turnoj kommunikacii mezhdru Rossiej i Kitaem v seti internet [Features of the intercultural communication between Russia and China in the Internet]: Diss. k.s.n. M., 2003.

- [9] *Kolesnikova D.A.* Fotografija kak sposob konstituirovaniya social'noj real'nosti [Photography as a Way of Constructing Social Reality]: Diss. k.f.n. SPb., 2011.
- [10] *Konceptsii Selfi* [The concept of Selfie]. URL: <http://slon.ru/biz/1100720>.
- [11] *Novikova L.A.* Abbreviacija kak fenomen mezhkul'turnoj kommunikacii v seti Internet [Abbreviation as a phenomenon of intercultural communication in the Internet]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta*. 2013. Vyp. 21.
- [12] *Ovchinnikov Ju.D., Nechitajlo E.S.* Programma Instagram v audiovizual'nyh tehnologijah obuchenija [Instagram among audiovisual technologies of training]. *Nauka, tehnika i obrazovanie*. 2015. № 1.
- [13] *Semjonov S.A.* Fotografija kak social'noe javlenie [Photography as a social phenomenon]. *Sistemnaja psihologija i sociologija*. 2014. № 4.
- [14] *Sibirko A.I., Vinokurov F.N.* Motivacija pol'zovatelej social'nyh setej [Motivation of the social networks users]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovanija v sovremennom mire*. 2014. T. 2. № 6.
- [15] *Ushakov A.A.* Internet-diskurs kak osobyj tip rechi [Internet discourse as a special type of speech]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2 "Filologija i iskusstvovedenie"*. 2010. № 4.
- [16] *Fldzhjan L.G.* Ob osobennostjah mezhkul'turnoj kommunikacii v setevom prostranstve [On the peculiarities of intercultural communication in social networks]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2013. № 8.
- [17] *Sharkov F.I.* Vizualizacija mediaprostranstva sredstvami kommunikatsii [Visualization of the media space by the communication tools]. URL: http://www.ranepa.ru/news/item/download/2217_82923cf7f78291a14f9698dd5fccb1a4.html.
- [18] *Justina N.I.* Vlijanie vizual'noj kommunikacii na identifikaciju v sovremennom rossijskom obshhestve [Impact of Visual Communication on Identification in the Contemporary Russian Society]: Avtoref. diss. k.s.n. Novoчеркассk, 2012.

ВЫБОРЫ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КАК ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО РЕСУРСА

А.Н. Катькина

Департамент государственной политики
в сфере воспитания детей и молодежи
Министерство образования и науки Российской Федерации
ул. Люсиновская, 51, Москва, Россия, 117997

В статье рассматривается феномен социальных медиа как относительно новый инструмент электоральной и политической деятельности, направленный на формирование положительного имиджа политических партий и кандидатов от них (на примере Европейского парламента). Они приобретают все большее значение в современной мировой политике в связи с ростом количества пользователей Всемирной сети, падением популярности традиционных СМИ и стремительным распространением новых медиа, а также превращением интернет-пространства в площадку для активных политических действий. Основная роль в реализации задачи формирования политического имиджа принадлежит политическим институтам (партиям, государственным ведомствам), отдельным политикам и общественным деятелям, а также представителям электората, т.е. населению. Анализ усилий различных политических субъектов в социальных медиа позволяет условно выделить три функции последних: социальные медиа как инструмент повышения явки на выборы; инструмент повышения узнаваемости кандидатов и партий среди населения; способ повышения информированности населения о политических и электоральных процессах, происходящих в обществе в целом. В настоящее время серьезным препятствием для стратегических исследований в данной сфере является то, что технологии социальных сетей развиваются колоссальными темпами, что затрудняет какие-либо долгосрочные прогнозы относительно их использования. Несмотря на отсутствие общепризнанных критериев оценки эффективности ведения политической деятельности в социальных медиа, ключевым критерием и фактором успеха, по мнению автора, следует считать так называемое «постоянное присутствие» субъектов электоральной деятельности в сети Интернет.

Ключевые слова: выборы; Европейский парламент; Европейский Союз; Интернет; политические институты; социальные медиа; электоральные процессы.

В последнее время все чаще говорят о влиянии социальных медиа как на политические процессы, так и на общество в целом. Роль и функции медиа необратимо меняются, а технологии коммуникаций развиваются потрясающими темпами. На смену «оранжевой», «бархатной» и прочим «цветным революциям» приходят революции Ближнего Востока, организованные с помощью социальных медиа, таких как Twitter и Facebook.

Впервые появившись в 2003 г., социальные сети с каждым годом становились все популярнее. Количество пользователей социальных медиа растет в геометрической прогрессии, но влияние данного феномена на происходящие в обществе политические процессы еще не исследовано полностью, что позволяет говорить об актуальности темы.

Социальные медиа являются мощным ресурсом, нередко определяющим направление и результат различных электоральных процессов, происходящих в современном мире. Выявление и изучение функций, которые выполняют социальные медиа, позволит более четко определить их место в политической жизни общества

и выявить механизм социальных изменений в данной сфере. В силу своей новизны характер и степень влияния социальных медиа на электоральные процессы еще недостаточно изучены. Следует отметить, что тему воздействия медиа, и в частности СМИ, на общество не обошли своим вниманием такие российские исследователи, как И.В. Жилавская [4], И.М. Дзялошинский [3], Е.Л. Вартанова [1] и др.

В настоящее время все больше подтверждается тезис о том, что социальные медиа выполняют важнейшие функции, способствующие развитию института выборов. Социальные медиа представляют собой категорию веб-сайтов, предоставляющих возможность публикации, обмена и обсуждения контента широким кругом пользователей. В июне 2009 г. Twitter использовали более 50 миллионов человек. На сегодняшний день им пользуются более 250 миллионов. Количество пользователей Facebook возросло с 200 миллионов пользователей в период последних выборов в Европейский парламент до более 1 миллиарда на сегодняшний день [5].

В электоральных процессах социальные медиа выполняют самые различные функции. Первая из интересующих нас — инструмент для увеличения явки избирателей. Еще в 2009 г. в преддверии выборов в Европейский парламент политики, опасаясь низкой явки избирателей, особенно из числа молодежи, обратились к электорату через популярные интернет-ресурсы, такие как Facebook и Twitter.

Необходимо отметить, что из руководящих органов Европейского Союза граждане имеют право избирать только депутатов Европейского Парламента, но не членов Европейской комиссии, Суда Европейского Союза или иных структур управления. 751 место в Европарламенте представители европейских партий занимают пропорционально набранным на выборах голосам. Затем депутаты формируют общеевропейские политические партии. Исход голосования непосредственно сказывается на жизни 500 миллионов жителей европейского континента.

На выборах в Европейский парламент в 2004 г. в Германии был установлен своеобразный антирекорд: явка избирателей составила 43%. Такой показатель оказался самым низким за всю историю выборов в представительный орган Европейского Союза. Ожидалось, что на выборах 2009 г. она будет еще ниже.

Перед выборами в Европейский парламент социальные медиа были объявлены основным инструментом повышения явки, привлечения поддержки и популяризации выборов (особенно среди европейских политических партий). Уже тогда для привлечения электората на выборы и повышения интереса молодежи к политике в целом руководство Европейского парламента приняло решение создать собственные виртуальные профили на популярных у молодежи интернет-порталах. В то время появилась собственная страница Европейского парламента в социальных сетях Facebook [6] и MySpace [8].

Социальные медиа предлагают политикам и избирателям уникальный инструмент, обеспечивающий прямой доступ друг к другу. Политики используют их в надежде получить поддержку (хотя вопрос привлечения новых единомышленников остается спорным, поскольку многие пользователи изначально следят за профилями в социальных сетях тех политиков, с взглядами которых они уже согласны).

С одной стороны, представляется целесообразным провести параллель между соответствием стран с высоким уровнем активности в социальных медиа в процессе выборов (в зависимости от общей численности населения, регулярно использующего социальные медиа) и увеличением явки, но, похоже, такое соответствие установить не представляется возможным. Например, широкое обсуждение выборов в интернет-пространстве происходило во Франции, Финляндии и Испании, и явка в этих странах заметно повысилась. Но аналогичная активность не увеличила явку на выборах в Италии (хотя здесь такая активность была выше на 60%). Несмотря на более скромное обсуждение выборов в социальных медиа в Литве и Греции, явка в этих странах увеличилась более чем где-либо.

Также существует значительное число исследований, демонстрирующих, что по крайней мере в национальных выборах социальные медиа сыграли огромную роль. Исследование, проведенное в США в ноябре 2010 г., охватившее порядка 61 миллиона пользователей Facebook, показало, что люди охотнее голосуют, увидев сообщение о том, что их друзья уже проголосовали с помощью кнопки «Я голосовал».

Так, 2 ноября 2010 г., в день выборов в Конгресс США, более 60 миллионов пользователей Facebook в США увидели наверху своей страницы сообщение с призывом проголосовать, размещенное командой исследователей из Калифорнийского университета в Сан-Диего. По результатам исследования было установлено, что пользователи были на 1,8% более склонны проголосовать, если видели, что их близкие друзья также просмотрели сообщение [10]. Facebook использовал подобный инструмент и на прошедших выборах в Европейский парламент, и сообщение «Я голосовал» видели почти 90 миллионов человек (хотя не установлено, за какой период времени).

Таким образом, при условии грамотно выстроенной коммуникации с пользователем социальные сети могут стать дешевым и эффективным средством в достижении цели привлечения граждан на избирательный участок. В конечном счете сам факт того, что масштаб обсуждений генерируется на площадках различных социальных медиа, а не только в Facebook, свидетельствует о заинтересованности кандидатов и политических институтов в расширении своего присутствия в социомедийном пространстве.

Консалтинговая компания Burson-Marsteller, являющаяся лидером на рынке связей с общественностью и коммуникаций, проанализировала около трех миллионов записей в Twitter о выборах в Европейский парламент. Более миллиона записей о выборах (без использования «официального» хэштега (хэштег с англ. hashtag — «метка») #EP2014) были отправлены в течение одной недели во время выборов, и половина из них были отправлены в воскресенье 25 мая (в последний день выборов), но сотни тысяч сообщений о выборах достигли целевой аудитории через социальные медиа.

Также Европейский парламент опубликовал статистические данные, в соответствии с которыми количество просмотров видеоролика, призывающего к голосованию, достигло 11 миллионов. Таким образом, следует признать, что обсуждение электоральных процессов в социальных сетях способствует большей осве-

домленности и информированности населения о выборах, росту интереса населения и повышает явку.

В качестве второй функции стоит обозначить повышение узнаваемости. Помимо увеличения явки социальные медиа являются незаменимым инструментом для формирования имиджа и повышения узнаваемости кандидатов и политических институтов среди населения.

В рамках подготовки к выборам в Европейский парламент 2014 г. на дискуссии, организованной представительством Европейского парламента в Великобритании в ноябре 2013 г., активно обсуждалась роль социальных медиа в электоральных процессах, в частности вопрос влияния социальных медиа на выбор избирателей. Члены Европарламента Ричард Хауит (Прогрессивный альянс социалистов и демократов Европейского парламента, Лейбористская партия Парламента Великобритании) и Карен Мельхиор (кандидат в депутаты от Альянса либералов и демократов за Европу, партия социал-демократов Дании) рассказали о своем взаимодействии с электоратом посредством социальных медиа.

Упомянув об отсутствии возможности отвечать всем, кто им писал, парламентарии вместе с тем выразили мнение, что социальные медиа, несомненно, усилили взаимодействие членов Европейского парламента, кандидатов в депутаты и избирателей по волнующим их социально значимым вопросам. По словам Карен Мельхиор, она не верила в возможность стать кандидатом в Европейский парламент, так как была убеждена, что не может быть активно и постоянно вовлечена в общение посредством социальных медиа.

При изучении процессов, происходящих непосредственно после выборов, необходимо отметить важность дальнейшего взаимодействия депутатов и политических институтов с населением посредством социальных медиа. Депутаты и политические партии должны продолжать информировать граждан в социальных сетях. В конце концов, вопросы демократии и законности не заканчиваются у избирательной урны, поэтому нужно позволить гражданам быть более вовлеченными в политику и быть «на связи» с политиками и организациями, чтобы подкрепить легитимность их представительности [11].

В связи с этим обозначим третью ключевую функцию — повышение информированности населения о политических и электоральных процессах в обществе. Энди Вильямсон, всемирно признанный эксперт в области цифровой демократии, выделяет вопрос политической неграмотности населения как отдельную социальную проблему. Он отмечает, что в настоящее время уровень осведомленности и заинтересованности граждан Европейского Союза в участии в политической жизни весьма низок, и только абсолютное меньшинство обучающихся заканчивают школу или университет, будучи уверенными в своей возможности изменить существующую политическую ситуацию [5]. Именно поэтому политикам не следует упускать из виду то мнение, которое население Европы выражает с помощью социальных медиа, но необходимо помнить, что это мнение не всегда компетентно.

Вместе с тем Тони Коуэн-Браун, стратег в области цифровых технологий ведущей мировой консалтинговой компании в области связей с общественностью и коммуникаций «Burson-Marsteller» (филиал в Европе, на Ближнем Востоке

и в Африке), отмечает, что «существующая система образования не способна идти в ногу со временем. Некоторым посчастливилось получить политическое образование и в университете, и дома. С годами я стала использовать социальные медиа, такие как Twitter, с целью самообразования, чтобы быть образованным на политические темы среди прочих других — но многие упускают знания, понимание и интерес, чтобы пользоваться своими демократическими правами эффективно» [5].

Безусловно, одним из самых очевидных решений проблемы политической неграмотности населения является использование социальных медиа. Они способствуют повышению информированности населения о политических и электоральных процессах, их осознанию и пониманию, а также популяризации среди населения. Для того чтобы собрать большую аудиторию, занимаясь политикой — и особенно европейской политикой, — необходимы огромные усилия.

Официальный профиль Европейского парламента существует и на фото-бирже Flickr [7], а также на популярном видеохостинге YouTube [9]. На первом ежедневно в течение всей предвыборной кампании 2009 г. публиковались официальные фотографии организации, на втором (на специальном канале «EU Tube») помещались видеозаписи, посвященные выборам и деятельности Европейского парламента. Пользователи, в свою очередь, также имеют возможность обращаться к евродепутатам с видеопосланиями, разместив их в профиле «EU Tube» [2].

Посетители, обратившиеся к одному из новых интернет-ресурсов Европейского парламента, могут узнать много интересного о деятельности представительного и законодательного органа Европейского Союза. Так, например, на ресурсе Европейского парламента на хостинге YouTube размещена информация о действиях депутатов, предпринимаемых для снижения тарифов на мобильную связь или смс-сообщений, реформах в сфере образования. Кроме того, на примере двух «виртуальных домов» 1979 и 2009 г. посетители могут наглядно увидеть, как изменился Европейский Союз за последние 30 лет и какое влияние эти изменения оказали на их собственную жизнь.

Немаловажен и тот момент, что посетители сайтов получают возможность дать свой отклик на публикации, например, отправить свои видеозаписи депутатам или через форум вступить с ними в дискуссии по вопросам деятельности Евросоюза и его институтов [2].

Конвертация осознания происходящих в политической жизни общества процессов в интерес и интереса в избирательные голоса имеет решающее значение. Возможно, социальные медиа не станут единственным средством для преодоления разрыва между появлением осознанности и зарождением интереса, но они, несомненно, являются ключевой частью решения [5].

Несмотря на то, что социальные медиа играют важную роль в различных сферах жизни общества, сфера политики подвержена их влиянию не в меньшей мере. Однако технологии социальных сетей развиваются колоссальными темпами, что затрудняет какие-либо долгосрочные прогнозы относительно их использования. Кандидаты в члены Европейского парламента и политические институты должны быть все время «во взаимодействии» с электоратом, и не только до, но и после выборов. Это так называемое «постоянное присутствие» в социальных сетях является во многом ключевым фактором успеха. Наиболее успешными, и, как

следствие, имеющими бóльшие шансы на победу, становятся те политические фигуры, которые повышают и углубляют свое присутствие в социальных медиа, делают его более качественным и эффективным, ведут в социальных сетях двусторонний диалог.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вартанова Е.Л.* Медиаэкономика зарубежных стран. М.: Аспект Пресс, 2003.
- [2] *Грудина М.* Европарламент обосновался в социальных сетях. URL: <http://www.dw.de/европарламент-обосновался-в-социальных-сетях/a-4264666>.
- [3] *Дзялошинский И.М.* Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям? М.: Престиж, 2006.
- [4] *Жилавская И.В.* Информальные медиа / Медиаобразование: от теории — к практике // Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции «Медиаобразование в развитии науки, культуры, образования и средств массовой информации». Томск, 20—21 ноября 2007 // URL: http://www.4cs.ru/materials/wp-id_396.
- [5] *Cowan-Brown T.* Will the EU get a social media election? // Europe Decides, 2013 // URL: <http://europedecides.eu/2013/12/will-the-eu-get-a-social-media-election>.
- [6] European Parliament // URL: <https://www.facebook.com/europeanparliament>.
- [7] European Parliament // URL: https://www.flickr.com/photos/european_parliament.
- [8] European Parliament // URL: <https://myspace.com/europeanparliament>.
- [9] European Parliament // URL: <http://www.youtube.com/user/EuropeanParliament>.
- [10] *Giles J.* How Facebook could help swing the US election // New Scientist. 2012 // URL: http://www.newscientist.com/article/dn22261-how-facebook-could-help-swing-the-us-election.html#.VFQ6p_msWS0.
- [11] *Zaremba-Pike M.* Social media and the elections — did it have an impact? // Europe Decides, 2014 // URL: <http://europedecides.eu/2014/06/social-media-and-the-elections-did-it-have-an-impact>.

ELECTIONS TO THE EUROPEAN PARLIAMENT THROUGH THE PRISM OF SOCIAL MEDIA AS AN ELECTORAL RESOURCE

A.N. Katkina

Department of the State Policy in the Sphere of Education of Children and the Youth
Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Lyusinovskaya str., 51, Moscow, Russia, 117997

The article considers the social media as a relatively new tool for electoral and political activities for creating a positive image of political parties and candidates (on the example of the European Parliament). The social media are becoming increasingly important in the nowadays world politics due to the growing number of the Internet users, the fall in the popularity of traditional media, and the fast spread of new media as well as the transformation of the Internet into the area for active political actions. The key role in the formation of the political image belongs to political institutions (parties, government agencies), certain politicians and public figures, as well as to representatives of the electorate, i.e. population. The analy-

sis of the efforts of various political actors in the social media allows to identify their three basic functions: a tool to increase voter turnout; a tool to increase the popularity of candidates and parties; a tool to increase public awareness of the political and electoral processes in general. Currently the most serious obstacle for strategic studies of social networks is the tremendous pace of their technological development that complicates long-term predictions in the field. However, despite the lack of universally accepted criteria for assessing the efficiency of political activities in the social media, the author believes that the key success factor is the so-called “permanent presence” of electoral subjects in the Internet.

Key words: elections; European Parliament; European Union; Internet; political institutions; social media; electoral processes.

REFERENCES

- [1] *Vartanova E.L.* Mediaekonomika zarubezhnyh stran [Media Economics of Foreign Countries]. M.: Aspekt Press, 2003.
- [2] *Grudinina M.* Evroparlament obosnovalsya v socialnyh setyah [European Parliament settled in the social networks] // Russian edition Deutsche Welle, 2009. URL: <http://www.dw.de/европарламент-обосновался-в-социальных-сетях/a-4264666>.
- [3] *Dzyaloshinsky I.M.* Zhurnalistika souchastiya. Kak sdelat SMI poleznymi lyudyam? [Journalism of participation. How to make mass media useful?]. M.: Prestizh, 2006.
- [4] *Zhilavskaya I.V.* Informalnye media/Mediaobrazovanie: ot teorii — k praktike. Sb. materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii «Mediaobrazovanie v razvitii nauki, kultury, obrazovaniya i sredstv massovoj informacii» [Informal media/Media-education: From theory to practice]. Tomsk, 2007 // URL: http://www.4cs.ru/materials/wp-id_396.

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

СРЕДНЕЕ СПЕЦИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОЦЕНКАХ И МНЕНИЯХ ВЫПУСКНИКОВ ССУЗОВ*

А.Т. Гаспаришвили

Институт социологии РАН

ул. Кржижановского, 24/35-5, Москва, Россия, 117218

Статья подготовлена на основе материалов проекта «Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи в современной экономической ситуации», в рамках которого было проведено социологическое исследование, посвященное проблемам профессиональных ориентаций и планов выпускников российских средних специальных учебных заведений (ссузов). В ходе исследования выпускники объясняли, чем обусловлен их выбор профессии, что повлияло на этот выбор, делились своими планами относительно того, чем они собираются заниматься после завершения учебы, высказывали свое мнение о качестве полученного образования и необходимом уровне образования для успеха в жизни. Судя по данным исследования, студенты имеют серьезные мотивации к получению высшего образования, которое поможет им стать более конкурентноспособными на рынке труда. Для большинства из них система среднего специального образования является промежуточным, «вспомогательным» этапом в планируемой жизненной траектории. Эмпирические данные, полученные в результате проведенного исследования, также свидетельствуют о существенных различиях в мотивациях отдельных категорий изучаемой группы молодежи. Среди прочего студенты ссузов, получающие медицинское и педагогическое образование, демонстрируют большую приверженность морально обосновываемым ценностям служения обществу в отличие от ориентированных на работу в коммерческом секторе, сфере обслуживания и т.д. Материалы статьи могут быть полезны при планировании и корректировке государственной и ведомственной политики в области среднего специального и высшего профессионального образования.

Ключевые слова: выпускники; мотивация; образование; рынок труда; среднее специальное образование; трудоустройство; социология образования.

Важнейшей задачей системы профессионального образования является подготовка квалифицированных специалистов среднего звена, которые были бы востребованы на рынке труда, обладали необходимыми профессиональными и лич-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01985, «Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи в современной экономической ситуации») в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт социологии РАН».

ными компетенциями в соответствии с требованиями своей специальности, были конкурентноспособны и мотивированы на достижение высоких результатов.

Потребность экономики в специалистах со средним специальным образованием или, как это сегодня называется, в специалистах со «средним профессиональным образованием по программам подготовки специалистов среднего звена», в наши дни ощущается довольно остро. Дефицит таких специалистов «в российской как инновационной, так и не претендующей на какие-либо технологические и организационные прорывы, обычной традиционной экономике» был отмечен как особо серьезная проблема при обсуждении плана Минобробразования по совершенствованию системы среднего профессионального образования (СПО) на состоявшемся в Государственной Думе в январе 2015 г. круглом столе на тему «Совершенствование системы среднего профессионального образования».

Выступая на круглом столе, председатель комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Ольга Баталина заявила: «Разработанный в Министерстве образования комплекс мер, направленный на совершенствование системы среднего профессионального образования на 2015—2020 годы, требует существенной доработки. В предложенной редакции мы не можем его поддерживать» [6]. Она также привела данные статистики за период с 1993 г. по настоящее время, согласно которым количество студентов вузов за это время увеличилось вдвое, а количество специалистов среднего звена не изменилось.

Как на самом деле обстоят дела с кадрами среднего звена? Стали ли ссузы за последние годы более или менее привлекательными для молодых людей?

Если верить данным рекрутингового агентства Superjob.ru, привлекательность ссузов для выпускников школ растет.

Superjob.ru в 2012 г. провело опрос родителей выпускников средних образовательных школ. Согласно данным этого исследования 58% нынешних выпускников школ собирались поступать в вузы, более 20% опрошенных родителей говорили, что их дети на момент опроса не определились с выбором или не знали о жизненных планах своих детей. Еще примерно 20% выпускников собирались поступать в ссузы.

В течение трех лет, с 2010 по 2012 г., Superjob.ru фиксировал рост интереса выпускников к получению специального образования: в 2010 г. только 8% респондентов говорили о том, что их дети собираются поступать в ссузы, в 2011 — 11%, а в 2012 г. — уже 20%.

По мнению экспертов Superjob.ru, это происходит за счет падения интереса молодых людей к получению высшего образования. По их наблюдениям, наличие документов о высшем образовании не дает выпускникам конкурентных преимуществ при устройстве на работу по специальности. Это ведет к росту привлекательности рабочих специальностей, востребованных рынком профессий.

С такой точкой зрения согласны далеко не все, в частности, директор Высшей экономической школы Петербургского государственного университета экономики и финансов Я. Клементовичус не считает, «что одно образование уступает позиции другому» и что за последние годы появился хоть какой-то особый интерес к сред-

нему специальному образованию. Просто к молодым людям (и их родителям) приходит понимание того, высшее образование можно отложить на какое-то время, а пока получить специальность, более востребованную на рынке труда» [7].

Мы позволим себе отнестись к данным Superjob. ru с некоторой осторожностью. Принципы построения выборок, которые использует портал, вряд ли могут обеспечивать валидные результаты. Чтобы получить более объективное заключение, обратимся к статистическим данным Федеральной службы государственной статистики и Министерства образования и науки Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Число лиц, получивших среднее общее и основное общее образование в текущем году и принятых на обучение по образовательным программам среднего профессионального образования — программам подготовки специалистов среднего звена (ссузы) и программам высшего образования (вузы) (в тыс. чел.) [5]

	2010	2011	2012	2013
Ссузы	494,6	481,0	476,6	451,3
Вузы	579,6	535,4	582,8	579,4

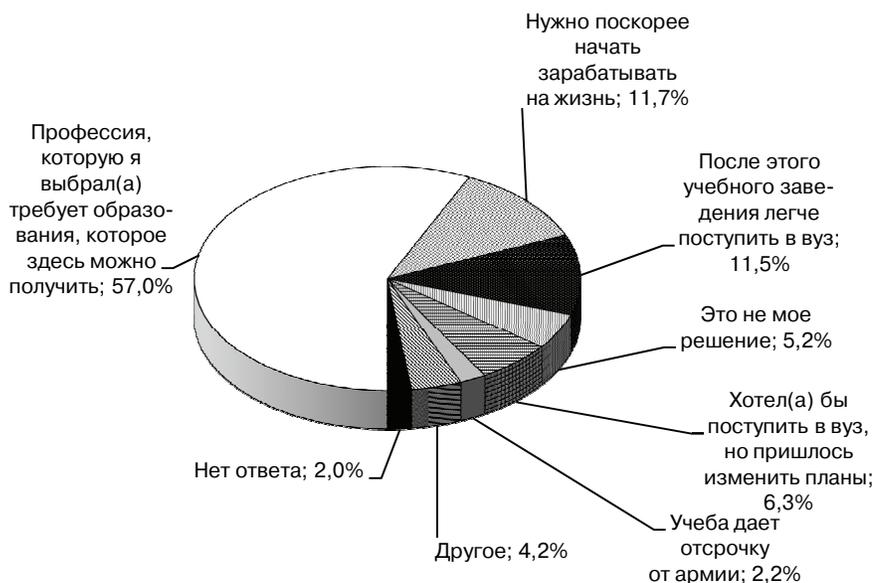
Судя по этим данным, ситуация за период с 2010 по 2013 г. не так однозначна, как в исследовании Superjob.ru. Так что если даже предположить, что интерес к ссузам у молодежи растёт, то интерес этот на самом деле не «материализуется».

В этой связи представляется актуальным проследить, какие мотивации к обучению, какие потребности и какие профессиональные планы имеют выпускники ссузов, а также какие шаги они предпринимают или собираются предпринимать для того, чтобы войти в трудовую деятельность в процессе обучения сегодня, когда проблемы трудоустройства выпускников во многом обусловлены отсутствием связи между рынком профессий и образовательным рынком, а в экономике имеет место разрыв между предложением работников и спросом на них [3. С. 18].

В данной статье мы будем опираться на результаты социологического исследования «Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи в современной экономической ситуации», проведенного исследовательским коллективом ИС РАН в сентябре—октябре 2014 г. Составной частью этого исследования был опрос 600 выпускников ссузов в 9 субъектах Российской Федерации, включая Москву и Санкт-Петербург. Исследование было осуществлено методом группового анкетирования в учебных аудиториях.

Мы рассмотрим вопросы, связанные с тем, какие задачи возлагают на систему среднего специального образования выпускники ссузов, является ли для них учеба в ссузе подготовкой к выходу на рынок труда или очередным этапом в процессе образования, как говорят некоторые авторы, «трамплином» для получения высшего образования.

Обратимся к данным нашего исследования для того, чтобы выявить мотивы молодых людей, которыми они руководствовались, поступая в ссузы (рис. 1).

Рис. 1. Почему Вы решили учиться в этом учебном заведении?

Судя по ответам респондентов, основным мотивом выбора учебного заведения являлся интерес к профессии, которую учащиеся выбрали для себя. Этим мотивом руководствовались 57% нынешних выпускников. Среди других значимых мотивов можно выделить необходимость поскорее начать зарабатывать на жизнь (11,7%) и уверенность, что после окончания данного среднего специального учебного заведения легче поступить в вуз (11,5%). Доля тех, кто хотел поступить в вуз, но впоследствии по тем или иным причинам изменил свои планы, составляет 6,3%.

Выбор учебного заведения чаще всего обуславливается выбором профессии. Рассмотрим, какими критериями руководствовались выпускники средних специальных учебных заведений при выборе своей будущей специальности.

Причины выбора различных специальностей отражены в табл. 2.

Таблица 2

Чем Вас привлекает эта специальность или профессия?

Причины	Сфера обслуживания и торговли	Экономика, финансы и кредит, банковское дело	IT-технологии и программирование	Образование и просвещение	Здравоохранение и медицина	Технические специальности и промышленное производство
Специальность (профессия) мне интересна	61,9%	46,1%	50,5%	68,7%*	71,2%	62,5%
Работа по этой специальности высоко оплачивается	23,0%	14,8%	37,1%	9,0%	1,9%	22,5%
Специальность престижна	20,6%	32,2%	25,8%	11,9%	13,5%	17,5%
Смогу приносить пользу своей стране, обществу	12,7%	5,2%	11,3%	38,8%	61,5%	10,0%

Окончание таблицы 2

Причины	Сфера обслуживания и торговли	Экономика, финансы и кредит, банковское дело	IT-технологии и программирование	Образование и просвещение	Здравоохранение и медицина	Технические специальности и промышленное производство
Для этой профессии не нужны особые знания	4,8%	–	4,1%	3,0%	1,9%	–
Семейная традиция	4,0%	9,6%	7,2%	9,0%	5,8%	2,5%
С этой специальностью можно сделать хорошую карьеру	31,0%	44,3%	16,5%	14,9%	5,8%	32,5%
С этой специальностью легко устроиться на работу в нашей стране	17,5%	18,3%	14,4%	29,9%	23,1%	12,5%
Владея этой специальностью, легче уехать на работу за рубеж	2,4%	0,9%	6,2%	4,5%	1,9%	–
Совпадение моих способностей, наклонностей с характером выбранной специальности	6,3%	10,4%	12,4%	14,9%	23,1%	15,0%
Наиболее подходящий путь в самостоятельную жизнь	13,5%	9,6%	11,3%	11,9%	19,2%	7,5%

*Жирным шрифтом выделены наиболее значимые данные — те, которые выделяются на общем фоне по каждой причине выбора.

При выборе всех профессий наиболее важной является причина «Эта специальность (профессия) мне интересна», но чаще других ее называли те, кто собирается связать свою жизнь со сферой образования и медицины. Доминирующие причины выбора этих двух специальностей в значительной мере совпадают — за интересом к профессии следует возможность приносить пользу своей стране, обществу. Далее по значимости следует возможность легко устроиться на работу в нашей стране.

Выпускники, обучавшиеся по специальностям «Экономика, финансы и кредит, банковское дело», называют в качестве основной причины интерес к профессии реже других. Если среди остальных выпускников ссузов эту причину называют порядка 60—70%, то среди будущих экономистов только 46%. Экономисты в качестве основных причин выбора профессии также называли возможность сделать хорошую карьеру (44,3%) и ее престижность (32,2%).

Для будущих работников сферы обслуживания и торговли возможность сделать хорошую карьеру также оказалась на втором месте по значимости (31%). На третьем месте для них — высокая оплата труда (23%). Высокая оплата труда (37,1%) в совокупности с престижностью (25,8%) в значительной мере определили выбор выпускников, которые прошли обучение в сфере IT-технологий и программирования.

Те, кто получал образование в сфере «технических специальностей и промышленного производства», среди мотивов своего выбора чаще других называли возможность сделать хорошую карьеру (32,5%) и высокую оплату труда будущей специальности (22,5%).

Стоит отметить, что работа за рубежом привлекает очень незначительное число выпускников ссузов.

Информация о том, кто повлиял на выбор профессии выпускниками, представлена в табл. 3.

Таблица 3

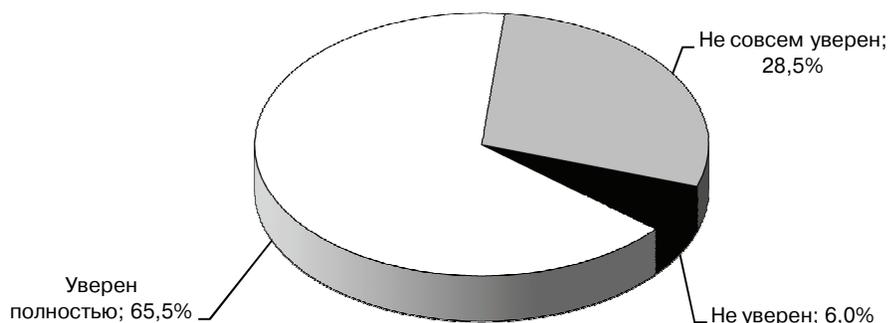
Что или кто повлиял на Вас при выборе данной специальности (профессии)?

Источники	Сфера обслуживания и торговли	Экономика, финансы и кредит, банковское дело	IT-технологии и программирование	Образование и просвещение	Здравоохранение и медицина	Технические специальности и промышленное производство
Советы родителей, их пример	53,2%	55,7%	60,8%	75,0%	61,2%	35,0%
Советы, пример братьев и сестер	14,3%	13,0%	12,4%	17,3%	11,9%	10,0%
Учителя школы	5,6%	–	3,1%	7,7%	11,9%	2,5%
Друзья и сверстники	23,8%	23,5%	18,6%	9,6%	16,4%	20,0%
Жизненный опыт более взрослых знакомых	26,2%	25,2%	23,7%	38,5%	29,9%	22,5%
Информация из Интернета и СМИ	15,1%	13,9%	14,4%	11,5%	14,9%	2,5%
Представители (или преподаватели) колледжа	6,3%	7,0%	10,3%	15,4%	6,0%	—

Согласно данным исследования, главными источниками влияния при выборе практически всех профессий являются родители, другие взрослые и знакомые, а также друзья и сверстники. Бóльший интерес представляет сравнение степени влияния этих источников при выборе профессий, относящихся к различным сферам. Примечательно, что и здесь наблюдается сходство между теми, кто в качестве своей будущей специальности выбрал сферу образования, и теми, кто планирует стать медицинским работником. Выпускники, обучавшиеся по этим двум специальностям, чаще других руководствовались при своем выборе профессии примером и советами родителей, а также жизненным опытом взрослых знакомых.

Также советы родителей чаще других назывались при выборе профессий, относящихся к сфере IT и программирования. Остальные выпускники (а это те, кто обучался по специальностям «обслуживание и торговля», «экономика, финансы и кредит, банковское дело», а также «технические специальности и промышленное производство») чаще других прислушивались к советам друзей и сверстников. Другие источники при выборе будущей профессии оказали на учащихся значительно меньшее влияние.

Сделав тот или иной выбор, учащиеся впоследствии могли разочароваться в его правильности. Тем не менее, как свидетельствуют данные исследования, более 65% всех выпускников по-прежнему полностью уверены в правильности своего профессионального выбора (рис. 2).

Рис. 2. Уверены ли Вы в том, что Ваш выбор специальности (профессии) правильный?

Рассмотрим, как уверенность в своем выборе зависит от выбранной специальности (табл. 4).

Таблица 4

Уверены ли Вы, что Ваш выбор специальности (профессии) правильный? (в %)

Специальность	Уверены ли Вы в том, что Ваш выбор специальности (профессии) правильный?		
	Уверен полностью	Не совсем уверен	Не уверен
Сфера обслуживания и торговли	66,7	30,9	2,4
Экономика, финансы и кредит, банковское дело	52,2	40,8	7,0
IT-технологии и программирование	69,1	22,7	8,2
Здравоохранение и медицина	75,0	19,2	5,8
Образование и просвещение	67,2	28,3	4,5
Технические специальности и промышленное производство	77,5	17,5	5,0

Больше других уверены в своем выборе те, кто обучался техническим специальностям и специальностям, относящимся к сфере промышленного производства (77,5%), а также те, кто решил получить профессию в сфере здравоохранения и медицины (75%). Неуверенных в своем выборе больше среди тех, чья специальность связана с IT-технологиями и программированием (8,2%), а также специалистов из сферы экономики, финансов и банковского дела (7%). Впрочем, и по данным специальностям значительное большинство выпускников уверено в своем выборе.

Окончив обучение в среднем специальном учебном заведении, выпускники сталкиваются с необходимостью выбора — поступить на работу, продолжить обучение, либо же постараться совмещать работу с дальнейшей учебой (рис. 3).

Судя по данным исследования, значительное большинство выпускников ссузов (70%) собирается выйти на рынок труда. Тех, кто думает продолжить образование сразу после окончания ссуза и заниматься только учебой, относительно немного — 16,3%. Еще 2,3% собираются всецело посвятить себя семейной жизни, 16% юношей собирается в армию и в связи с этим не будет ни работать, ни учиться дальше, по крайней мере до тех пор, пока не отдаст родине воинский долг.

Рис. 3. Что Вы планируете делать после окончания этого учебного заведения?

Доля тех, кто собирается в той или иной форме, раньше или позже продолжить свое образование, составляет 68,8%, причем 42,8% будет совмещать учебу с работой, а продолжит учебу через некоторое время после поступления на работу 9,7%. Только 17,5% выпускников считает, что завершили свои «отношения» с образованием, планирует поступить на работу и больше не учиться.

Таким образом, для большинства выпускников ссузов среднее специальное образование является одновременно и подготовкой к выходу на рынок труда, и «трамплином» для получения более высокого уровня образования.

Выступая на съезде Союза директоров средних специальных учебных заведений в апреле 2013 г., министр образования и науки РФ Дмитрий Ливанов говорил о необходимости повысить привлекательность учреждений начального и среднего профессионального образования для молодых людей, о том, что нужно «сделать так, чтобы в эти учреждения приходили не те, кто не попал в вузы, а те, кто ориентирован на успешную карьеру на производстве» [2]. Однако ссузы пока еще не стали привлекательными сами по себе и не рассматриваются большинством выпускников системы среднего образования как путь к успешной карьере. Значительное большинство всех выпускников (62,7%) планирует в будущем поступить в вуз. Еще около 9% — продолжить учебу в другом колледже (рис. 4).

Доля выпускников ссузов среди учащихся высших учебных заведений довольно велика — в 2013 г., например, это был каждый пятый (21,4%) поступивший. Доля выпускников школ составляет 59,3% (табл. 5).

Вплоть до нынешнего года молодые люди, закончившие техникум или колледж, имели определенные преимущества при поступлении в вуз, поступая туда по отдельному конкурсу. Поступив в вуз, они могли продолжить образование по выбранному профилю по сокращенной программе. Среднее профессиональное образование базового уровня сокращало срок обучения в вузе на год, повышенного уровня — на год или даже на два.

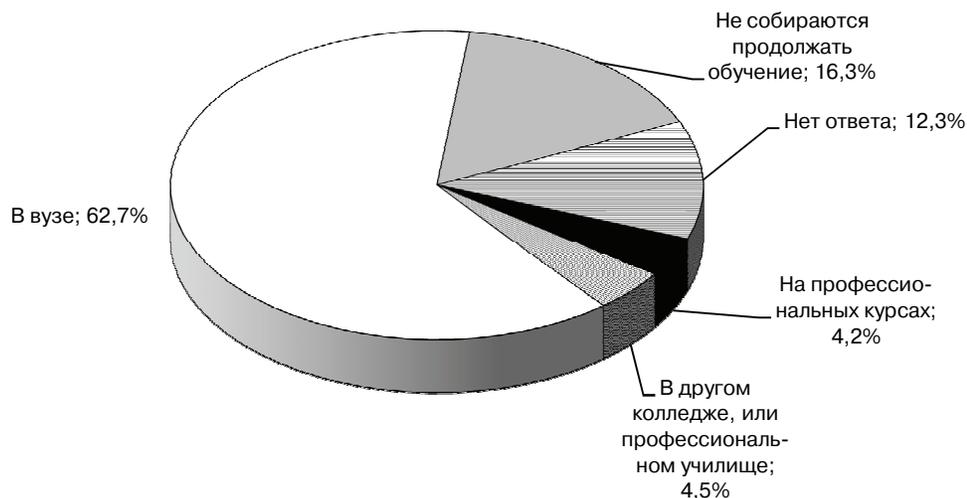

Рис. 4. Где Вы собираетесь учиться после окончания колледжа?

Уровень образования лиц, принятых на обучение в вузы
(тысячи человек) [5]

Таблица 5

Имеют образование:	2011	2012	2013
Принято всего:	1 207,4	1 298,2	1 246,5
среднее общее	711,4	765,5	739,3
среднее профессиональное по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	48,1	43,0	44,7
среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена	303,7	310,3	266,9
неполное высшее профессиональное, высшее, профессиональное	44,4	52,0	59,0

Такая система, с точки зрения руководства Минобрнауки, неприемлема. «С каждым годом все больше и больше девятиклассников приходят не в десятые классы, а в систему колледжей и техникумов, — рассказал министр Дмитрий Ливанов участникам Всероссийского совещания руководителей региональных органов образования, прошедшего во Владивостоке. — Но мы это связываем не с возросшей привлекательностью этой системы, а со льготой для выпускников колледжей при поступлении в высшие учебные заведения» [8. С. 5]. Он также объявил о возможности отмены льгот для выпускников ссузов. Льготы пока не отменены, однако в 2015 г. правила приема в вузы для выпускников системы среднего специального образования изменились. С этого года отменены отдельный конкурс и сокращенная форма обучения для абитуриентов с дипломом колледжа. Теперь выпускник колледжа, желающий поступить в вуз, вместо ЕГЭ должен пройти тестирование или собеседование и участвует в общем с выпускниками школ конкурсе.

Нечто вроде сокращенной формы обучения все еще возможно для выпускников колледжей, но происходит это не «автоматически», а зависит от руководства вуза. Выпускник ссуза должен обратиться с заявлением с просьбой о переводе

на ускоренную форму обучения в деканат факультета, на котором он учится, и деканат может перезачесть ему изученные в колледже дисциплины. В этом случае для студентов вуза, закончивших колледж, утверждается индивидуальный график учебного процесса, и таким образом, сокращается срок обучения [1].

Скорее всего, такого рода нововведения осложнят выпускникам ссузов получение высшего образования. В связи с этим стоит отметить, что более 70% выпускников средних специальных учебных заведений считает наличие высшего образования необходимым для успеха в жизни (рис. 5). Менее 10% выпускников ссузов считает среднее специальное образование достаточным для успеха.

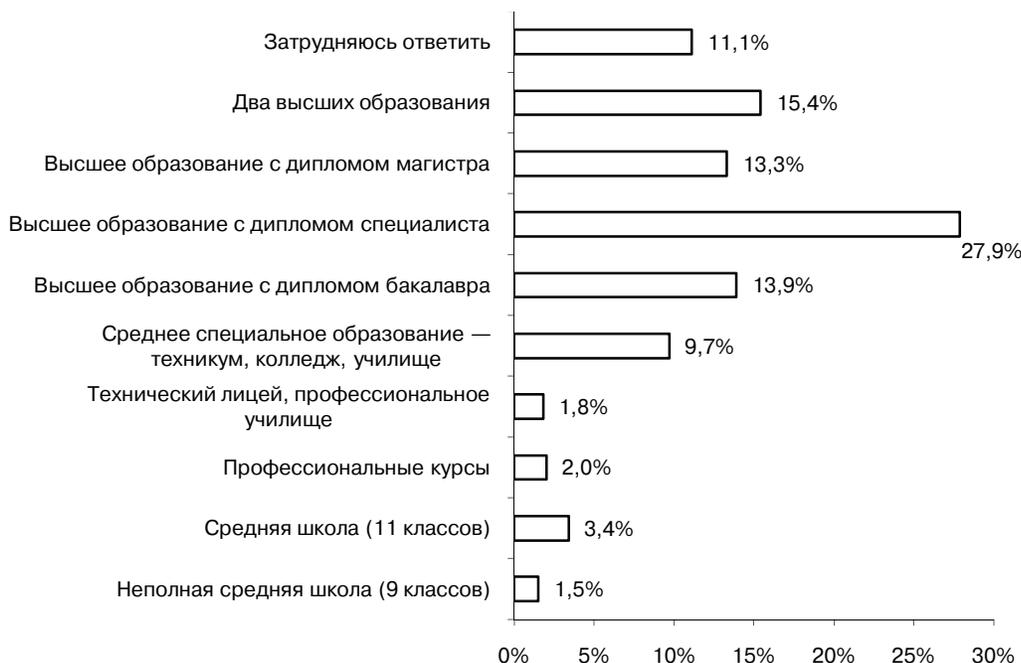

Рис. 5. Какое образование, по Вашему мнению, необходимо сегодня для успеха в жизни?

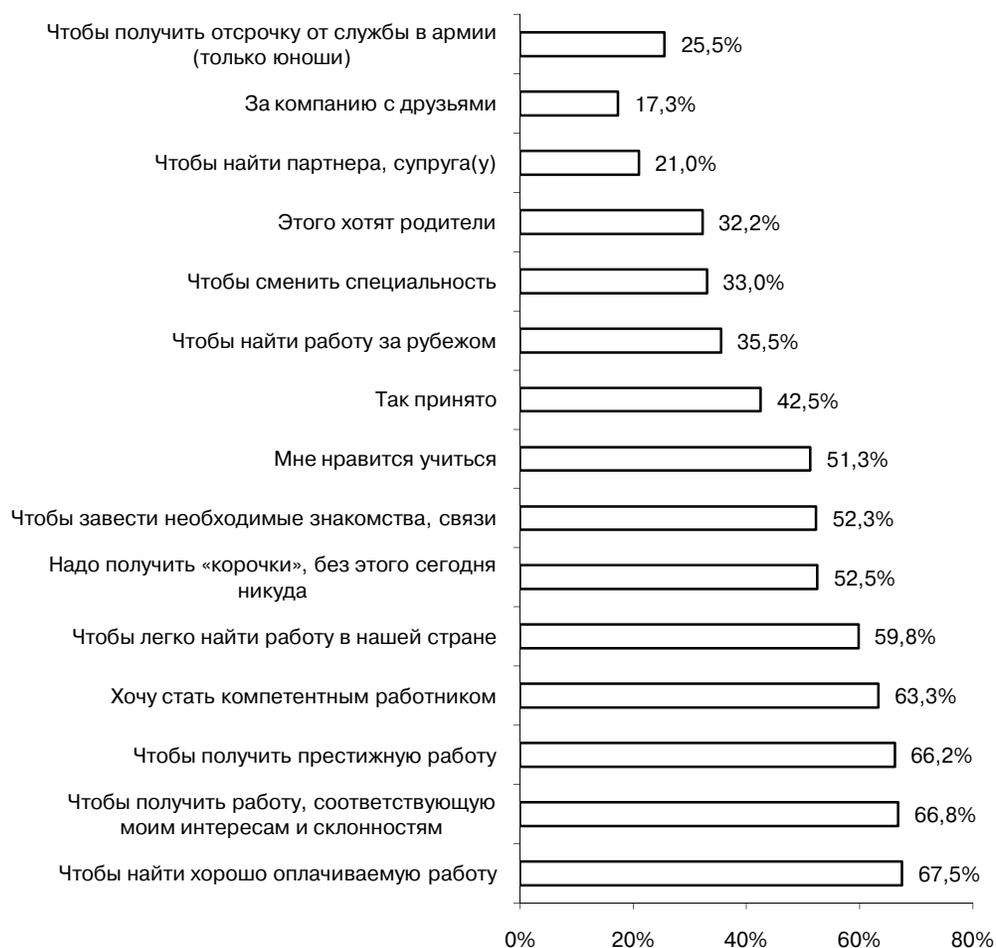
Похожие данные были получены в Д.Л. Константиновским в исследовании «Мониторинг непрерывного образования», которое было проведено в 2005 г., что говорит о весьма устойчивом характере мнений и установок выпускников ссузов [4. С. 176].

Причины, которые побудили выпускников продолжить свое образование, представлены на рис. 6. В ходе исследования респонденты должны были объяснить свое желание продолжить учиться, оценивая предложенные варианты ответа по шкале: «Очень важно» — «Важно» — «Не важно». Ниже на диаграмме ответы «Очень важно» и «Важно» объединены.

Среди мотивов, побудивших выпускников продолжить свое образование, присутствуют как внутренние, процессуально-содержательные мотивы, так и мотивы, обусловленные внешними факторами. При этом оба вида мотивов являются актуальными.

К внешним мотивам продолжения образования относится желание найти лучшую работу — хорошо оплачиваемую (67,5%) и престижную (66,2%). Значительное число выпускников, планирующих продолжить свое образование, считают, что это необходимо для того, чтобы в дальнейшем им было легче получить работу в нашей стране (59,8%) или за рубежом (35,5%). Кроме того, среди внешних мотивов были названы необходимость получения официальных документов о наличии образования (52,5%), а также желание завести полезные знакомства и связи (52,3%).

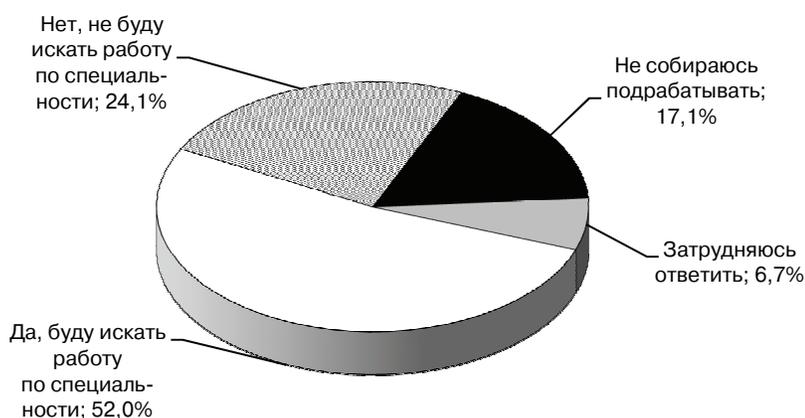
Около трети выпускников (33 %) планируют продолжить обучение для того, чтобы сменить свою нынешнюю специальность на другую. Продолжать учиться из-за желания своих родителей планируют около 32% молодых людей. Еще 17% будут продолжать обучение за компанию с друзьями. Еще около 21% в ходе дальнейшего обучения планируют найти партнера или супруга. И, наконец, 25,5% юношей хотят получить отсрочку от армии.

Рис. 6. Почему Вы собираетесь продолжить учиться?
(сумма ответов «Важно» и «Очень важно»)

Среди внутренних мотивов, обусловивших намерение выпускников продолжить свое обучение, наиболее распространенными является желание найти работу, соответствующую своим интересам и склонностям (66,8%), а также стремление повысить свою профессиональную компетентность (63,3%). Кроме того, более половины (51,3%) тех выпускников, которые планируют продолжить обучение, сказали, что им просто нравится учиться.

Более $\frac{3}{4}$ выпускников (76,2%) параллельно с учебой планируют подрабатывать (рис. 7). Причем более половины (52%) будут искать работу по специальности, а еще 24% планирует подрабатывать не по специальности.

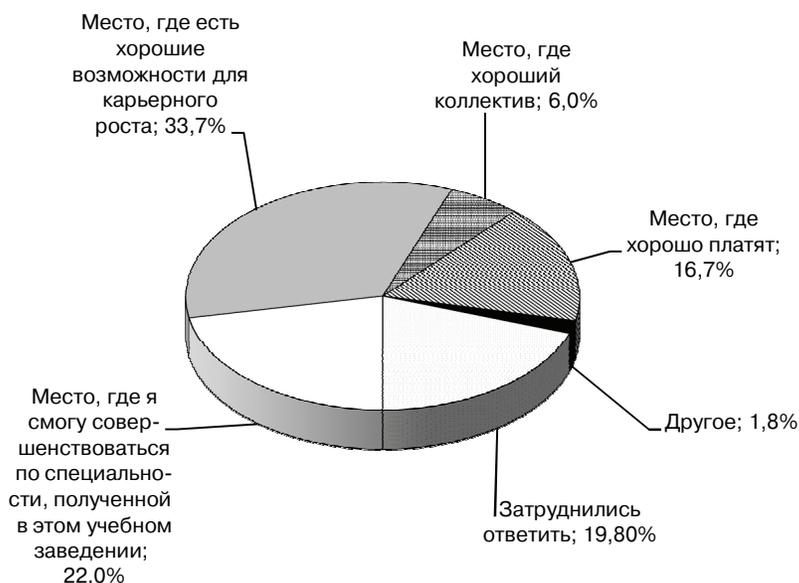
Рис. 7. Если Вы решите подрабатывать во время учебы, то будете ли Вы искать работу по специальности, полученной в колледже?

Так же как и при выборе будущей профессии, молодые люди руководствуются определенными критериями при выборе работы. На рис. 8 представлены ответы выпускников, которые планируют начать работать сразу после окончания ссуза, на вопрос «Что для Вас, в первую очередь, означает „хорошая работа“?».

Треть выпускников, которые планируют работать сразу после окончания ссуза, связывают понятие «хорошая работа» с благоприятными условиями для дальнейшего карьерного роста (33,7%). Примерно пятая часть опрошенных (22%) придерживается мнения, что хорошая работа — это, прежде всего, возможность совершенствоваться по полученной специальности (22%). Для 16,7% главным критерием оценки работы выступает высокая оплата труда и еще для 6% главное — хороший коллектив. Примерно 20% выпускников еще не сформулировали для себя оценочные критерии того, что такое хорошая работа, и не смогли ответить на вопрос анкеты.

Набор ресурсов, которыми пользуются выпускники ссузов, решая вопросы своего трудоустройства, достаточно широк. Эти ресурсы можно объединить в две группы. К первой группе относятся институциональные — организации, меропри-

ятия и службы, нацеленные на помощь в трудоустройстве. Это центры трудоустройства, биржи труда, встречи с работниками предприятий, которые проводят учебные заведения для своих учащихся, и др. Ко второй группе относятся неинституциональные ресурсы. Это — различные неформальные сети (родственники, друзья, знакомые), самостоятельные поиски, рассылка заявок о себе через Интернет и т.п.

Рис. 8. Что для Вас в первую очередь означает «хорошая работа»?
От числа тех, кто собирается начать работать сразу после окончания ССУЗа

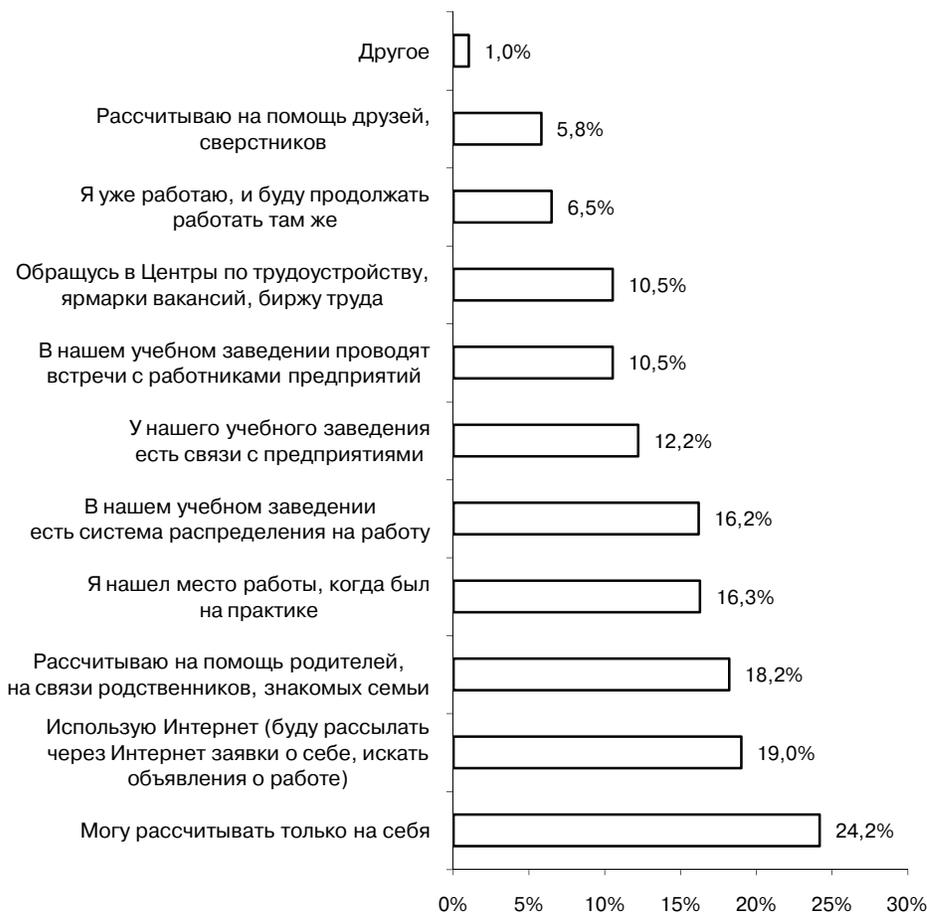
Большая часть опрошенных в поисках работы рассчитывает, прежде всего, на неинституциональные ресурсы — на себя, друзей, знакомых и родственников, Интернет. Таких выпускников — 83,5%. Тех, кто собирается воспользоваться институциональными ресурсами, почти в два раза меньше (49,4%) (более 100%, т.к. респонденты имели возможность выбрать более 1 варианта ответа).

Рассматривая конкретные пути трудоустройства, отметим, что около четверти (24,2%) выпускников при поиске работы после окончания ссуза считают, что могут рассчитывать только на свои силы (рис. 9).

Отдельную группу составляют те выпускники, которые на момент опроса уже работали по специальности (6,5%), либо же нашли себе работу в ходе учебной практики (16,3%).

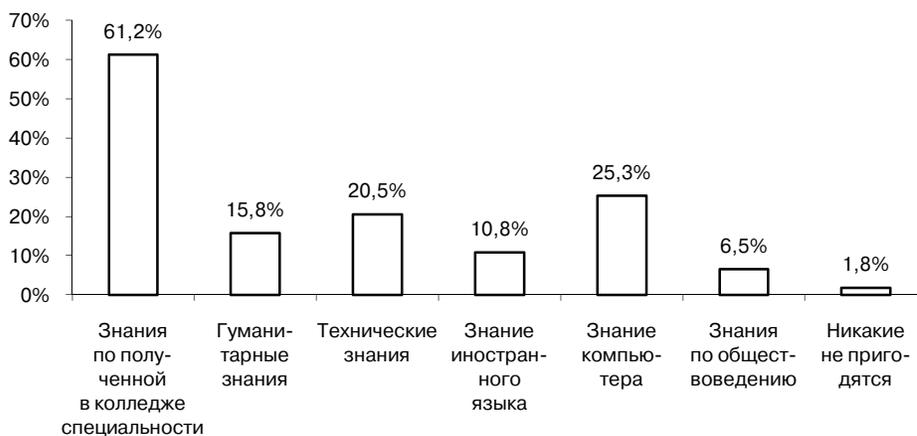
В центры по трудоустройству, на ярмарки вакансий и на биржу труда готовы обратиться только 10,5% выпускников ссузов.

Рассмотрим, какие знания, полученные в ссузе, помогут выпускникам, с их точки зрения, в ходе дальнейшей трудовой деятельности (рис. 10).

Рис. 9. Как у Вас обстоят дела с местом работы после окончания учебы?*

(*Более 100%, т.к. респонденты имели возможность выбирать более 1 варианта ответа)

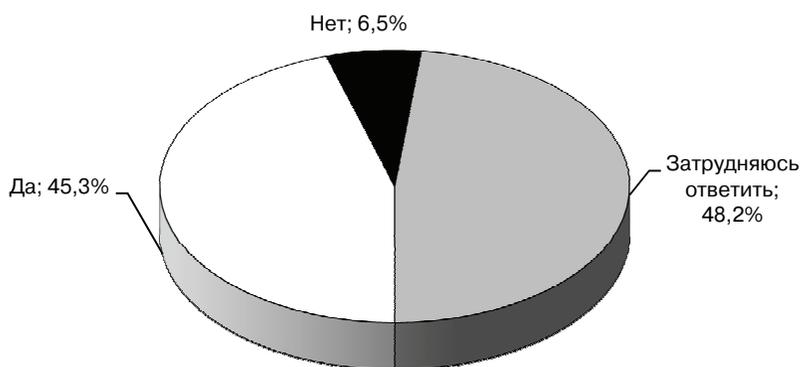
Рис. 10. Какие знания, полученные в этом учебном заведении, пригодятся Вам в будущей работе?*

(*Более 100%, т.к. респонденты имели возможность выбирать более 1 варианта ответа).

Прежде всего студенты называют знания по получаемой во время учебы специальности. Этот вариант выбрали 61,2% выпускников, планирующих работать сразу после окончания ссуза. Количество выбравших данный вариант ответа значительно (в несколько раз) превышает показатели по всем остальным вариантам.

Однако, с другой стороны, можно говорить о том, что почти 40% выпускников не находят для себя полезными знания, относящиеся к их непосредственной специальности. Лишь очень немногие — менее 2% выпускников — считают, что в ходе дальнейшей профессиональной деятельности им не пригодятся никакие знания, полученные в среднем специальном учебном заведении.

Примечательно, что с уверенностью говорят о том, что будут работать по специальности, менее половины выпускников ссузов (45,3%) (рис. 11).

Рис. 11. Собираетесь ли Вы после окончания колледжа работать по специальности, полученной в вашем учебном заведении?

Те, кто не уверены, будут ли они работать по специальности (48,2%), составляют самую большую группу. Выпускники, которые знают, что по специальности, приобретенной в результате обучения, они работать точно не будут, в явном меньшинстве (6,5%).

Очевидно, что невозможность спрогнозировать, будут ли они работать по специальности после окончания ссуза, для многих связана с неуверенностью в возможности найти работу по специальности (рис. 12).

Таких неуверенных больше половины (60%), в то время как тех, кто оптимистично смотрит на свое ближайшее будущее, — 38,2%.

Одним из ключевых факторов, определяющих привлекательность выбора той или иной профессии, является ее образ, сформировавшийся в массовом сознании. При опросе респонденты оценивали ряд наиболее распространенных профессий, используя 10-балльную шкалу, где 1 — наиболее низкая оценка, а 10 — наиболее высокая. Оценка производилась по следующим параметрам: общественная значимость, престижность, а также прибыльность профессии. Кроме того, в ходе анализа по каждой профессии была рассчитана совокупная оценка — среднее по всем трем показателям. Это позволило определить общее отношение к той или иной профессии. Результаты оценки представлены на рис. 13.

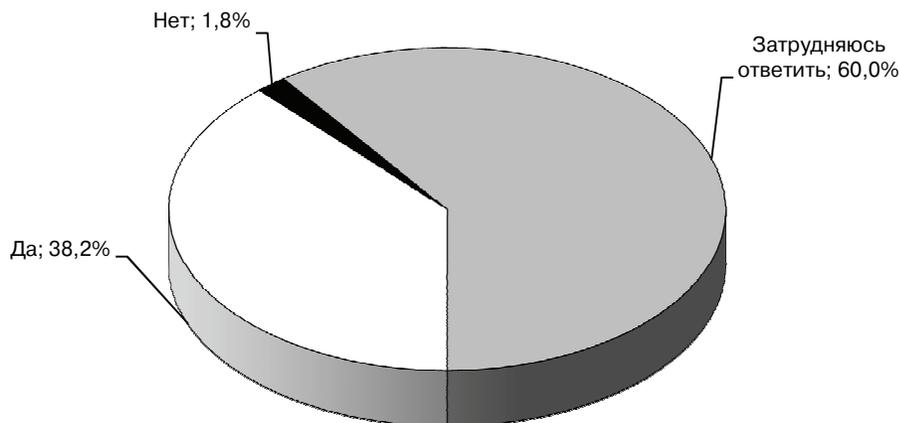

Рис. 12. Уверенность в том, что смогут устроиться работать по специальности

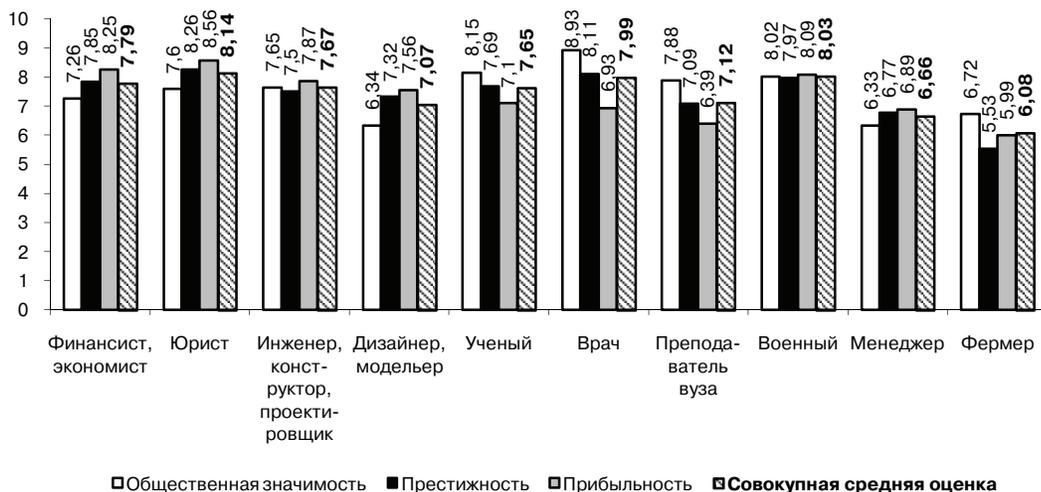

Рис. 13. Оценка профессий по 10-бальной шкале

Как видно из рис. 13, по совокупности показателей самая высокая средняя оценка была дана профессии юриста (8,14 баллов). Наибольший вклад (8,56 балла), по мнению выпускников ссузов, в эту оценку внесла высокая прибыльность данной профессии. Следующими по уровню совокупных оценок являются военные (8,03 балла). Данная профессия, с точки зрения ее оценок выпускниками, является наиболее сбалансированной — военные получили весьма высокие баллы по всем используемым оценочным параметрам. Эти результаты могут свидетельствовать об эффективности проводимых в последнее время мероприятий, направленных на повышение авторитета армии в российском обществе. Профессия врача замыкает тройку лидеров по совокупной оценке (7,99 балла). Причем оценочный профиль этой профессии прямо противоположен оценке юристов — прибыльность работы в медицинской сфере была оценена относительно низко (6,93 балла),

в то же время общественная значимость данной профессии получила наивысшую из всех, данных респондентами оценок (8,93 балла).

В целом, можно выделить два наиболее распространенных оценочных профиля.

Первую группу составляют профессии, главной привлекательной стороной которых является их *прибыльность*, несколько ниже прибыльности оценена престижность, а общественная значимость подобных профессий получила самые низкие оценки по сравнению с остальными двумя характеристиками. К этой группе относятся *юристы* (средняя оценка 8,14 баллов), *финансисты и экономисты* (7,79 балла), *дизайнеры и модельеры* (7,07 балла), а также *менеджеры* (6,66 балла).

В оценках профессий из *второй группы* доминирует их *общественная значимость*. Прибыльность данных профессий оценена значительно ниже. В эту группу попадают *врачи* (7,99 балла), *инженеры, конструкторы и проектировщики* (7,67 балла), *ученые* (7,65 балла), преподаватели вузов (7,12 балла), а также *фермеры* (6,08 баллов).

Единственной профессией, которая не попала ни в одну из двух выделенных нами групп, являются *военные* (8,03 балла), оценки которых, как уже говорилось выше, были наиболее сбалансированы по всем трем показателям.

Примечательно, что характеристика «престижность» не является доминирующей при оценке ни одной из представленных в анкете профессий.

Подводя итоги, можно сделать следующее заключение: для большинства молодых людей, учащихся в ссузах, система среднего специального образования является промежуточным, «вспомогательным» этапом в планируемой жизненной траектории. Закончив ссуз, они будут самостоятельно искать работу, не возлагая особых надежд на институциональные ресурсы и не будучи вполне уверенными, найдут ли работу по специальности. Такое положение дел связано не только с проблемами рынка труда, но и с качеством подготовки в техникумах и колледжах — 40% выпускников не находят для себя полезными знания, относящиеся к их непосредственной специальности. Они осознают, что заработная плата, которую может им обеспечить полученный уровень образования, скорее всего не будет соответствовать их запросам, считают, что для успеха в жизни необходимо иметь высшее образование. Так что поприбывав какое-то время на рынке труда в качестве специалистов среднего звена, они, кто раньше, а кто позже, поступят в вузы, получат высшее образование и попытаются построить свои судьбы скорее в соответствии со своими представлениями об успехе в жизни, чем согласуясь с потребностями экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Все, что нужно знать о поступлении в вузы в 2015 году // URL: http://www.aif.ru/dontknows/about/vsyo_chno_nuzhno_znat_o_postuplenii_v_vuzy_v_2015_godu.
- [2] Д. Ливанов: нужно поднимать репутацию среднего профессионального образования // URL: <http://www.menobr.ru/news/44195>.

- [3] *Клячко Т.Л.* Основные тенденции развития российской системы образования // Ректор вуза. 2013. № 4.
- [4] *Константиновский Д.Л., Вахитайн В.С., Куракин Д.Ю.* Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации. М.: ЦСП, 2013.
- [5] Образование в Российской Федерации: 2014: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2014.
- [6] План по совершенствованию профобразования доработают // URL: <http://er.ru/news/127275>.
- [7] Специалисты отмечают рост интереса выпускников школ к среднему специальному образованию // URL: http://www.dp.ru/a/2012/06/26/Kadri_dlja_rinka_truda_-_2.
- [8] Среднее специальное оставят без высшего // Коммерсант. 2015. № 117.

CAREER AND TECHNICAL EDUCATION SYSTEM: ESTIMATES AND OPINIONS OF THE GRADUATES

A.T. Gasparishvili

Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo str., 24/35-5, Moscow, Russia, 117218

The article is based on the results of the project “Education, labor market and social behavior of the youth under the current economic situation”, in which the sociological study of the professional orientations and plans of the Russian career and technical schools graduates was conducted. The graduates explained their reasons for the career choice, and what factors influenced such a decision, discussed their plans after graduation, expressed their opinions on the quality of education and the educational level necessary to be successful in life. According to the research data, the graduates aim to pursue a higher education degree to become more competitive in the labor market. For most of them, the career and technical education system is an intermediate, “secondary” step in the planned life trajectory. The research data also show significant differences in the motives of certain groups, for instance, students of medical and pedagogical colleges are more committed to the moral values of serving the society than those who plan to work in the commercial sector, service sector, etc. Thus, the data of the study is useful for planning and changing the state and departmental policies in both career and technical education and higher education.

Key words: graduates; motivation; education; labor market; career and technical education system; work opportunities; sociology of education.

REFERENCES

- [1] Vse, chto nuzhno znat' o postuplenii v vuzy v 2015 godu [All you need to know about admission to universities in 2015]. URL: http://www.aif.ru/dontknows/about/vsyo_chto_nuzhno_znat_o_postuplenii_v_vuzy_v_2015_godu.
- [2] D. Livanov: nuzhno podnimat' reputaciju srednego professional'nogo obrazovanija [D. Livanov: It is necessary to raise the reputation of vocational education]. URL: <http://www.menobr.ru/news/44195>.
- [3] *Kljachko T.L.* Osnovnye tendencii razvitija rossijskoj sistemy obrazovanija [Basic trends in the development of the Russian educational system]. Rektor vuza. 2013. № 4.

- [4] *Konstantinovskij D.L., Vahstajin V.S., Kurakin D.Ju.* Real'nost' obrazovanija. Sociologicheskoe issledovanie: ot metafory k interpretacii [Reality of Education: A Sociological Study: From Metaphor to Interpretation]. M.: CSP, 2013.
- [5] *Obrazovanie v Rossijskoj Federatsii* [Education in the Russian Federation]: 2014: stat. sb. M.: NIU VShJe, 2014.
- [6] Plan po sovershenstvovaniju profobrazovanija dorabotajut [The plan for improving vocational education will be finalized]. URL: <http://er.ru/news/127275>.
- [7] *Specialisty otmechajut rost interesa vypusnikov shkol k srednemu special'nomu obrazovaniju* [Experts note the growing interest of high school graduates in vocational education]. URL: http://www.dp.ru/a/2012/06/26/Kadri_dlja_rinka_truda_-_2.
- [8] *Srednee special'noe ostavjat bez vysshego* [Vocational education will be left without higher education]. Kommersant. 2015. № 117.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

В.С. Мухаметжанова, Е.А. Ивлев

Кафедра этики

Кафедра социологии

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Макляя, 10/2, Москва, Россия, 117198

В последние годы в российском обществе в рамках как официального государственного, так и медийного дискурса все активнее и жестче постулируется необходимость модернизации, оптимизации и реформирования институтов государственной и муниципальной службы как базовых инструментов обеспечения социально-экономического и политического развития страны. К сожалению, зачастую на этом пути различные организационные формы в системе социального управления наталкиваются на проблемы и препятствия не только институционального и объективного характера, но также и вполне субъективного свойства, связанные с «качеством» человеческого «материала», подобные формы наполняющего. Само понятие «чиновник» в общественном сознании россиян на протяжении многих десятилетий сохраняет негативную коннотированность, хотя в то же время соответствующие профессии остаются крайне привлекательными для молодых поколений как гарантирующие если не высокие доходы, то стабильность — финансовую и статусную. Авторы статьи, сопоставляя результаты двух опросов, реализованных в 2011 и 2015 г. методом анкетирования основного массива студентов Российского университета дружбы народов, обучающихся на направлении «государственное и муниципальное управление», показывают, насколько сильны в сознании будущих специалистов устойчивые стереотипы массового сознания относительно проблем и перспектив деятельности государственных и муниципальных служащих как особой профессиональной группы, в силу корпоративных правил и требований нормативного и неформального характера сохраняющей свою закрытость для простого человека. Признавая ограниченные возможности проведения сопоставлений двух массивов данных по причине существенной модификации базового инструментария, авторы все же отмечают ряд важных тенденций в восприятии будущими специалистами государственной и муниципальной службы этических требований, а также общественных ожиданий и претензий к своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: чиновник; государственный служащий; муниципальный служащий; этические принципы; этический кодекс; этический уровень; имидж; дискурс; профессиональное обучение.

Вряд ли сегодня в российском обществе можно встретить человека, который не сможет, пусть и в общих чертах, дать развернутое определение понятия «чиновник», хотя высока вероятность, что оно будет насыщено негативными и анекдотическими коннотациями. Однако если задать аналогичный вопрос, заменив слово «чиновник» на словосочетание «государственный служащий» или «муниципальный служащий», а тем более попросить объяснить различия между данными понятиями, шансы получить ответ резко снизятся, потому что в повседневной жизни большинство россиян склонны воспринимать разные уровни социального управления недифференцированно, объединяя всех их многочисленных акторов в одно емкое и оценочно нагруженное понятие «чиновники» (1). Из официального обо-

рота данное понятие вышло после революции 1917 г., поскольку и сам «чиновник» перестал быть исторической реальей [5], но не исчезло, например, такое уничижительное его наименование, как «канцелярская крыса» [3] или «социальный паразит ... частотны номинации чиновники-коррупционеры, чиновники-взяточники, тупые чиновники, цинизм и безразличие чиновников» [15].

Фактически после революции произошла лишь смена «названий» сохранившегося в социальной действительности типажа: советских «людей возмущали факты наличия партийных привилегий... Теперь под “они” понималась допущенная к государственной кормушке партийная номенклатура, под “мы” — весь остальной народ, не вошедший в число номенклатурных счастливых» [18. С. 200—201]. Противопоставление простого человека и чиновника в общественном сознании и в советской действительности сохранялось, не утратив своей актуальности до сих пор, хотя в 1991 г. после распада Советского Союза «чиновники» получили новое название «государственные служащие» (2). В качестве иллюстрации приведем данные ВЦИОМ: в 2010 г. наибольшим доверием россиян пользовались профессии ученого (средний балл 3,87 из 5), учителя (3,79) и священнослужителя (3,74) (в списке не было рабочих, инженеров и преподавателей вузов), а меньше всего россияне доверяли политикам (2,53), чиновникам (2,47) и полицейским (2,39), то и в 2015 г. ситуация мало изменилась — россияне доверяют рабочим (4,05), учителям (3,96) и военнослужащим (3,95), не доверяют политикам (2,74), предпринимателям (2,84) и чиновникам (2,97) [13].

В значительной степени подобное положение дел объясняется тем, что о российских чиновниках как исторически и социокультурно устойчивом социальном типе написано огромное количество работ не только в научной литературе, но также в художественной и публицистической, где взгляд на данную профессиональную группу «со стороны» нередко носит подчеркнуто утрированный и карикатурный характер: «Недостатки административно-бюрократического аппарата царской России подверглись критике и осмеянию в русской классической литературе, прежде всего, в творчестве Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Однако совершенно неверно трактовать сатирическое изображение царских чиновников в произведениях этих писателей как призыв к свержению самодержавия. Сатира классиков была направлена на нравственные пороки лиц, находившихся на различных ступенях государственного управления» [18. С. 143].

Впрочем, отчасти негативная коннотированность и даже социальная мифологизация чиновничества обусловлены принципиальной ориентацией данной группы на закрытость. С одной стороны, все мы постоянно сталкиваемся с миром чиновников для легализации своих социально-статусных характеристик и их изменений, и с этой точки зрения чиновник как некая функциональная единица социальной организации для всех понятен, доступен и привычен. С другой стороны, мир чиновников для простого человека, не являющегося его частью, загадочен и закрыт, потому что в силу специфики корпоративных правил (как формальных, так и неформальных) непрозрачен для среднестатистического россиянина. В результате «власть в России воспринимается как нечто отчужденное... всегда “они”, а не

“мы”... Такое отношение к государственной власти, характерное для дореволюционного периода, сохранилось и в советское время. Остается оно в целом таким же и в современной, постсоветской России. Конечно, для каждого из исторических периодов существовали свои причины отчуждения власти от общества. Однако привлекает внимание и сам факт устойчивости данного отношения к власти со стороны общества» [18. С. 197].

Многие исследователи, ссылаясь на художественную и историческую литературу, а также междисциплинарные исследования в рамках количественного и качественного подходов (опросы общественного мнения, экспертные оценки, контент-анализ средств массовой информации и т.д.), полагают, что социальный имидж российского чиновничества сплетен из следующих устойчивых характеристик [19]: «включенность в “аппарат” как некую тесно связанную официальными и неофициальными связями и закрытую от внешнего мира структуру управления; интеллектуальная ограниченность, невысокий уровень образования, низкий культурный уровень; отсутствие специфических профессиональных знаний и умений, некомпетентность в своей зоне ответственности; доступ к общественным благам как функция места, а не собственных профессиональных и личностных качеств; дефицит моральных ограничений; демагогичность, лицемерие, ханжество; бездушные; формализм; низкий официальный заработок; коррумпированность; амбициозность; чиновничество».

Распространенных объяснений, почему люди на чиновничьих позициях становятся именно такими, несколько, хотя каждое богато аналитическими и оценочными ограничениями, в значительной степени обесценивающими их эвристические возможности и требующими сложных сочетаний разных исследовательских оптик: психологическое (определенный набор нравственных качеств «будущего бюрократа» формируется с детства), историческое (культурно-историческая среда формирования биографии российского чиновничества с определенным этосом профессиональной деятельности) и институциональное (определенная организационная структура, формальные принципы и смысловая наполненность разных уровней социального менеджмента, начиная с самого высокого — государственного, где чиновники выступают не только как конкретные индивиды, но и как функциональные элементы политической системы). Впрочем, вряд ли простого человека любое из объяснений может смирить с проявлениями безразличия или произвола в собственной жизни.

Ссылки ряда авторов на веберовскую концепцию рациональной бюрократии для обоснования возможности «излечения» чиновничьей машины от всех ее недостатков за счет утверждения примата формального правила и процедуры также показало свою бесперспективность уже хотя бы потому, что в реальной жизни принцип жесткой документации и контроля нередко обретает гиперболизированные формы и превращается в иррациональный атрибут бюрократии — «бумаготворчество» [11]. Более того, «в последние десятилетия в мире постепенно набирает силу комплекс идей, противоположный веберовским представлениям об идеальной бюрократии... о том, что работу чиновников следует оценивать по четко

измеряемым результатам, что государственные органы обязаны служить прежде всего интересам и потребностям граждан, а не абстрактным интересам государства и т.д.» [6] (отсюда — нынешний устойчивый дискурс об эффективности, качестве и доступности государственных услуг).

Таким образом, в современном российском обществе существует определенный парадокс с целым рядом составляющих: во-первых, очевиден негативный собирательный образ чиновника в общественном мнении, насыщенный разнообразными коннотациями относительно его мотивов, целей и особенностей выполнения профессиональных обязанностей.

Во-вторых, профессия государственного и муниципального служащего остается популярной с точки зрения трудоустройства, потому что гарантирует столь привлекательные для россиян «пусть небольшой, но стабильный заработок» (это стандартная формулировка ответа в вопросе о критериях выбора места работы) и «социальный пакет»: например, об этом свидетельствует конкурс на специальность «государственное и муниципальное управление» в российские вузы, который остается неизменно высоким на протяжении последних лет, и, по данным интернет-портала «Мое образование», в рейтинге специальностей она занимает первую позицию (3).

В-третьих, при всей своей нормативно-бюрократической «бездушности» данная профессиональная деятельность нуждается в определенных культурно-нравственных принципах, формализованных прежде всего в этическом кодексе (или «этосе гражданской службы» [20. Р. 42, 43]), но получающем несколько иные преломления в общественном мнении (потребителей услуг государственной и муниципальной службы) и в представлениях самих чиновников. В-четвертых, с начала 2000-х гг. в официальном дискурсе, научной литературе и общественном сознании формируется идея о важности функций всех трех ветвей государственной власти, но особенно — исполнительной, т.е. постулируется необходимость повышения этического сознания современного чиновничества [1] как единственной эффективной силы, способной обеспечить и поддержать динамичное развитие страны на ближайшую перспективу [14], а также важности постепенной бюрократизации государственного управления, роста влияния и значимости аппарата в принятии решений на всех уровнях управленческой системы [4].

И, наконец, все перечисленные контексты деятельности государственного и муниципального служащего требуют расширения его профессионального этического кодекса целым рядом неформализуемых принципов, которые должны стать неизменным атрибутом работы чиновника (чуткость, тактичность, социальная активность, чувство справедливости и пр.) [2].

Очевидно, что столь сложный профессионально-личностный комплекс должен формироваться уже на этапе обучения в высшем учебном заведении: готовить и переподготавливать управленцев следует не просто как специалистов в области технологии принятия решений, а как профессионалов, умеющих видеть гуманистическое, «человеческое» содержание управленческих процессов, обладающих широким культурным кругозором, способных сверять свою профессиональную

деятельность с этическими ценностями и нормами права [17]. Проявление корпоративного сознания в виде следования принципам профессиональной этики — условие совершенствования работы органов власти, направленной на добросовестное и эффективное исполнение служащими должностных обязанностей, а оно, в свою очередь, будет способствовать формированию позитивного имиджа служащих.

Иными словами, кадровую «оптимизацию» российской государственной и муниципальной службы следует начинать с уровня профессиональной подготовки специалистов. Для социолога на этом уровне возможны два варианта тематической фокусировки эмпирических исследований: во-первых, оценка мотивов выбора специальности «государственное и муниципальное управление» с учетом интересов, склонностей, самооценки, притязаний, представлений о будущих социальных и профессиональных ролях нынешних студентов, опираясь, скажем, на концептуальную модель Д. Макклелланда [7].

Например, опрос студентов старших курсов, обучающихся по специальности «государственное и муниципальное управление» в Российском университете дружбы народов, в конце 2014 г. показал, что большинство будущих служащих имеет выраженную потребность в достижении — в своей будущей профессиональной деятельности они ориентированы на активное улучшение работы государственных органов с населением, считают наиболее значимым недостатком государственной службы слишком большой груз ответственности, возлагаемой на ее сотрудников обществом и организацией, убеждены, что госслужащий должен быть уверен в своих действиях и стремиться к поставленной цели [12].

Во-вторых, речь может идти об оценке содержания и устойчивости компонентов этического кодекса будущих и нынешних служащих, отталкиваясь от нормативно зафиксированных правил и требований к деятельности чиновников, а также от обыденных ожиданий относительно таковой.

В 2011 г. среди сотрудников московских муниципалитетов и студентов старших курсов, обучающихся по специальности «государственное и муниципальное управление» в Российском университете дружбы народов, был проведен опрос по схожей анкете (в студенческой анкете были скорректированы или убраны вопросы, касающиеся работы в органах местного самоуправления), чтобы, сопоставив результаты опроса «реальных» и «потенциальных» чиновников, понять, насколько базовые этико-нормативные компоненты профессиональной деятельности чиновника коррелируют со спецификой его деятельности или же являются некими стереотипами массового сознания даже на старших курсах обучения будущей специальности. Разработка инструментария исследования основывалась на анализе релевантной научной литературы, который показал, что эффективность работы чиновников сегодня определяется не только их компетентностью и профессионализмом, которые следует операционализировать, обращаясь к соответствующим нормативным документам, но и соблюдением этических принципов профессиональной деятельности, поскольку она зачастую требует принятия решений в обстоятельствах, не регулируемых инструкциями и нормативными положениями, т.е. решения зависят от личной позиции служащего.

Результаты анкетирования в 2011 г. показали, что, по мнению представителей обеих групп (студентов и сотрудников муниципалитетов), служащий должен руководствоваться такими этическими принципами, как честность и объективность, порядочность и компетентность, сохранение конфиденциальности информации и активное и заинтересованное участие в решении общественных проблем. Существенные расхождения по данному вопросу между реальными и потенциальными служащими наблюдались по двум принципам: безупречное поведение и гарантии конфиденциальности информации, видимо, воспринимались студентами как некие идеалистические конструкции, но были важными компонентами профессиональной пригодности для сотрудников муниципалитетов.

Мы не будем подробно останавливаться на результатах исследования, которые были опубликованы [8], и обратимся к данным анкетирования по схожему инструментарию (4), которое было проведено в сентябре—октябре 2015 г. среди студентов направления «государственное и муниципальное управление» в Российском университете дружбы народов, чтобы оценить компоненты морально-нравственного и поведенческого этического кодекса будущих служащих во временной перспективе в ситуации, когда официальная риторика и сообщения средств массовой информации акцентируют важность таковых в работе чиновников, а возможности граждан их контролировать в целом возрастают. Сразу подчеркнем, что, будучи ограничены объемами статьи, мы рассмотрим только распределение ответов на схожие в двух анкетах вопросы, оставив за рамками статьи тематические блоки, введенные в инструментарий в 2015 г., а также различия ответов по социально-демографическим и мотивационно-ценностным параметрам.

Мы понимаем, что проводить сопоставление данных на основе модифицированного инструментария некорректно (тем более что в 2011 г. были опрошены студенты только старших курсов, уже прошедшие практику в организациях государственного и муниципального управления, а в 2015 г. нас интересовало мнение всей «когорты» ориентированных на получение образования и работы государственного или муниципального служащего в принципе), поэтому не делаем широких обобщений, а лишь говорим о тенденциях, зафиксировать которые крайне важно, учитывая дискурсивные и реальные изменения в работе государственных и муниципальных служащих, которые видны среднестатистическому россиянину, по крайней мере, живущему в крупных городах. Кроме того, дополнительные варианты ответов в вопросы базового блока инструментария были введены по результатам анкетирования студентов и опроса (в формате анкетирования и полуструктурированных интервью) сотрудников московских муниципалитетов в 2011 г.

Как следует из табл. 1, в целом за пять лет представления студентов об этических принципах своей будущей профессиональной деятельности утратили прежнюю консолидированность: ранее большинство отмечало почти все принципы в списке «закрытый», сегодня лишь два этических принципа — профессиональную компетентность и ответственность за свое дело (т.е. сугубо профессиональные качества) — выбрал каждый второй опрошенный, и это «лидеры» по частоте упоминаний. Тем не менее, «ядро» этоса профессии служащего в представлениях сту-

дентов не изменилось — профессиональная компетентность, порядочность, честность и объективность при выполнении служебных обязанностей и активное и заинтересованное участие в решении общественных проблем. Существенное снижение частоты выборов вариантов ответов можно отчасти отнести и на счет введения новых вариантов ответов, ранее «уходивших» в вариант «другое» (отсюда — минимальная наполненность данной градации в 2015 г.), и на счет причин выбора самой специальности — лишь 60% хотят стать квалифицированным специалистом в сфере государственного и муниципального управления.

Кроме того, у каждого второго (54%) представления о будущей специальности изменились с момента поступления, но не по причине получения реального опыта работы: лишь 18% работают на постоянной основе, но только 7% — по специальности или в смежных областях. Из этого незначительного числа трудоустроенных лишь 17% искали работу по специальности, хотя в итоге из всех работающих и подрабатывающих 40% задействованы в органах государственного или муниципального управления. После окончания обучения большинство студентов в принципе хочет трудоустроиться по специальности: 39% собираются искать работу до тех пор, пока не найдут работу по специальности, а 40% постараются поступить так же, хотя все же главное для них — найти работу.

Таблица 1 (5)

«На Ваш взгляд, какими этическими принципами должен руководствоваться государственный/муниципальный служащий в своей профессиональной деятельности?»

Варианты ответов	2011	2015
Профессиональная компетентность	88%	56%
Ответственность за свое дело	— (6)	56%
Законопослушность (уважение к законам)	—	40%
Порядочность	92%	35%
Честность и объективность при выполнении служебных обязанностей	96%	35%
Активное и заинтересованное участие в решении общественных проблем	72%	32%
Доброжелательность	—	31%
Идеалы социального служения (помощь людям, польза обществу и государству)	—	26%
Гражданственность (чувство служения государству и обществу)	—	26%
Бескорыстие	—	23%
Гарантии конфиденциальности полученной информации	60%	20%
Во всех смыслах безупречное поведение	28%	13%
Другое	8%	1%

Соответственно, все, что выступает антонимом обозначенных выше этических принципов, оказывается основой неэтичного поведения (табл. 2), хотя и здесь наблюдается существенно меньшая консолидированность ответов, чем в 2011 г. Тем не менее, как и ранее, «лидирует» среди форм неэтичного поведения пренебрежительное отношение к людям (его назвал каждый второй); на втором месте по неэтичности — блок понятий, который можно обозначить как «противоправное в юридическом и обыденном смыслах поведение» — здесь и нарушение зако-

нов (взяточничество, вымогательство, мошенничество), и использование служебного положения в личных интересах.

Бюрократическая волокита, которая декларативно выступает предметом озабоченности государства, не считается студентами основным проявлением неэтичного поведения, как и получение подарков (вероятно, и то, и другое для них пока представляется отдаленной перспективой, а может быть, студенты верят, что смогут преодолеть данные препятствия), хотя только по этим двум позициям показатели 2015 г. выросли по сравнению с 2011 г. при общем снижении долей всех остальных ответов.

Таблица 2

«Как Вы понимаете выражение “неэтичное поведение”?»

Варианты ответов	2011	2015
Пренебрежительное отношение к людям	88%	49%
Использование служебного положения в личных интересах	72%	38%
Вымогательство	56%	37%
Взяточничество	68%	36%
Мошенничество	56%	34%
Пренебрежение к законам	60%	28%
Противоправное поведение ради интересов службы	52%	25%
Раскрытие конфиденциальной информации об организации	56%	21%
Использование информации, полученной от граждан в доверительной беседе	52%	19%
Слабая профессиональная подготовка	–	15%
Бюрократическая волокита	8%	13%
Конфликты на почве столкновения интересов	12%	13%
Получение подарков	4%	7%
Другое	4%	0

Поскольку в 2011 г. были опрошены сотрудники муниципалитетов и студенты старших курсов, то вопрос «Как Вы оцениваете этический уровень своего руководства и коллег?» (в табличной форме) был адресован только работающим студентам. Учитывая их незначительное количество, в 2015 г. мы расширили охват вопроса, введя следующую его формулировку, не изменяя вариантов ответов: «Если Вы работаете/подрабатываете в органах государственного/муниципального управления, как Вы оцениваете этический уровень своего руководства и коллег? Если не работаете, то напишите, каким этот уровень, на Ваш взгляд, должен быть».

В 2011 г. сотрудники муниципалитетов высоко оценивали этический уровень всех их сотрудников — и коллег (высоким его сочли 88%), и руководства (94%), и подчиненных (92%), и свой собственный (высоким его назвали все опрошенные), тогда как этический уровень своих коллег студенты оценили ниже, считая его средним (92%).

В 2015 г. ситуация, конечно, оказалась иной: более чем по 60% опрошенных уверены, что этический уровень руководства, коллег и их собственный должен быть высоким, каждый третий — что средним (в случае личного этического уровня — каждый четвертый); однако что касается этического уровня подчиненных, то по 42% считают, что он должен быть высоким или средним, а 12%, видимо, исходя из трактовки подчиненного как позиции, лишь выполняющей указания

«сверху», от высоко- или среднеэтичного руководства, — даже низким. Причем подобные оценки почти не меняются в зависимости от того, работает студент, подрабатывает или не трудоустроен, за несколькими исключениями: работающие по специальности или в смежных областях чаще (40% против примерно 5% в остальных группах) полагают, что их личный этический уровень и этические принципы подчиненных в структурах государственного/муниципального управления не имеют значения; не трудоустроенные студенты, наоборот, чаще убеждены, что их коллеги, руководство, подчиненные и они сами должны стремиться к высокому этическому уровню, тогда как разброс мнений среди трудоустроенных оказался большим.

Сфокусированность студентов на неких идеальных формулах профессиональной деятельности служащего прослеживается и в распределении источников информации об этических нормативах будущей профессиональной деятельности (табл. 3). В целом опрошенные ориентируются на средства массовой информации (видимо, на требования и ожидания общественности, ими транслируемые), кодексы поведения и должностные инструкции, но в 2015 г. доля ориентирующихся на средства массовой информации несколько сократилась, вероятно, за счет роста доли ориентирующихся на должностные инструкции, и этический кодекс стало считать основным источником сведений об этических нормативах профессиональной деятельности почти в два раза меньше опрошенных (снижение нельзя списать на меньшую консолидированность оценок, поскольку оно наблюдается не по всем вариантам). В важность этических комиссий сегодня верит в шесть раз больше опрошенных (24% против 4%), а в то, что этические нормативы не доводятся до сведения чиновников, — в три раза меньше (8% против 25%).

Таблица 3

«Каковы основные каналы информирования сотрудников Вашего департамента/отдела/управления об этических нормативах их деятельности? Если Вы не работаете, напишите, какими эти каналы, на Ваш взгляд, должны быть»

Варианты ответов	2011	2015
Средства массовой информации (Интернет, печатная пресса, телевидение и др.)	58%	46%
Должностные обязанности/инструкции	42%	51%
Этический кодекс поведения служащих	83%	46%
Этические комиссии	4%	24%
Этические нормативы никак не доводятся до сведения сотрудников	25%	8%
Другое	4%	2%

Рисунок 1 показывает, что студенты, имеющие постоянную работу и, соответственно, воочию увидевшие организацию деятельности по своей специальности или в иных областях, полагают, что основной источник информации чиновников об этических нормативах своей работы — прежде всего, этический кодекс; для не работающих — это, в первую очередь, должностные обязанности/инструкции, т.е. студенты, не имеющие опыта работы склонны считать именно должностные инструкции основным ориентиром в деятельности чиновника, хотя практически каждый второй в этой группе признает также важность этического кодекса и средств массовой информации.

**Основные каналы информирования
об этических нормах деятельности**

Рис. 1. Распределение основных источников информации об этических нормах профессиональной деятельности по критерию трудоустройства

Как следует из табл. 4, даже с учетом разбивки первого варианта ответа (в версии анкеты 2011 г.) на два (в версии анкеты 2015 г.), признание необходимости этических комиссий как контролирующего органа — наиболее частотный вариант ответа на соответствующий вопрос (в 2011 г. его выбрало 44%, в 2015 — уже 56%, вероятно, благодаря уточнению причин необходимости). Доля полагающих, что такой орган нужен для разбора лишь сложных, запутанных ситуаций, сократилось (с каждого третьего до каждого пятого), а каждый десятый затруднился ответить на вопрос.

Таблица 4

«Как Вы считаете, должны ли существовать этические комиссии для рассмотрения случаев неэтичного поведения государственных/муниципальных служащих?»

Варианты ответов	2011	2015
Конечно, контролирующий орган необходим – этого требует специфика работы	44%	19%
Да, контролирующий орган подобного типа должен существовать в любой организации	—	37%
Не вижу необходимости в еще одной наблюдательной инстанции	20%	24%
Может быть, иногда, для разбора сложных, запутанных ситуаций	36%	19%
Сложно сказать	0	10%

Что касается состава этических комиссий (табл. 5), то мнение студентов в целом не изменилось, несмотря на внесенные в список вариантов корректировки: респонденты явно отдают предпочтение руководству — либо организации в целом, либо отдельных ее подразделений (в совокупности на них приходится 84% в 2011 г. и 77% в 2015 г.). Доля тех, кто склонен включать в контролирующие органы представителей «низового» уровня — рядовых сотрудников, представителей

всех заинтересованных сторон, включая население, и внешних экспертов, в том числе преподавателей этики, — оказалась существенно меньше, что демонстрирует ориентацию студентов отдавать бразды контроля в руки тех же субъектов, что осуществляют и руководство.

Таблица 5

«Кто может/должен входить в состав этических комиссий?»

Варианты ответов	2011	2015
Только руководители высшего звена организации	38%	22%
Руководители различных подразделений организации	46%	31%
Рядовые сотрудники организации	33%	11%
Представители всех уровней управления организации	—	24%
Независимые внешние эксперты	42%	29%
Представители других организаций	—	12%
Представители всех заинтересованных сторон (включая население)	—	15%
Специалисты в области этики как науки (например, преподаватели вузов)	—	12%
Сложно сказать	4%	10%

Студенты не только отдают приоритет в вынесении вердиктов относительно неэтичного поведения служащих руководству, но и считают возможным применять в подобных случаях жесткие меры дисциплинарного воздействия вплоть до увольнения (42% в 2015 г. против 24% в 2011 г.), несмотря на введение нового варианта ответа, увольнение как раз не допускающего (36%) (табл. 6). Доля считающих, что следует ограничиваться беседами и предупреждениями, не изменилась и осталась незначительной, а доля не определившихся, наоборот, радикально сократилась — с 68% до 14%, что, видимо, говорит об актуализации соответствующих проблем в сознании молодых специалистов под влиянием усиления официальной и медийной риторики.

Таблица 6

«Необходимо ли применять к государственным/муниципальным служащим меры дисциплинарного воздействия в случае их неэтичного поведения?»

Варианты ответов	2011	2015
Да, конечно, это совершенно необходимо, и меры могут быть крайне жесткими — вплоть до увольнения [уточнение 2015 г.]	24%	42%
Да, конечно, это необходимо, но речь не может идти об увольнении	—	36%
Нет, следует ограничиваться разъяснительными беседами и предупреждениями	8%	7%
Сложно сказать, это зависит от конкретной ситуации (поведения сотрудника)	68%	14%

Впрочем, пока студенты, для которых речь не идет о реальной работе и конкретных людях, отдают предпочтение административным наказаниям за неэтичное поведение (табл. 7): наказанию «рублем» (56% против 41% в 2011 г, видимо, потому что часть опрошенных «оттянул» вариант штрафов), штрафам (38%), реже — увольнению (32%), обращению коллег/граждан к руководителю (29%) и вынесению заключения о несоответствии должности (21%) (доли двух последних вариантов сократились), но не открытому моральному осуждению коллег (что предска-

зуюмо, раз уж приоритет в контроле этического поведения отдается руководству) или уголовной ответственности.

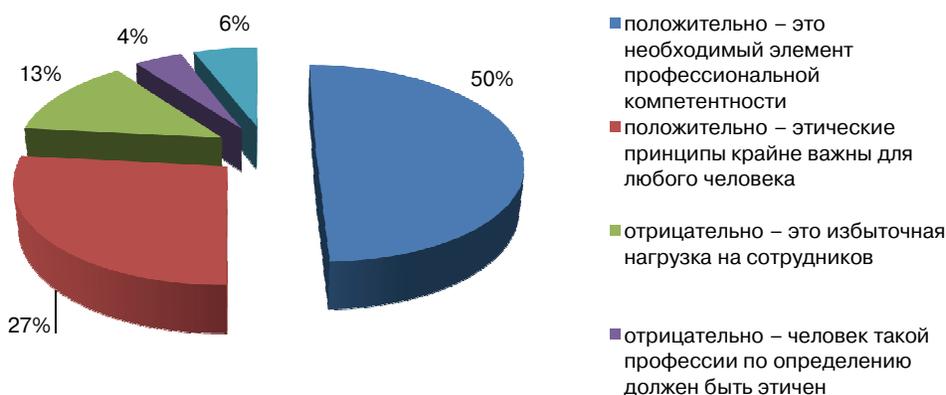
Соответственно, большинство респондентов положительно относится к возможности специального обучения сотрудников государственной/муниципальной службы этическому поведению — как в качестве необходимого элемента профессиональной компетентности (каждый второй) или как к крайне важному элементу мировоззрения любого человека (27%) (в 2011 г. соотношение было обратным — 24% и 44%); отрицательно подобную возможность воспринимает 17% (в 2011 г. — 28%) (рис. 2).

Таблица 7

«Какие меры наказания государственного/муниципального служащего Вы считаете В ПРИНЦИПЕ допустимыми?»

Варианты ответов	2011	2015
Открытое моральное осуждение коллег	36%	14%
Официальное обращение коллег (и/или граждан) к его непосредственному руководителю с просьбой повлиять на поведение сотрудника	52%	29%
Наказание «рублем» (снижение премиального и зарплатного фонда)	56%	41%
Вынесение заключения о несоответствии сотрудника занимаемой должности по этическим соображениям	44%	21%
Увольнение сотрудника	24%	32%
Административный штраф	—	38%
Уголовная ответственность	—	16%
Другое	8%	3%

Как Вы относитесь к специальному обучению (мастер-классы, семинары, лекции и т.д.) этическому поведению сотрудников государственной/муниципальной службы?

Рис. 2. Отношение студентов к обучению этическому поведению

В конце анкеты перед вопросами социально-демографического блока и относительно характеристик имиджа государственных/муниципальных служащих респондентам было предложено ответить на ряд открытых вопросов (в формате неоконченных предложений; полученные ответы были подвергнуты простейшему контент-анализу, чтобы сгруппировать наиболее частотные в тематические блоки),

которые позволили понять их восприятие общественных ожиданий в отношении своей профессии. Если сократить список характеристик до тех, что были упомянуты не менее чем 5%, то, по мнению опрошенных в 2011 г., «государственный/муниципальный служащий всегда должен» быть добросовестным работником (68%) и уважать человека (44%), быть профессионалом (28%), объективным (24%) и соблюдать законы (24%) (табл. 8). В 2015 г., как и в других вопросах анкеты, свои предпочтения студенты выразили менее консолидировано, и идеальный образ чиновника теперь состоит из иных компонентов: прежде всего это ответственный (27%) и честный (23%) человек, а уже потом добросовестный работник, пунктуальный, коммуникабельный и доброжелательный и пр.

Таблица 8

«Государственный/муниципальный служащий всегда должен...»

Окончания	2011	2015
быть добросовестным работником	68%	14%
быть ответственным		27%
быть профессионалом	28%	9%
уважать человека	44%	
быть честным	12%	23%
быть объективным	24%	
соблюдать законы	24%	6%
соблюдать нормы служебной и профессиональной этики	12%	
быть заинтересованным в решении проблем населения	12%	
работать на благо народа		9%
трудиться на благо государства		5%
любить трудиться и любить свою работу		11%
постоянно повышать свой профессионализм	12%	
соблюдать нейтральность	8%	
быть терпимым/толерантным	8%	
быть пунктуальным		13%
быть коммуникабельным и доброжелательным		14%

Если также сократить список характеристик до тех, что были упомянуты не менее чем 5%, то, по мнению опрошенных в 2011 г., «государственный/муниципальный служащий никогда не должен» использовать свое служебное положение, нарушать правила своей профессиональной деятельности (проявляя непрофессионализм, халатность, коррупционные формы поведения), превышать полномочия, а также быть грубым, нетерпимым и нарушать принцип конфиденциальности (табл. 9). В 2015 г. количество ответов и в данном вопросе сократилось, а акценты изменились: прежде всего студентам претит коррупция (каждому третьему), злоупотребления властью и нарушение закона (т.е. нормативно преследуемые нарушения), а также грубость и ложь, т.е. нарушения, плохо и сложно нормативно регламентируемые.

Аналогичным образом проанализированные характеристики общественных ожиданий и претензий к работе государственных и муниципальных служащих также показали отличия от предыдущего опроса (табл. 10).

Таблица 9

«Государственный/муниципальный служащий не должен...»

Окончания	2011	2015
злоупотреблять властью/ использовать служебное положение	71%	19%
нарушать правила своей профессиональной деятельности/ не выполнять свои должностные обязанности	42%	
быть коррумпированным	25%	31%
проявлять непрофессионализм	25%	
превышать свои полномочия	42%	
допускать халатное/пренебрежительное отношение к своей работе	25%	10%
проявлять грубость/агрессию	17%	17%
быть нетерпимым	17%	
нарушать принцип конфиденциальности информации	13%	
лгать/жульничать		12%
нарушать закон		17%
иметь вредные привычки		7%

Таблица 10

**«Общественность предъявляет государственным/
муниципальным служащим требования:»**

Окончания	2011	2015
соблюдать законы	57%	
корректно/добросовестно/эффективно выполнять свои должностные обязанности	52%	11%
своевременно/быстро решать проблемы/вопросы населения	39%	
открытости	22%	
доступности	17%	
профессионализма	26%	25%
служить гражданам	26%	36%
искоренить коррупцию/неподкупности/честности	26%	39%
активно работать с предложениями граждан	9%	
ответственности	13%	29%
лояльности	13%	
прямолинейности, принципиальности		7%

Если в 2011 г. каждый второй считал, что общество ждет от чиновников соблюдения законов и добросовестного выполнения должностных обязанностей, реже — своевременного решения вопросов, открытости, профессионализма, неподкупности и общественного служения, то в 2015 г. акценты изменились — на первое место вышли честность/неподкупность и общественное служение, далее — ответственность и профессионализм, и лишь каждый десятый (а не второй) назвал добросовестное исполнение своих должностных обязанностей.

Соответственно, исходя из восприятия общественных ожиданий, изменились и оценки общественных претензий (табл. 11): в 2011 г. это было, в первую очередь, неисполнение своих прямых обязанностей (64%), затем с большим отрывом коррумпированность и пренебрежение к работе (по 27%); в 2015 г. каждый второй, наоборот, назвал коррумпированность, а на втором месте оказались неисполнение прямых обязанностей (24%) и пренебрежение к работе (28%) при общем сокращении разнообразия ответов, что, видимо, следует интерпретировать как учет акцентов официального и медийного дискурсов — на активной борьбе с коррупцией в большей степени, чем на налаживании рутинной работы.

Таблица 11

«Общественность предъявляет государственным и муниципальным служащим претензии:»

Окончания	2011	2015
неисполнение своих прямых обязанностей	64%	24%
коррупция/корруптированность	27%	48%
бюрократическая волокита	18%	16%
пренебрежение к своей работе	27%	28%
взяточничество	9%	
хамство	18%	
безответственность/халатность	18%	
безразличное отношение к гражданам	9%	
некомпетентность	14%	
лень	9%	
мошенничество		8%
нет претензий		8%

Если в 2011 г. студенты назвали массу препятствий на пути эффективной работы служащих, среди которых лидировали коррупция (44%) и непрофессионализм и недостаток квалифицированных кадров (61%), т.е. скорее субъективные причины, то в 2015 г. каждый второй назвал коррупцию (49%, но фактически еще больше, учитывая 10% упомянувших превышение полномочий), а каждый третий (31%, а не 61%) — непрофессионализм и недостаток квалифицированных кадров (табл. 12).

Таблица 12

«Какие основные проблемы препятствуют эффективной работе государственных и муниципальных служащих в России сегодня?»

Окончания	2011	2015
коррупция	44%	49%
недостаток квалифицированных кадров	35%	23%
непрофессионализм	26%	8%
низкое качество подготовки кадров	29%	
маленькие зарплаты	17%	13%
невнимание/пренебрежение к гражданам/плохое отношение к людям	17%	9%
большой ряд ограничений и запретов для работников	17%	
пренебрежение этическими нормами	13%	3%
пробелы в законодательстве	9%	
недостаточное финансирование	9%	3%
лень	9%	
превышение полномочий		10%

Иными словами, за прошедшие несколько лет, наполненные вездесущим официальным и медийным дискурсом о необходимости реформирования институтов государственной и муниципальной службы, студенты данного направления сохранили весьма стереотипизированное представление о будущей профессиональной деятельности, поскольку в формате и закрытых вопросов, и неоконченных предложений воспроизводят, по сути, устойчивые стереотипы российского массового сознания. Кроме того, оценки студентов противоречивы — респонденты то под-

черкивают личностные характеристики как основу профессионализма чиновника, то, наоборот, сугубо функциональные, снимая с человека ответственность за его этический уровень, контролировать который призывают высокое начальство, в том числе посредством жестких санкций, хотя в то же время полагают, что этическим принципам можно специально обучать.

Без особых затруднений формулируя основные претензии общества к чиновничьему «сословию», в то же время студенты полагают, что имидж государственного/муниципального служащего у российского населения в целом позитивный (так считает 54%), хотя в следующих вопросах анкеты почти каждый второй отмечает в качестве проблем, которые в наибольшей степени отрицательно сказываются на авторитете и образе чиновника, слабую профессиональную подготовку (некомпетентность), неэтичное поведение, коррумпированность и безразличие к нуждам и интересам граждан (свыше 44% отметило каждый из этих вариантов), а в качестве факторов, в наибольшей степени влияющих на формирование положительного имиджа служащих, — реальные результаты деятельности (53%), способность эффективно решать проблемы граждан и общества (47%), профессионализм (41%) и честность и принципиальность (38%), т.е. говорит о должном (стереотипно-ожидаемом), а не реальном.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В качестве свидетельства устойчивости подобных понятийных норм можно привести простой пример: если вы зайдете на сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения и введете поисковый запрос «государственный служащий» или «муниципальный служащий», то на первой странице ответов получите всего несколько соответствий в разделе опросов общественного мнения, если же заменить поисковый запрос на «чиновник», то список соответствий оказывается значительным, а его датировка начинается с 2016 г.
- (2) Мы не будем заострять внимание на статусных и функциональных различиях государственных и муниципальных служащих, потому что, во-первых, в российском обществе вторая группа нередко встроена в систему государственного управления; во-вторых, обе группы почти неразличимы для среднестатистического россиянина, который считает их всех «чиновниками».
- (3) Рейтинг формируется на основании интереса пользователей портала moeobrazovanie.ru — при расчете учитываются поисковые запросы.
- (4) Инструментарий был модифицирован за счет следующих изменений: 1) введен блок вопросов о причинах поступления и обучении на специальности «государственное и муниципальное управление»; 2) в ряд вопросов добавлены дополнительные «закрытия», оказавшиеся наиболее частотными в варианте «другое» в 2011 г.; 3) введен блок вопросов про трудоустройство — нынешнее и в перспективе; 4) убран блок вопросов про необходимость этического кодекса для служащих (кодекс уже принят); 5) введен блок вопросов про имидж государственных/муниципальных служащих у населения и факторах, таковой детерминирующих. Основной блок вопросов об этических основах профессиональной деятельности государственного/муниципального служащего изменен не был, что дает возможность проводить сопоставления, тем более что все дополнительные вопросы анкеты уже неоднократно использовались в опросах студентов РУДН в рамках опросов о ценностных ориентациях молодежи, а потому не могли повлечь за собой существенных смещений в ответах.

- (5) Здесь и далее сумма ответов превышает 100%, потому что респонденты могли выбрать одновременно несколько вариантов.
- (6) Здесь и далее «←→» означает, что вариант был введен в 2015 г., поскольку подобные соображения высказали в 2011 г. в ходе опроса как сотрудники муниципалитетов, так и студенты старших курсов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеев С.* Административная реформа и оптимизация исполнительной власти // Экономика и управление. 2005. № 2.
- [2] *Бойков В.Э.* Ценности нравственного сознания: опыт социологического изучения // Социология власти. 2004. № 2.
- [3] *Голосенко И.А.* Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. Вып. 3.
- [4] *Граждан В.* О некомпетентности и бюрократизме в государственной службе // Государственная служба. 2002. № 1.
- [5] *Ипатов А.А.* Зачем современной России чиновник? // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2013. № 1.
- [6] *Магун В., Гимпельсон В.* Российский чиновник: вход и выход // URL: http://wsyachina.narod.ru/social_sciences/russian_clerk.html.
- [7] *Макклелланд Д.* Мотивация человека. СПб., 2007.
- [8] *Мухаметжанова В.С.* Социологические аспекты оценки эффективности муниципальной службы: этические компоненты профессионализма // Социология госслужбы и кадровой политики. М., 2012.
- [9] *Мюллер М., Троцук И.В.* Проект сильной России в элитном образовании путинского периода: взгляд с позиций постструктуралистской теории дискурса // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2011. Т. 8. № 1.
- [10] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ожидания и опасения российского студенчества в профессиональной сфере: результаты эмпирического проекта // Поиск. 2014. № 4.
- [11] *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3.
- [12] *Пузанова Ж.В., Семенова И.В.* Мотивация выбора профессии «управленца» (по результатам исследования в РУДН) // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. № 3.
- [13] Рабочие, учителя, военные, или рейтинг доверия профессиональным группам. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3013 // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115542>.
- [14] *Рыбаков А.* Исполнительная власть как фактор развития российского общества // Власть. 2002. № 12.
- [15] *Сурикова Т.И.* Каков современный чиновник в русской языковой картине мира и за что? Лингвоэтические аспекты формирования концепта // URL: http://russkii-yazik.ucoz.ru/blog/kakov_sovremennuj_chinovnik_v_russkoj_jazykovej_kartine_mira_i_za_chno_lingvoehticheskie_aspekty_formirovanija_koncepta/2010-12-24-2.
- [16] *Троцук И.В., Сохадзе К.Г.* Ценностные ориентации молодежи: подходы, методики и задачи социологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20.
- [17] *Холод А.В., Субботина Ю.А.* Анализ управленческой культуры в организациях государственного и муниципального управления региона // Культура, управление, экономика, право. 2005. № 4.
- [18] *Шановалов В.Ф.* Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003.
- [19] *Шмерлина И.А.* «Кодекс чести» российского чиновника: наброски к программе эмпирического исследования // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2012. № 4.
- [20] *Veetham D.* Bureaucracy. Milton Keynes, 1987.

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE FUTURE CAREER: “PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION” STUDENTS’ ESTIMATES

V.S. Muhametzhanova, E.A. Ivlev

Ethics Chair

Sociology Chair

Peoples’ Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

In recent years, in Russia both official and media discourses have emphasized the need to modernize, optimize and reform the institutions of public and municipal administration as basic means of socio-economic and political development of the country. Unfortunately, quite often different organizational forms within the system of social management encounter not only institutional or objective obstacles, but also subjective problems determined by the “quality” of human resources. For decades, the concept “official” in the Russian public opinion retains its negative connotations; at the same time, the corresponding professions are extremely attractive for the younger generations as a guarantee of not high income, but rather of a stable financial and social status. The authors compare the results of two surveys conducted in 2011 and 2015 on the samples of “public and municipal administration” students in the Peoples’ Friendship University of Russia to reveal if they are committed to the stereotypes of mass consciousness on the problems and prospects of the state and municipal employees as a professional group with specific formal and informal corporate rules and requirements, which tends to remain closed for a common man. The authors recognize the limits for comparing two surveys data due to the modification of the questionnaire; however, they identify a number of important trends in the future state and municipal employees’ perception of ethical requirements, public expectations and claims to their work.

Key words: official; state employee; municipal employee; ethical principles; Code of Ethics; ethical level; image; discourse; professional education.

REFERENCES

- [1] *Alekseev S.* Administrativnaja reforma i optimizacija ispolnitel'noj vlasti [Administrative reform and optimization of the executive power]. *Ekonomika i upravlenie*. 2005. № 2.
- [2] *Bojkov V.E.* Tsenosti npravstvennogo soznaniya: opyt sociologicheskogo izuchenija [Values of moral consciousness: A sociological study]. *Sociologija vlasti*. 2004. № 2.
- [3] *Golosenko I.A.* Fenomen «russkoj vzjatki»: ocherk istorii otechestvennoj sociologii chinovnichestva [“Russian bribe” phenomenon: A short story of the Russian sociology of bureaucracy]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 1999. T. II. Vyp. 3.
- [4] *Grazhdan V.* O nekompetentnosti i bjurokratizme v gosudarstvennoj sluzhbe [On the incompetence and bureaucracy at the public service]. *Gosudarstvennaja sluzhba*. 2002. № 1.
- [5] *Ipatova A.A.* Zachem sovremennoj Rossii chinovnik? [Why does modern Russia need the word “chinovnik”?]. *Vestnik RUDN. Serija «Sociologija»*. 2013. № 1.
- [6] *Magun V., Gimpelson V.* Rossijskij chinovnik: vhod i vyhod [Russian officials: in and out]. URL: http://wsyachina.narod.ru/social_sciences/russian_clerk.html.
- [7] *McClelland D.* Motivacija cheloveka [Human Motivation]. SPb., 2007.
- [8] *Muhametzhanova V.S.* Sociologicheskie aspekty otsenki effektivnosti municipal'noj sluzhby: eticheskie komponenty professionalizma [Sociological aspects of assessing the efficiency of municipal service: Ethical components of professionalism]. *Sociologija gossluzhby i kadrovoj politiki*. M., 2012.

- [9] Müller M., Trotsuk I.V. Proekt sil'noj Rossii v elitnom obrazovanii putinskogo perioda: vzgljad s pozicij poststrukturalistskoj teorii diskursa [The 'strong Russia' project in the elite education of Putin's period: Post-structuralism theory of discourse perspective]. Forum novejshej vostochnoevropskoj istorii i kul'tury. 2011. T. 8. № 1.
- [10] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Ozhidaniya i opaseniya rossijskogo studenchestva v professional'noj sfere: rezul'taty empiricheskogo proekta [Expectations and fears of Russian students in the professional field: The results of an empirical study]. Poisk. 2014. № 4.
- [11] Pisarkova L.F. Rossijskij chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII — pervoj polovine XIX veka [Russian official in the service at the end of XVIII — first half of XIX century]. Chelovek. 1995. № 3.
- [12] Puzanova Zh.V., Semenova I.V. Motivacija vybora professii «upravlenca» (po rezul'tatam issledovanija v RUDN) [Motives to choose "manager" profession (the results of the survey in PFUR)]. Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». 2015. № 3.
- [13] Rabochie, uchitelja, voennye, ili rejting doverija professional'nym gruppam [Workers, teachers, and military, or the rating of trust in professional groups]. Press-vypusk VCIOM № 3013. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115542>.
- [14] Rybakov A. Ispolnitel'naja vlast' kak faktor razvitija rossijskogo obshhestva [Executive power as a factor of the Russian society development]. Vlast. 2002. № 12.
- [15] Surikova T.I. Kakov sovremennyj chinovnik v ruskoj jazykovej kartine mira i za chto? Lingvojeticheskie aspekty formirovanija koncepta [What is the image of the official in the Russian linguistic picture of the world, and why? Linguistic and ethical aspects of the concept]. URL: http://ruskii-yazik.ucoz.ru/blog/kakov_sovremennyj_chinovnik_v_ruskoj_jazykovej_kartine_mira_i_za_chto_lingvojeticheskie_aspekty_formirovanija_koncepta/2010-12-24-2.
- [16] Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. Tsennostnye orientacii molodezhi: podhody, metodiki i zadachi sociologicheskogo analiza [Value orientations of the youth: Approaches, techniques, and tasks of the sociological analysis]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2015. № 20.
- [17] Holod A.V., Subbotina Ju.A. Analiz upravlencheskoj kul'tury v organizacijah go-sudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija regiona [Analysis of the management culture in the regional public and municipal organizations]. Kul'tura, upravlenie, ekonomika, pravo. 2005. № 4.
- [18] Shapovalov V.F. Istoki i smysl rossijskoj civilizacii [Origins and Meaning of Russian Civilization]. M., 2003.
- [19] Shmerlina I.A. «Kodeks chesti» rossijskogo chinovnika: nabroski k programme jem-piricheskogo issledovanija [Russian official's "code of honor": A draft for the empirical research program]. Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». 2012. № 4.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РОССИИ

А.В. Неверов, Е.С. Давыденкова

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Проблематика социальной ответственности бизнеса приобрела большое значение в практической деятельности многих современных организаций. Несмотря на то, что социальная ответственность бизнеса как институализированный организационный управленческий процесс существует более 50 лет, данная тематика до сих пор не получила полноценного решения и многие ее аспекты все еще являются предметом дискуссий. Учитывая то, что малый и средний бизнес играет важную роль в процессе социально-экономического развития страны, данный пробел может послужить значимой преградой в процессе повышения эффективности взаимодействия основных акторов и стейкхолдеров деловой среды государства. В связи с этим представляется актуальным изучение особенностей деятельности малых и средних организаций в сфере социальной ответственности бизнеса. Авторами было проведено собственное исследование разведывательного характера российских организаций малого и среднего бизнеса, на основании которого делаются выводы о том, что у представителей малого и среднего бизнеса нет четкого и системного понимания направлений и способов реализации социальной ответственности. Применение стандартов, разработанных для больших организаций при осуществлении социальной ответственности в форме КСО, слишком глобально и ресурсно затратно для компаний малого и среднего бизнеса, а собственных технологий и алгоритмов реализации социальной ответственности для малого бизнеса в России пока не сформировано (за исключением некоторых аспектов благотворительности и отдельных требований к повышению квалификации работников, которые скорее осознаются как внешние по отношению к организации требования).

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность; социальная ответственность бизнеса; этика бизнеса; благотворительность; предпринимательство; малый и средний бизнес.

Научный интерес к теме социальной ответственности бизнеса стал проявляться еще в 40—50-е гг. прошлого века в работах американских ученых (Г. Боуэн, К. Дэвис, Э. Карнеги, Ф. Котлер, М. Портер, С. Сети, М. Фридман и др.). Э. Карнеги сформулировал два основных принципа, на которых основывается понимание социальной ответственности: благотворительности и служения [3. С. 37]. М. Фридман разработал концепцию корпоративного эгоизма, которая заключается в том, что бизнес должен использовать свои ресурсы и энергию с единственной целью — получения максимально высокой прибыли, соблюдая законодательные, нормативные и этические правила: не уходить от налогов, не мошенничать, обеспечивать свободную конкуренцию и т.д.

Отечественными исследователями вопросы реализации социальной ответственности бизнеса поднимается в работах Ю.Е. Благова, С.Е. Литовченко, С. Перегудова, Е.Ю. Савичева, А.Ю. Чепуренко, М.А. Эскиндарова и других, где она в большей степени рассматривается с позиций экономической теории. В работе «Малое предпринимательство в России» А.Ю. Чепуренко отмечает, что «у ру-

ководителей малого бизнеса довольно высокий уровень социальной ответственности, что связано с господствующим патернализмом (на работу часто принимаются родственники, друзья) и рациональными экономическими мотивами, которые заключаются в том, что предоставление социальных гарантий сотрудникам помогает сплочению коллектива» [16. С. 141].

В то же время Е.Ю. Савичева в статье «Модели социальной ответственности малого бизнеса в России», наоборот, обращает внимание на то, что на современном этапе существуют отличительные черты модели социальной ответственности отечественного малого бизнеса. Первая отличительная черта — это широко распространенная практика несоблюдения принципов социально ответственного поведения подавляющим большинством малых предприятий. Вторая — отсутствие методического и управленческого подхода к вопросам социально ответственного поведения. Третья состоит в том, что малые предприятия сталкиваются с более узким кругом заинтересованных лиц в отличие от крупных компаний. Четвертая — в малом бизнесе сформировалась практика массового нарушения прав трудящихся, при этом трудовые отношения зачастую носят неформальный характер. Также следует отметить, что малые предприятия испытывают на себе большее давление со стороны региональных и местных властей, нежели крупный бизнес. Зачастую руководителей небольших компаний принуждают оказывать поддержку отраслям социальной сферы, которые являются приоритетными для местной администрации, но не представляют интереса для бизнеса [13. С. 164—167]. При этом можно отметить, что в России довольно низкий уровень развития социальной ответственности в целом, она реализуется в основном корпорациями, а менее крупные предприниматели часто вообще не до конца понимают значение термина «социальная ответственность бизнеса». Кроме того, существует проблема, что малый и средний бизнес обычно разово, а не систематично осуществляет какие-то проекты, связанные с социальной сферой. Причина этого заключается в том, что у малого бизнеса в России много проблем. Так, например, он достаточно легко может разориться, подвержен административному давлению и т.п., что обуславливает низкий уровень социальной ответственности по сравнению с крупными организациями.

Следует отметить, что на сегодняшний день тема социальной ответственности малого бизнеса все еще не полностью раскрыта, хотя существуют различные подходы, концепции и мнения. В то же время все они сходятся в том, что социальная ответственность является одним из важнейших драйверов эффективного взаимодействия предпринимательства и общества, поэтому четкое понимание способов его реализации и возможных при этом проблем позволит улучшить экономический и социальный климат в деловой среде. В связи с этим существует объективная необходимость в изучении особенностей реализации социальной ответственности организаций, занимающихся малым и средним бизнесом. Для того чтобы выявить основные особенности, имеющие место быть при осуществлении социальной ответственности организациями малого и среднего бизнеса, а также сфокусировать внимание на наиболее важных аспектах данных направлений, было проведено исследование разведывательного характера. Так как предмет исследо-

вания можно считать социально значимым (социальная ответственность является одобряемой деятельностью со стороны общества), в связи с этим на вопросы анкеты могли быть даны социально одобряемые ответы. Декларируемая цель исследования была сформулирована как «Малый и средний бизнес в современном российском обществе». Респонденты были проинформированы о том, что исследователи изучают особенности функционирования и проблемы малого и среднего бизнеса в России. Исследование было проведено в ноябре—декабре 2014 г. в виде экспертного опроса, что было обусловлено тем, что по данным проблемам нет достаточного объема репрезентативных данных, затруднено их получение и необходимая информация имеет качественный, а не количественный характер.

Объектом исследования выступила социальная ответственность российских организаций малого и среднего бизнеса. Предмет исследования — особенности формирования и реализации социальной ответственности российских организаций малого и среднего бизнеса. Цель исследования заключалась в выявлении проблем, перспектив развития и способов совершенствования социальной ответственности российских организаций малого и среднего бизнеса. Для достижения цели были поставлены следующие задачи.

1. Выявить, знают ли собственники малого и среднего бизнеса, что такое социальная ответственность и слышали ли про стандарты корпоративной социальной ответственности (КСО).

2. Проанализировать, являются ли организации малого и среднего бизнеса в России социально ответственными.

3. Обнаружить, какая форма социальной ответственности (внутренняя или внешняя) преобладает в современных российских организациях малого и среднего бизнеса.

4. Определить, занимаются ли руководители малого и среднего бизнеса благотворительностью.

5. Узнать, планируют ли собственники малого и среднего бизнеса заниматься в дальнейшем деятельностью, связанной с социальной ответственностью.

Исходя из поставленных задач, были выдвинуты гипотезы:

— большая часть собственников малого и среднего бизнеса не знают, что такое социальная ответственность и стандарты КСО;

— лишь небольшая часть организаций малого и среднего бизнеса являются социально ответственными;

— в малых организациях чаще имеет место внутренняя форма социальной ответственности;

— в малых и средних организациях редко занимаются благотворительностью, а если и занимаются ею, то, скорее всего, не постоянно, а осуществляют какие-то разовые проекты;

— большая часть собственников малого и среднего бизнеса не планируют в дальнейшем развивать деятельность в сфере социальной ответственности.

В число опрошенных экспертов (8 человек) вошли владельцы бизнеса из Москвы, Московской области и Нижнего Новгорода, возглавляющие организации

с численностью от 3 до 58 человек. Во вводной части анкеты задавались вопросы о форме собственности организации, основном виде деятельности, численности штата, длительности работы и т.п. Во второй части анкеты были представлены индикаторы для оценки того, насколько конкретная организация является социально ответственной: «Занимаетесь ли Вы благотворительностью»; «Должен ли малый и средний бизнес участвовать в жизни общества на уровне местного самоуправления и т.п.»; «Улучшаете ли Вы управление организацией»; «Есть ли в Вашей организации система обучения персонала»; «Есть ли в Вашей организации система надбавок, повышения окладов, стимулирующих выплат или других материальных вознаграждений, бонусов»; «Предоставляет ли Ваша организация своим сотрудникам социальный пакет (сверх обязательного)» и т.п. Эксперты имели возможность прокомментировать каждый из поставленных им вопросов.

Результаты опроса показали, что только трое из 8 экспертов не знают, что такое социальная ответственность, а про стандарты КСО не имеют представления почти все респонденты, за исключением двух. На вопрос «Как Вы понимаете социальную ответственность» ответила ровно половина опрошенных экспертов. Были получены следующие ответы:

- *«Достижение коммерческого успеха путями, основанными на этических и нравственных принципах, уважающих людей»* (эксперт, М.О., г. Можайск);
- *«Установление «Кодекса чести», несоблюдение правил которого реально препятствует дальнейшему бизнесу»* (эксперт, г. Нижний Новгород);
- *«Ответственность компании / ее руководства перед своими работниками в целях обеспечения их социальной защиты»* (эксперт, г. Москва);
- *«Понимаем классически. Социальная ответственность подразделяется условно на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя социальная ответственность включает в себя стабильные выплаты заработной платы, безопасность труда, переподготовку персонала, оказание материальной помощи сотрудникам в сложной ситуации и т.д. Внешняя — благотворительность, ответственность перед потребителями наших услуг и т.д.»* (эксперт, М.О., г. Можайск).

Из приведенных ответов видно, что только один эксперт довольно хорошо осведомлен, что представляет собой социальная ответственность, и даже знает, что бывает две формы ее существования. Другие же высказали мнение, что социальная ответственность — это необходимость соблюдать определенные правила чести, этические принципы при построении своего бизнеса, и объясняют ее только как внутреннюю форму ответственности перед своими работниками.

На вопрос «Считаете ли Вы, что бизнес должен быть ответственным» все респонденты дали положительный ответ.

- *«Да. Если бизнес будет безответственный, что это тогда за бизнес? Кто будет работать с безответственными предприятиями? Они рано или поздно подойдут к банкротству»* (эксперт, г. Москва).

Наряду с этим мнения экспертов разделились по поводу того, в какой форме должна проявляться эта ответственность. Так, двое экспертов ответили, что прежде всего она должна быть материальной, остальные же считают, что ответственность

должна быть как перед заказчиками, так и перед собственным персоналом, кроме того двое экспертов упомянули и благотворительность.

— *«В первую очередь адекватная материальная ответственность»* (эксперт, г. Нижний Новгород);

— *«Ответственность перед заказчиком и подчиненными»* (эксперт, М.О., Климовск);

«В форме участия в благотворительных акциях, своевременной оплаты налогов, выплаты заработной платы, по возможности — предоставление новых рабочих мест» (эксперт, М.О., г. Можайск).

Одновременно с этим все эксперты считают, что их бизнес социально ответственный и деятельность их организации можно назвать социально полезной, полезной для развития общества по следующим причинам:

— *«Да, наша деятельность полезна для информатизации общества»* (эксперт, г. Москва);

— *«Да, можно. Одно то, что платятся налоги в бюджет. А оттуда идет распределение денежных средств на социальные и иные нужды государства. Каждый занимается своим делом»* (эксперт, г. Москва);

— *«Можно. Формируем опыт социальной защиты граждан в рамках использования закона»* (эксперт, г. Нижний Новгород).

Далее было изучено, являются ли организации, представляемые экспертами, на самом деле социально ответственными и какая форма социальной ответственности чаще всего встречается среди малого и среднего бизнеса в России. Для этого были проанализированы ответы на вопросы, которые характеризуют компанию как социально ответственную или безответственную.

Почти все эксперты, за исключением одного, стараются улучшить управление организацией, так, поддерживают управление на высоком уровне, обновляют программы, необходимые для эффективной работы, а кроме того прислушиваются к мнению своего персонала.

— *«Да. Работаем с коллективом, любые предложения выносятся на обсуждение на собрании»* (эксперт, г. Москва);

— *«Руководитель всегда должен совершенствовать управление организацией. Появляются новые условия работы, появляются новые поставщики, покупатели. Некоторые схемы уже не подходят для работы. На смену одной программы (1С версии 7, например) запускается другая (1С версии 8). На смену малолитражного автомобиля покупается автомобиль побольше и т.д. Все внедряется для прогрессивной работы»* (эксперт, Москва).

Кроме того, были выяснены причины, по которой эксперты считают возможным не заниматься улучшением совершенствованием управления организацией:

— *«Сложившаяся система управления показала свою эффективность в нынешних сложных экономических условиях»* (эксперт, М.О., г. Можайск).

На вопрос «Есть ли в Вашей организации система обучения персонала» положительно ответили почти все эксперты, кроме одного, который аргументировал это тем, что бюджет компании идет на другие цели. Из тех, кто регулярно зани-

мается обучением, лишь один делает это не добровольно, а по требованию надзорных органов.

Среди остальных же существует два подхода к обучению персонала. Так, у ряда руководителей организаций система обучения персонала носит разовый характер и проводится в самой организации при поступлении нового сотрудника в компанию, то есть используется «тактика выращивания сотрудника»:

— *«Существует первичное наблюдение за работой нового сотрудника. Оценивается его стремление, энергетика на испытательном сроке. После положительной оценки проводится обучение по номенклатуре. После чего проводится мини-экзамен. Готовые специалисты попадаются крайне редко. Поэтому проводится тактика „выращивания сотрудника“»* (эксперт, г. Москва).

У других руководителей обучение персонала носит регулярный характер, обычно раз в год или два, и в таком случае сотрудника отправляют на специализированные курсы повышения квалификации:

— *«По роду деятельности наши сотрудники-декларанты каждые два года проходят обучение по профессиональным программам. Обучение носит регулярный характер»* (эксперт, М.О., г. Можайск);

— *«Наши бухгалтера направляются раз в год на курсы повышения квалификации»* (эксперт, М.О., г. Люберцы).

Почти все руководители (7 из 8) не предоставляют своим сотрудникам социальный пакет сверх обязательного, предусмотренного законодательством, так как не располагают лишними средствами и считают это нецелесообразным вложением денег:

— *«Год сверх медицинской страховки не дал ощутимых результатов и на следующий год отказались»* (эксперт, г. Нижний Новгород);

— *«Нет, потому что компания не располагает дополнительными средствами»* (эксперт, М.О., г. Люберцы).

Один из собственников бизнеса предоставляет бесплатные обеды и оплачивает горячие напитки в течение рабочего дня.

На вопрос «Есть ли в Вашей организации система надбавок, повышения окладов, стимулирующих выплат или других материальных вознаграждений, бонусов?» положительные ответы дала большая часть респондентов. Чаще всего это различные выплаты по итогам работы, за выслугу лет или в связи с различными праздниками (например, перед новым годом):

— *«Так как предприятие хозрасчетное, материальное благосостояние сотрудника зависит от его же выработки. Раз в году под Новый год плюсом выплачивается премия»* (эксперт, г. Москва);

— *«Существует система премирования сотрудников по итогам работы за квартал»* (эксперт, М.О., г. Можайск).

Во всех организациях соблюдается техника безопасности на предприятии, заботятся о здоровье сотрудников и соблюдают их права:

— *«Проводится инструктаж и ведется журнал по технике безопасности. Все права сотрудников рассматриваются согласно трудовому кодексу РФ и заключенному трудовому контракту»* (эксперт, г. Москва);

— *«На предприятии разработана программа производственного контроля за соблюдением санитарных правил и выполнением санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, нормативная документация по охране труда, проведена специальная оценка условий труда (СОУТ)»* (эксперт, М.О., г. Можайск);

— *«На предприятии поддерживается здоровый климат в отношениях, не систематические мероприятия по поддержанию здоровья, обеспечены безопасные условия труда»* (эксперт, г. Нижний Новгород).

Кроме того, все руководители предпочитают действовать в рамках закона, и большая часть бизнесменов старается не использовать практики, поддерживающие коррупционные схемы.

— *«Считаем, что действовать в рамках закона намного дешевле, чем делать наоборот. Также не используем коррупционных схем, потому что это расценивается как опасность непосредственно самому бизнесу или конкретным сотрудникам»* (эксперт, г. Нижний Новгород).

На всех предприятиях контролируется качество выпускаемой продукции / предоставляемых услуг на высоком уровне, даются гарантии клиентам:

— *«Качество выпускаемой продукции на высоком уровне, дается гарантия нашим потребителям»* (эксперт, г. Москва);

— *«Все изделия соответствуют ГОСТам и ТУ. Проводятся испытания путем экспериментального использования на предприятиях. В заключение испытаний составляются акты о положительном или отрицательном результате»* (эксперт, г. Москва).

К сожалению, никто из опрошенных руководителей не принимает дополнительных мер по охране окружающей среды. Что касается благотворительности, то ею занимаются больше половины респондентов (5 из 8). И всего один из экспертов делал это разово и недобровольно, а потому что «администрация сделала предложение, от которого он не смог отказаться». Чаще всего организации оказывают материальную помощь детям. Кроме того, никто из руководителей не освещает сведения об этой деятельности в СМИ и не делает это в погоне за какими-то преимуществами материального характера, налоговыми послаблениями от государства:

— *«Да, я занимаюсь благотворительностью, так, оказывалась в материальной форме помощь детскому центру образования „Пересвет“ при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре и боксерскому клубу А. Александрова в г. Мытищи. Причиной этого было желание помочь в воспитании подрастающего поколения»* (эксперт, М.О., г. Люберцы);

— *«Да, я занимаюсь благотворительностью, участвовал в финансировании конного похода Москва—Париж, посвященного 200-летию Отечественной войны 1812 г.. Также я постоянно участвую в работе фонда оказания помощи больным детям „СПАСЕНИЕ“ и общественного благотворительного фонда „Достояние России“, им перечисляются денежные средства. Занимаюсь я этим по причине того, что я православный верующий»* (эксперт, М.О., г. Можайск);

— *«У нас действует программа помощи конкретному детскому дому. Имеется ответственное лицо. Решаются ежегодные задачи и разовые просьбы руководи-*

теля детского учреждения. Оплачивали поездку матери на Паралимпийские игры в Лондоне с участием ее сына-инвалида» (эксперт, г. Нижний Новгород);

— «Да, мы оказываем помощь таким благотворительным фондам, как „Подари жизнь“, „АИФ Доброе сердце“ и т.д. Что же касается причины занятия благотворительностью, то позиция компании заключается в том, что если у Вас есть возможность оказать помощь, особенно детям, то сделать это нужно обязательно» (эксперт, М.О., г. Можайск).

Организации, которые не занимаются благотворительностью, объяснили это тем, что у них нет лишних средств в бюджете.

На вопрос «В ближайшее время собираетесь ли Вы заниматься деятельностью, связанной с социальной ответственностью?» половина экспертов, которая как раз занимается постоянно благотворительностью и переобучением персонала, ответила положительно:

— «Да. Благотворительная программа не свернута, действует ежегодно, также будет проводиться повышение компетенции персонала по мере необходимости» (эксперт, г. Нижний Новгород);

— «Да, собираюсь. Сюда входит: переобучение персонала, благотворительность и участие в социальных программах» (эксперт, М.О., г. Можайск).

Исходя из полученных результатов исследования можно сделать следующие выводы.

1. Большинство руководителей организаций малого и среднего бизнеса, выступивших в качестве экспертов в данном опросе, не имеют представления о стандартах социальной ответственности, но при этом больше половины респондентов знают, что такое социальная ответственность бизнеса.

2. Подавляющая часть респондентов занимается деятельностью, связанной с социальной ответственностью, кроме того, все эксперты убеждены, что бизнес обязательно должен быть ответственным, иначе он обречен на банкротство.

3. Как наиболее часто применяемая форма социальной ответственности в организациях малого и среднего бизнеса используется модель социальной ответственности, направленной на решение внутренних проблем, без явных попыток расширить фокус деятельности на внешнюю среду.

4. Больше половины опрошенных руководителей занимаются благотворительной деятельностью. Респонденты, которые не участвуют в благотворительности, объясняют это тем, что не могут позволить себе дополнительных затрат, но при этом понимают ее высокое значение.

5. Половина опрошенных собственников малого и среднего бизнеса планируют и в дальнейшем заниматься социально ответственной деятельностью.

Проведенное пилотное исследование показало, что на сегодняшний день представители малого и среднего бизнеса в России осознают высокое значение социальной ответственности для общественного развития. При этом можно отметить, что малый и средний бизнес в настоящее время считает себя активным актором процесса повышения качества общественной жизни, тем самым осознавая свою ответственность не только перед собственными сотрудниками или государством, но и перед обществом.

При этом мы также можем отметить, что у представителей малого и среднего бизнеса нет четкого и системного понимания направлений и способов реализации социальной ответственности. Применение стандартов, разработанных для больших организаций при осуществлении социальной ответственности в форме КСО, слишком глобально и ресурсно затратно для компаний малого и среднего бизнеса, а собственных технологий и алгоритмов реализации социальной ответственности для малого бизнеса в России пока не сформировано (за исключением некоторых аспектов благотворительности и отдельных требований к повышению квалификации работников, которые скорее осознаются как внешние по отношению к организации требования).

Среди представителей малого и среднего бизнеса есть готовность участвовать в процессе общественного развития в форме социальной ответственности, но для эффективной реализации данного процесса требуются: разработка алгоритмов осуществления социальной ответственности для малых и средних организаций (например, в виде специального формата КСО); создание более четкого и конкретного понимания возможностей применения социальной ответственности среди владельцев малого и среднего бизнеса; увеличение внимания государственных органов к социальной ответственности организаций малого и среднего бизнеса; формирование традиций социально ответственного поведения малого и среднего бизнеса. Все это подразумевает и потребность в проведении дополнительных исследований в рамках изучения социальной ответственности малого и среднего бизнеса.

Особенности современных социально-экономических условий требуют увеличения направлений взаимодействия общества и бизнеса. Одним из направлений данной формой взаимодействия выступает социальная ответственность малого и среднего бизнеса. Проведенное исследование показало, что, несмотря на формирующееся социально-ответственное поведение собственников малого и среднего бизнеса, данный процесс все еще находится на стадии становления и требует дополнительных исследовательских, организационных и управленческих практик.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Афанасьев Д.В.* Инструмент для оценки социальной ответственности бизнеса // *Управленческие науки*. 2012. № 1. С. 57—60.
- [2] *Бувев В.В., Мигин С.В., Смирнов Н.В., Шамрай А.А., Шестоперов А.М.* Интегральные показатели развития малого предпринимательства. М.: ООО «Вектра», 2007.
- [3] *Веревкин Л.П.* Социальная ответственность бизнеса // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2010. № 1. С. 37—48.
- [4] *Глебова И.С.* Социальная ответственность бизнеса в России и за рубежом. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008.
- [5] *Дворцов Ю.В.* Усиление социальной ответственности бизнеса в России // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2010. № 3. С. 54—58.
- [6] *Ильина Г.Н.* Социальная ответственность российского бизнеса: стратегии и инновации // *Вестник МГИМО Университета*. 2014. № 1. С. 216—224.
- [7] *Калинин А.В.* Анализ развития и состояние малого и среднего бизнеса в мире // *Экономика, предпринимательство и право*. 2011. № 4. С. 3—12.

- [8] *Котова Л.Р.* Анализ социально ответственного поведения и его ограничения в деятельности отечественных компаний // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 1. С. 97—105.
- [9] *Кузнецова Н.В., Маслова Е.В.* Модели корпоративной социальной ответственности // Вестник Томского государственного университета. Серия «Экономика». 2013. № 4. С. 22—36.
- [10] *Лобанов С.В., Сапрыкина О.А.* Особенности развития социальной ответственности бизнеса в России // Достижения вузовской науки. 2013. № 6. С. 183—187.
- [11] *Николаева Е.* Концепция социальной ответственности бизнеса // Обозреватель. 2012. № 2. С. 26—32.
- [12] *Пузанова Ж.В., Хуртина В.В.* Эволюция концепций организационного поведения // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 83—87.
- [13] *Савичева Е.Ю.* Модели социальной ответственности малого бизнеса в России // Проблемы современной экономики. 2010. С. 164—167.
- [14] Социальная ответственность бизнеса (по материалам экспертных интервью). URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d042629>.
- [15] *Троцук И.В., Давыденкова Е.С.* Феномен этического консьюмеризма: специфика социологической интерпретации и особенности современного бытования // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. № 1.
- [16] *Чепуренко А.Ю.* Малое предпринимательство в России // Мир России. 2001. № 4. С. 130—161.
- [17] *Чепуренко А.Ю., Ясина Е.Г., Буева В.В., Шестоперова О.М.* Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее. М.: Новое издательство, 2004.

SOCIAL RESPONSIBILITY OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESS IN RUSSIA

A.V. Neverov, E.S. Davydenkova

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Corporate social responsibility has become an important part of business activities of many organizations. Despite the fact that the corporate social responsibility as an institutionalized organizational management process has existed for more than 50 years, it has not yet received the deserved scientific attention, and its various aspects are still subject to debates. Given that small and medium-sized business organizations play an important role in the socio-economic development of the country, such a problem can become a significant barrier for increasing the efficiency of interaction of main actors and stakeholders of business activities in the country. Thus, it is crucial to study the priorities of small and medium-sized organizations in the corporate social responsibility field. The authors conducted an empirical exploratory study of the Russian small and medium-sized business organizations and found out that their representatives do not have a clear understanding of the directions and methods of implementing the social responsibility model. For instance, the standards developed for large organizations to implement the ideas of corporate social responsibility are too global and too costly for small and medium-sized businesses, however the latter in Russia still do not have their own technologies and algorithms for implementing an appropriate model of social responsibility (except for some types of charity and requirements to re-train workers, which are considered rather external claims).

Key words: corporate social responsibility; social responsibility of business; business ethics; charity; entrepreneurship; small and medium-sized business.

REFERENCES

- [1] *Afanas'ev D.V.* Instrument dlja ocenki social'noj otvetstvennosti biznesa [Tools to assess the social responsibility of business]. *Upravlencheskie nauki*. 2012. № 1. S. 57—60.
- [2] *Buev V.V., Migin S.V., Smirnov N.V., Shamraj A.A., Shestoporov A.M.* Integral'nye pokazateli razvitija malogo predprinimatel'stva [Integral Indicators of the Small Business Development]. M.: OOO «Vektra», 2007.
- [3] *Verevkin L.P.* Social'naja otvetstvennost' biznesa [Social responsibility of business]. *Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2010. № 1. S. 37—48.
- [4] *Glebova I.S.* Social'naja otvetstvennost' biznesa v Rossii i za rubezhom [Social Responsibility of Business in Russia and Abroad]. Kazan': Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V.I. Ul'janova-Lenina, 2008.
- [5] *Dvortsov Ju.V.* Usilenie social'noj otvetstvennosti biznesa v Rossii [Strengthening of the social responsibility of business in Russia]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*. 2010. № 3. S. 54—58.
- [6] *Il'ina G.N.* Social'naja otvetstvennost' rossijskogo biznesa: strategii i innovacii [Social responsibility of the Russian business: Strategies and innovations]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2014. № 1. S. 216—224.
- [7] *Kalinin A.V.* Analiz razvitija i sostojanie malogo i srednego biznesa v mire [Analysis of the development and the current state of small and medium-sized business in the world]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. 2011. № 4. S. 3—12.
- [8] *Kotova L.R.* Analiz social'no otvetstvennogo povedenija i ego ogranichenija v dejatel'nosti otechestvennyh kompanij [Analysis of the socially responsible behavior, and its limits in the Russian companies activities]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plehanova*. 2012. № 1. S. 97—105.
- [9] *Kuznetsova N.V., Maslova E.V.* Modeli korporativnoj social'noj otvetstvennosti [Models of the corporate social responsibility]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. 2013. № 4. S. 22—36.
- [10] *Lobanov S.V., Saprykina O.A.* Osobennosti razvitija social'noj otvetstvennosti biznesa v Rossii [Peculiarities of the development of the social responsibility of business in Russia]. *Dostizhenija vuzovskoj nauki*. 2013. № 6. S. 183—187.
- [11] *Nikolaeva E.* Konceptija social'noj otvetstvennosti biznesa [Conception of the social responsibility of business]. *Obozrevatel'*. 2012. № 2. S. 26—32.
- [12] *Savicheva E. Ju.* Modeli social'noj otvetstvennosti malogo biznesa v Rossii [Models of the social responsibility of small business in Russia]. *Problemy sovremennoj ekonomiki*. 2010. S. 164—167.
- [13] *Puzanova Zh. V., Hurtina V.V.* Evoljucija koncepcij organizacionnogo povedenija [Development of the organizational behavior theory]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 2014. № 2. S. 83—87.
- [14] Social'naja otvetstvennost' biznesa (po materialam ekspertnyh interv'ju) [Social responsibility of business (based on expert interviews)]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d042629>.
- [15] *Trotsuk I.V., Davydenkova E.S.* Fenomen eticheskogo kons'jumerizma: specifika sociologicheskoi interpretacii i osobennosti sovremennogo bytovanija [“Ethical consumerism”: The specifics of sociological interpretation and present manifestations]. *Vestnik RUDN. Serija «Sociologija»*. 2015. № 1.
- [16] *Chepurenko A. Ju.* Maloe predprinimatel'stvo v Rossii [Small business in Russia]. *Mir Rossii*. 2001. № 4. S. 130—161.
- [17] *Chepurenko A. Ju., Yasina E.G., Bueva V.V., Shestoporova O.M.* Maloe predprinimatel'stvo v Rossii: proshloe, nastojashhee i budushee [Small Business in Russia: Past, Present, and Future]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

РАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ*

В.В. Щербина

Центр социологии управления и социальных технологий
Институт социологии РАН
ул. Кржижановского, 24/35-5, Москва, Россия, 117259

Статья посвящена проблемам определения специфики и классификации социальных технологий (в тексте будет использована аббревиатура СТ). Она содержит изложение проблем, связанных, во-первых, с уточнением специфики социальных технологий; во-вторых, с классификацией существующих типов социальных технологий; в-третьих, с определением специфических признаков (функций, решаемых задач, механизмов, границ и сфер применения, идеологических оснований) социальных технологий; в-четвертых, обозначению основных характеристик одной из групп социальных технологий, которые в статье обозначены как рационализирующие социальные технологии (далее в тексте будет использована аббревиатура РСТ); в-шестых, с определением специфики одного из наиболее значимых, но плохо осмысленных подтипов рационализирующих социальных технологий, который связан с решением задачи рационализации управленческой деятельности и обозначается автором как подтип «целеобеспечивающих рационализирующих управленческих социальных технологий» (далее в тексте будет использована аббревиатура ЦОРУСТ). Тем самым в статье предпринимается попытка хотя бы отчасти снизить масштабы того хаоса, что царит сегодня в теории социальных технологий и проявляется, в частности, в неоднозначности трактовок социальных технологий, в непроясненности различий между типами СТ и специфики выполняемых ими функций и т.д.

Ключевые слова: планируемые изменения; поведенческие и деятельностные стандарты; социальные практики; социальные технологии (СТ); функции, сферы применения и механизмы СТ; целеформирующие рационализирующие политические СТ; целеобеспечивающие рационализирующие управленческие СТ; рациональность; целерациональность; коммуникативная рациональность.

ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ, РЕШАЕМЫЕ В СТАТЬЕ

Эта статья написана в рамках проблематики, связываемой со сферой развития и применения социальных технологий (далее — СТ). В статье предпринимается попытка хотя бы частично уменьшить хаос, царящий в теории социальных техно-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Грант № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования».

логий, который проявляется в неоднозначности трактовки СТ, в невыевренности разных типов СТ, в непроясненности специфики выполняемых ими функций, в неопределенности объектов воздействия, границ и сфер применения исходных идеологических конструкций и т.д. Содержание статьи напрямую связано с ее задачами: а) выделения из числа СТ особой группы технологий, созданных под задачу рационализации деятельности или отношений в социуме (рационализирующие СТ — РСТ); б) определения входящих в нее подтипов; в) уточнения их специфики, которая проявляется наборе выполняемых ими функций, используемых механизмов, сфер применения, объекта воздействия; г) определения их места среди других инструментальных средств.

Следует отметить, что интересующий меня тип рационализирующих СТ (РСТ) сегодня не выделен в отдельную группу, не поименован и не описан. Однако можно выделить две подгруппы РСТ. Первая — это реально идентифицируемая исследователями, но слабо описанная группа СТ, которую обычно именуют сегодня «коммуникативными технологиями», но их функции, сфера применения, объект воздействия и место в системе СТ практически не выявлены. Вторая подгруппа РСТ сегодня не выделена в качестве целостной и не получила определенного названия.

В то же время многие РСТ, в нее входящие, хорошо известны управленцам и популярны у них. Эта группа РСТ создана в рамках версии рациональности, которую принято связывать с «целерациональностью» (как правило, со ссылкой на работы М. Вебера и в противовес «коммуникативным СТ») в рамках той модели подготовки управленческих решений, которую в литературе принято именовать «теорией рационального выбора» (ТРВ).

Обе группы РСТ включают в себя технологии, созданные под разные задачи; опирающиеся на разные теоретические модели и использующие разные методы получения информации. Они имеют важную общую черту — ориентацию на задачу рационализации, поэтому их зачастую сваливают в одну кучу. В то же время они существенно различаются по функциям, которые четко не определены; по решаемым задачам; по объектам воздействия, сфере применения; по типу получаемого продукта; по идеологическим конструкциям, лежащим в их основе, которые тоже не прописаны. Именно поэтому эти два типа РСТ часто без оснований подменяют друг друга и неадекватно используются в социальной практике.

Поскольку приведенные выше названия, иногда используемые для определения специфики каждой из них («коммуникативных СТ и целерациональные СТ»), даны по основанию различия специфических механизмов, они не отражают специфику выполняемых СТ функций и специфику сферы их применения. Поэтому наряду с названием «целерациональные СТ» и «коммуникативные СТ», которое я не отбросил, я ввел и использовал в этой статье и два других соотносимых названия — «целеобеспечивающие рационализирующие управленческие социальные технологии» (ЦОРУСТ) и целеформирующие рационализирующие политические социальные технологии (ЦФРПСТ). Эти названия, несмотря на некоторую громоздкость, как мне кажется, гораздо лучше отражают специфику рассматриваемых СТ. Обоснование же правомочности таких названий будет раскрываться в статье поэтапно, по мере все более полного описания их специфики.

ФАКТЫ, ПОБУДИВШИЕ МЕНЯ К НАПИСАНИЮ ЭТОГО ТЕКСТА

1. Хотя СТ рассматриваемого типа были уже достаточно давно известны и популярны в нашей стране (они начали создаваться и успешно применяться в управлении производственными организациями еще в советский период, в 1970-е гг.) [3; 6; 22; 35; 54], этот тип технологий до сих пор не выделен в особый тип СТ и не получил единого специфического наименования.

2. Специфика этого типа СТ, сфера применения, набор выполняемых функций (и решаемых задач), логика положенная в основу их формирования, специфика используемых механизмов, сфера применения и идеологическая основа до сих пор недостаточно четко определены.

3. Единое представление о сущности СТ [10; 11; 13; 19; 23; 25; 29; 54; 55] и убедительная классификация существующих сегодня типов СТ [51], предполагающая четкое определение места и функции каждого из существующих типов технологий (в том числе и СТ типа ЦОРУСТ) в арсенале реально существующих СТ, по сей день отсутствует.

4. За последние 15—20 лет объем новых, вновь создаваемых управленческих СТ, в том числе и технологий типа ЦОРУСТ, стал существенно сокращаться и вытесняться: а) разнотипными социальными практиками [25; 29]; б) разными типами поведенческих и деятельностных стандартов [19]; в) политическими технологиями, созданными совсем под другие задачи.

5. Среди СТ, конкурирующих с ЦОРУСТ в сфере управления, достаточно часто присутствовала другая группа СТ, обычно именуемая коммуникативными [1; 10; 11; 17; 46; 47].

6. Создатели двух конкурирующих версии рационализирующих СТ подчеркивали специфичность решаемых задач и специфичность механизмов, используемых в этом типе СТ, но в то же время их продолжали неадекватно использовать вне определенного сегмента социальной практики и вне привязки к специфическим функциям.

7. В нашей стране и в среде и управленцев-практиков, и в среде академических ученых, представляющих социальные науки, существенно снизился интерес к проблеме рационализации управленческой деятельности (особенно в версии целерациональности).

8. Эти процессы создавали проблемы для работы тех специалистов, которые напрямую связаны с рационализацией управления (менеджеры и управленческие консультанты в сфере управления человеческими ресурсами) [39; 48; 49].

9. Активизация обозначенных выше проблем по времени совпала с ломкой советской системы управления и с интенсивными процессами деиндустриализации, наблюдаемыми в нашей стране с начала 1990-х гг., которые сопровождались ликвидацией отраслевых НИИ, в которых СТ создавались.

10. Эти процессы накладывались на запоздавшие отголоски активной критики рядом западных ученых идеи широкого использования в управлении принципа

целерациональности, а также связанных с ним положений «теории рационального выбора» (ТРВ) как нереалистичных. Это было типично для Запада в период с конца 1950-х гг. и примерно до начала 1990-х г. [5; 12; 31; 56; 58; 60; 59].

11. Эта критика на Западе, однако, счастливо закончилась признанием большинством ученых и специалистов особого статуса теории ТРВ, в котором было зафиксировано, что эта теория, не являясь «позитивной» (адекватно отражающей состояние реальных процессов в системе принятия решений), является действенной и нормативной (т.е. предписывающей) теорией [12; 44].

12. Пожалуй, главной проблемой, связанной с развитием и адекватным применением ЦОРУСТ и других видов СТ, используемых в управленческой и политической практике, остается теоретико-методологическая непроясненность представлений о сущности СТ и входящих в СТ групп, невыявленность свойств разных типов СТ и существующая в этой сфере терминологическая путаница.

Поскольку многие из названных проблем я связывал с отсутствием внятной классификации СТ и непроясненностью функций, задач, механизмов, сфер применения, продуктов применения и идеологических основ разных видов СТ, я начал решение поставленных задач с описания особенностей других регуляторов человеческого поведения и определения специфики СТ как особого типа инструментальных средств, применяемых в сфере социальной практики.

ЛОГИКА ВОССОЗДАНИЯ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДВУХ ТИПОВ РСТ

Обратившись к воссозданию свойств двух обозначенных мною типов РСТ, я счел необходимым решать эту задачу в следующем порядке: а) дать внятное определение СТ как особого типа инструментальных средств, используемых в социальной практике; б) выделить типы инструментальных средств, часто используемых в этой сфере, но не входящих в число СТ, с которыми их часто путают; в) выделить группу рационализирующих СТ (РСТ) и показать ее специфику; г) выделить подтип РСТ, созданный под задачи управления; д) выделить подтип РСТ, созданный под задачи политической практики, и показать его специфику; е) дать название и определить место, функции и сферу применения этих типов РСТ.

Общая характеристика социальных технологий (СТ). Давая обобщенное, базовое для данной статьи определение термина СТ, я положил в его основу итоги ранее проведенного мною сопоставления представлений о сущности СТ большой группы разно-ориентированных отечественных ученых и управленцев-практиков в период начиная с середины 1970-х гг. и до настоящего времени [51]. Под СТ я понимаю инструментальные стандартизированные средства, созданные для решения типовых практических задач, возникающих в сфере социальной практики на основе положений социальных (поведенческих) наук, находящие применение в сфере социальной практики при решении задач, связанных с осуществлением социальных изменений в социуме (человеческом поведении, деятельности людей, изменении социальных отношений).

Важным признаком СТ я считаю то, что а) они всегда создаются на базе положений или методов, созданных в рамках социальных наук (социологии, психологии, социальной антропологии, политологии, экономики); б) они создаются под решение разнородных типовых задач, возникающих в разных сферах социальной практики (управлении, политике, образовании и т.д.); в) они алгоритмизируют процесс решения этих задач; в) они, как и всякая технология, при соблюдении всех содержащихся в технологии предписаний, с высокой степенью вероятности гарантируют использующему ее практику достижение желательного результата [50—52].

Представляется, что данное определение СТ — достаточно широкое, задающее критерии, на основе которых, во-первых, достаточно легко отделить СТ от других типов применяемых здесь инструментальных средств; во-вторых, на основе и в рамках которых достаточно легко выделить и объединить несколько существенно различающихся между собой типов технологий. Далее я считаю необходимым отобрать те инструменты, используемые в социальной практике, которые нельзя причислять к СТ.

Характеристика «социальных практик» (СП). Хотя ряд ученых и специалистов рассматривает социальные практики как тип СТ [19; 25; 29], я не могу с ними согласиться. Говоря о социальных практиках (СП), я рассматриваю это понятие как термин, используемый для обозначения инструментальных средств регуляции поведения людей, лежащих за пределами СТ. Речь идет о специфических алгоритмах поведения или деятельности, действительно обеспечивающих воспроизводство людьми поведения, отношений или деятельности (вне зависимости от их функций и назначения); о средствах воздействия на поведение людей, в основе формирования которых лежит повседневный опыт, накопленный людьми в ходе взаимодействия или деятельности при решении задач определенного типа. Важнейшей специфической чертой СП является то, что средства этого типа не опираются на разработки и положения социальных наук, научных теорий или итогов научных исследований и не могут быть рассмотрены как тип СТ.

Характеристика «поведенческих или деятельностных стандартов. Употребляя термин «поведенческие и деятельностные стандарты» (ПДС), я тоже рассматриваю их как регулятор поведения людей, лежащий за пределами СТ. Они представляют собой разнотипные социальные предписания, которые могут содержать: а) в законодательных актах, б) административных положениях, в) инструкциях, г) регламентах и аналогичных документах, задающих и основы социального порядка и деловых отношений. ПДС регламентируют, стандартизируют, формализуют социальные отношения и способы осуществления деятельности; задают и закрепляют желательные типы и способы отношений, деятельности или поведения отдельных людей, социальных групп, организаций, территориальных общностей. Они содержат стандарты, правила и предписания, регулируют поведение, отношения и деятельность в значимых для социума сферах; определяют формальный статус, права, властные полномочия, зоны ответственности людей, должностей и организаций. Хотя ряд специалистов относит эти регуляторы поведения к СТ [13; 19], вряд ли с этой позицией можно согласиться.

ДВА ТИПА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПО ОСНОВАНИЮ РЕШАЕМОЙ ЗАДАЧИ

Возвращаясь к проблеме выделения различных типов СТ (как специфического типа инструментальных средств), важной функцией которых всегда является обеспечение осмысленных и заданных социальных изменений, я считаю оправданным на первом этапе разделить все СТ на две крупные группы, принципиально различающиеся по итогам воздействия — речь идет о «манипулятивных» и «рационализирующих СТ».

Специфика «манипулятивных СТ» (МСТ). Под МСТ я понимаю достаточно распространенный тип «не рационализирующих» СТ, созданный на базе положений поведенческих наук (психологии, политологии, социологии и социальной антропологии, экономики), сориентированный на задачу изменения поведения людей. СТ особенно часто используется в политической практике (при проведении избирательных кампаний, СТ в сфере политического PR и др.), но иногда и в практике управления бизнес-корпорациями (сфера PR, рекламы и маркетинга).

Признаком МСТ является то, что здесь: а) объектом воздействия всегда являются конкретный человек (или группа людей); в) решаемой задачей является модификация социальных установок; в) итогом применения всегда является модификация их поведения в заранее заданном социальным технологом направлении [13; 16; 55].

Специфика рационализирующих СТ. Другой версией СТ, противостоящей МСТ, очень интересующей меня, являются рационализирующие социальные технологии (РСТ) [51]. Под РСТ я понимаю достаточно большую и неоднородную по составу группу СТ, созданных на базе положений социологии, психологии, политологии, экономики или социальной философии, ориентированных на решение типовых задач, связанных с осуществлением позитивных институциональных изменений в социуме. Последние обычно связаны либо с совершенствованием системы социальных отношений, либо с совершенствованием осуществляемой управленческой деятельности. Характерно и то, что они всегда направлены на устойчивые, структурированные, институциональные изменения, а не на ситуативные изменения поведения отдельных людей или групп. Технологии такого типа достаточно широко применяются как в политической, так и в управленческой практике. Очень часто они являются инструментом, обеспечивающим возможность для подготовки решений, и связаны с функцией социальной диагностики (ДРСТ); иногда связаны с задачей успешной реализации решений (РРСТ) [53], являющихся отправной точкой для подготовки и (иногда) реализации проекта решений о планируемых изменениях в социуме или организации деятельности.

На сегодняшний день в рамках РТС можно выделить как минимум две группы технологий, построенных на разных принципах, использующих разные механизмы и реализуемых в разных сегментах социальной практики. Однако поскольку эти различия во многом обусловлены разными трактовками рациональности, я считаю важным сначала обратиться к тому, что сегодня понимается под рациональностью и рационализацией.

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РАЦИОНАЛЬНОСТИ И РАЦИОНАЛИЗАЦИИ В СОЦИУМЕ, А ТАКЖЕ О СПЕЦИФИКЕ РАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматривая природу РСТ, я обратился к: а) о феномену «рациональности»; б) к процессам «рационализации», опираясь при этом, во-первых, на представления, наработанные классиками социологии и социальной философии, во-вторых, на работы более современных авторов [2; 4; 28; 30; 32; 41; 42].

Под рациональностью в широком смысле я, вслед за М. Вебером [2], понимаю ту специфическую логику и тот специфический принцип, лежащий в основе подготовки решений, которые ориентируют человека на создание более разумной организации жизнедеятельности социума. При этом я рассматриваю этот принцип в привязке: а) либо к практической деятельности; б) либо к социальным отношениям.

Под рационализацией же, я, в соответствии с существующей традицией, понимаю специфический процесс, итогом которого является поэтапное нарастание компоненты рациональности, которая трактуется как разумная организация жизнедеятельности социума [2]. Соответственно, говоря о рационализирующих СТ, я вслед за классиками выделяю и развожу два принципиально различающихся типа СТ, восходящих к двум выделяемым сегодня и принципиально различающимся типам рациональности: «целерациональности» и «коммуникативной рациональности». Различия этих двух типов наглядно прослеживались в ориентирах, логике, итогах, сфере, объекте и механизмах, обеспечивающих то, что было выше обозначено туманным термином «разумная организация социума».

Говоря о «целерациональности» как специфическом принципе подготовки решений, восходящем к работам М. Вебера, и рассматривая ее в контексте представлений о стремлении к формированию более разумной организации жизнедеятельности социума, я трактую ее как такую «идеальную модель работы с решениями», которая лежит в основе той версии рационализации, которая направлена на обеспечение разумной организации человеческой деятельности (именно и только деятельности). Эта модель организации опирается: а) на знания и опыт, накопленные людьми в той или иной сфере человеческой деятельности; б) на знания о содержании процесса или устройстве объекта, подлежащего перестройке; в) на оценку состояния оцениваемого объекта, что предполагает привязку логики решения задачи к специфике ситуации. По содержанию эта версия рациональности представлена в связке «цель—средство». При этом она является той специфической логикой подготовки решений, которая ориентирована и на совершенствование деятельности и предусматривает в конечном счете выбор тех средств (социальных ресурсов), которые адекватны поставленным целям [2; 4]. Эта логика в идеале ориентирует лицо, принимающее решение, на задачу выбора адекватных средств для гарантированного достижения уже поставленных целей, при возможно большем ограничении объема используемых для этого ресурсов — финансовых, материальных, временных, энергетических, технических, человеческих, социальных, культурных, властных, информационных или биологических.

Говоря о «коммуникативной рациональности», термине, восходящем к работам Ю. Хабермаса, я рассматриваю этот тип рациональности как связанный с другой задачей и моделью работы с решениями, хотя последняя и претендует на универсальность.

Эта версия рациональности направлена на задачу разумной организации социальных отношений в социуме (и только их). Эта версия взгляда на рациональность связывает представления о разумности решений с тем, что в них должны быть согласованы цели и интересы всех участников социальных отношений. Исходя из сказанного, специфика таких решений предполагает ориентацию на выработку таких ориентиров предстоящих изменений (целей), в которых были бы максимально полно представлены интересы всех разноориентированных участников социальных отношений. Эта задача связана с обеспечением доступа всех участников взаимодействий к средствам социальных коммуникаций, обеспечивающих конвенциональное согласование позиций участников диалога. В качестве механизма, обеспечивающего такое согласование, рассматривается специфическая коммуникативная технология, которую в современной научной литературе принято в ее идеальном варианте связывать с термином «дискурс» [41; 42]. По факту, речь идет о формировании таких политических (именно и только политических) ориентиров планируемых изменений, которые изначально предполагают высокую поддержку проекта всеми участниками взаимодействия и обеспечивают высокую легитимность власти для группы лиц, реализующих этот проект.

СМЫСЛ ТЕРМИНА «РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ»

Под рационализацией я, в соответствии с существующей традицией, понимаю специфический процесс, итогом которого является поэтапное нарастание компоненты рациональности, которая трактуется как разумная организация жизнедеятельности социума [2]. Говоря о смысле этого центрального для меня понятия как в привязке к термину «целерациональность», так и в привязке к термину «коммуникативная рациональность», я связывал и связываю его с процессом, изначально ориентированным на повышение уровня «разумной организованности жизнедеятельности социума». При этом, согласно сложившейся традиции, я (как и многие другие специалисты) разделял рационализацию в «широкой» и «узкой» трактовке.

Рационализация в широком смысле. Рассматривая рационализацию как всегда связанную с процессом повышения организованности жизнедеятельности социума, в «широком смысле», я считаю, что этот термин введен для обозначения реально протекавшего (или некогда протекающего — исторического), масштабного (как во временном, так и в географическом плане), в определенном смысле стихийного, спонтанного, многовекторного и многоэтапного процесса. Речь идет о наблюдаемом (или некогда наблюдавшемся) процессе, изучаемом историками и обществоведами.

Важнейшим результирующим признаком такого процесса является поэтапное нарастание организованности в социуме. Специфическими же его чертами явля-

ется то, что этот процесс: а) сложно (или невозможно) привязать к деятельности какого либо конкретного субъекта; б) невозможно рассмотреть как заранее спланированный процесс, протекающий во исполнение некой программы или проекта; в) сложно расчленить по сферам протекания. В качестве типичного примера таких процессов могут быть рассмотрены хорошо известные историкам и обществоведам процессы трансформации политических, экономических и социальных институтов, наблюдавшиеся (и отчасти наблюдаемые) на протяжении ряда столетий в странах Запада, СССР, Востока [2; 36; 37].

Рационализация в узком смысле. Рассматривая рационализацию в узком значении (а именно такая трактовка представляет для меня, в свете решаемой задачи, особый интерес), я, будучи ориентирован на решение задачи повышения разумной организованности социума, рассматриваю этот процесс как связанный: а) в достаточной степени с осознанной, осмысленной, целенаправленной и часто профессионально оформленной деятельностью; б) с деятельностью, осуществляемой в соответствии с определенной программой; в) с деятельностью, осуществляемой в некой локализованной сфере; г) с деятельностью, ограниченной как во временном (определенный период времени), так и в географическом плане (конкретная страна, конкретная сфера жизнедеятельности или область деятельности, конкретная организация); д) с деятельностью, инициируемой, направляемой, контролируемой и осуществляемой конкретными людьми (политиками, бизнесменами, менеджерами и т.д.).

Из сказанного вытекает, что именно и только в связи с процессами рационализации в узком смысле слова (независимо от сферы его применения) в социуме и возникает необходимость формирования специфических рационализирующих социальных технологий. Говоря о рационализации в узком смысле, я исходил из представления, что речь идет о процессе, который: во-первых, достаточно жестко привязан к двум названным выше типам рациональности — «целерациональности» и «коммуникативной рациональности»; во-вторых, о процессе, который привязан к двум разным сферам человеческой жизнедеятельности — сфере политики, связанной с проблемой организации социальных отношений, и сфере управления в связи с рациональной организацией самой управленческой деятельности; в-третьих, он всегда проявляет себя как сознательно осуществляемый, кем-то инициируемый, планируемый и контролируемый. Важно отметить и то, что именно (и только) в рамках рассмотрения рационализации в ее узкой трактовке имеет смысл разделение этого процесса на две группы: а) рационализации, осуществляемой в рамках коммуникативной логики; б) рационализации, осуществляемой в целерациональной логике. Характерно, что целевые ориентиры, логика и механизмы протекания этих двух типов рационализации существенно различаются.

Теперь мы можем вернуться к обозначенной выше проблеме уточнения представлений о специфике интересующих нас двух типов в известном смысле конкурирующих между собой СТ, которые мы отнесли к числу технологий, объединенных общим названием РСТ.

ДВЕ ВЕРСИИ РАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Перейдем теперь к рассмотрению специфики двух типов рационализирующих СТ, создаваемых под задачи двух рассмотренных нами версий рационализации.

Коммуникативные рационализирующие социальные технологии как инструмент рационализации в сфере социальных отношений. Под коммуникативными рационализирующими социальными технологиями (КРСТ) я вслед за рядом коллег понимаю инструмент обеспечения позитивных социальных изменений, предназначенный для применения в сфере политической практики и для решения задач рационализации социальных отношений в этой сфере. Название этого типа СТ восходит к работам Хабермаса и дано на основании специфики механизма, лежащего в основе СТ этого типа. В качестве специфической черты СТ такого типа, отраженной в названии, рассматривается специфика механизма обеспечивающей его версии рационализации. Таковым здесь выступает коммуникативный механизм, именуемый дискурсом, и последний рассматривается как двигатель, обеспечивающий протекание процесса, итогом которого является формирование тех целевых ориентиров предстоящих изменений в социуме, в котором в идеале должны быть отражены и интегрированы интересы и цели всех участников социальных взаимодействий.

Применение таких СТ оправдано в ситуациях формирования стратегических ориентиров, когда другими методами невозможно (или очень сложно) определить приемлемые для социума желательные ориентиры изменений, а их применение наиболее типично для выработки ориентиров планируемых изменений, формируемых органами местного и регионального управления, хотя есть примеры их использования в крупных бизнес-организациях в ходе формирования организационных и бизнес-стратегий. В отечественной научной литературе существуют многочисленные версии достаточно подробных обоснований и описаний разных версий СТ такого типа [1; 10; 11; 17; 27; 46; 47]. Однако поскольку этот тип СТ достаточно распространен и в стране и за ее пределами, а также поскольку технологии этого типа принято относить к рационалистическим СТ, я считаю необходимым более подробно воссоздать и описать его специфические черты, функции и механизмы, связав их специфику с принципами коммуникативной рациональности.

Рассматривая процесс коммуникативной рациональности и соответствующей версии рационализации в ее узкой трактовке, я изначально связываю этот процесс с решением задачи совершенствования социальных отношений в социуме в той их версии, которая восходит к работам Ю. Хабермаса [41; 42; 57]. Причем поскольку задачу рационализации в данном типе СТ мы связываем с обеспечением «разумной организации именно социальных отношений» и (независимо от типа объекта, где эта задача реализуется) рассматриваем его в привязке к сфере политической практики. Речь идет всегда о той специфической логике рационализации, которая напрямую связана с выработкой ориентиров политических изменений и привязана

к условиям именно политической жизни, хотя следует оговориться, что, по моему мнению, речь идет скорее о политической жизни современного западного общества, чем России. Будучи встроены в механизм подготовки решений, направленных на задачу изменения социальных отношений и совершенствование социальных институтов, этот механизм рационализации ориентирован на подготовку таких решений, который бы с высокой вероятностью гарантировал политикам доступ к власти и ее длительное удержание.

Если же привязать этот процесс к политике, реализуемой в современных западных «демократических обществах» (или их подсистемах), то речь всегда идет о стремлении к подготовке таких решений, где на уровне постановки цели были бы максимально полно представлены и интегрированы интересы всех участников социальных взаимодействий в социуме. Очевидно, что ориентация на решение задач в рамках этой версии рационализации напрямую связана с той логикой коммуникативной рациональности, которая опирается на положения теории, именуемой «теорией коммуникативного действия».

Не менее важно и то, что рационализация такого типа, осуществляемая с помощью специфических коммуникативных СТ, опирается на набор специфических тезисов, затрагивающих представление о человеческом поведении, социальной регуляции, этике и особом понимании роли морали в процессе интеграции людей в социум [18]. Речь идет о восходящих к Ю. Хабермасу представлениях, согласно которым: а) являясь важным элементом регуляции человеческого поведения, мораль не имеет под собой объективных оснований и формируется целиком на субъективной основе; б) объективно обосновать моральные нормы невозможно; в) в основе морали всегда лежит индивидуализация, эгоизм и стремление к выгоде; г) люди всегда заботятся в первую очередь о себе, о собственном выживании и процветании; д) традиционная универсалистская (запретительная) мораль, ориентированная на приоритет общества над личностью, непродуктивна, поскольку затрудняет назревшие социальные изменения; е) оценка поведения членов общества тоже всегда субъективна; ж) в этой ситуации инструментом обеспечения социальной интеграции людей и регуляции разноориентированного и всегда эгоистичного человеческого поведения должен выступать тот особый тип морали, которую Хабермас определяет как специфическую «языковую игру»; з) именно она должна обеспечивать связь автономных индивидов на основе интересубъективных правил и принятых социальных норм; и) такая мораль должна быть направлена не на насильственное снятие конфликта, а на стремление понять и признать правомочность позиции индивида, демонстрируемой им в рамках дискурса, через убедительность предъявляемого содержания; к) в рамках дискурса индивид (группа) должны привести убедительные для других членов социума аргументы своей позиции и тем самым обосновать право на свое действие; л) итогом дискурса всегда должно быть некое компромиссное политическое решение, направленное на трансформацию социальных отношений [18; 41—43].

Я оставляю за пределами своего рассмотрения вопрос о том, насколько в реальности оправдана такая логика выработки решений, направленных на форми-

рование разумных форм организации социальных отношений в современном обществе и его подсистемах. Однако отмечу, что если даже принять эту точку зрения, то становится очевидным, что рационализация в узком смысле, построенная с опорой на коммуникационный механизм (дискурс) и ориентированная на решение задач целеформирования на конвенциональной основе, вряд ли может быть применена при решении собственно управленческих задач. Их специфика (по выражению А.И. Пригожина) может быть сведена к задаче обеспечения перевода состояния некоего объекта и процесса из реального состояния в желаемое [26]. Только в сфере политических отношений, где представление о критериях желательности планируемых изменений многообразны и размыты, где спектр носителей таких представлений широк и дифференцирован, где вопрос о выборе адекватных ориентиров изменений напрямую предопределяет саму возможность доступа политика к власти, при подготовке решений могут быть использованы (и на практике в той или иной степени используются) коммуникативные механизмы и коммуникативная логика подготовки решений, ориентирующие на выработку именно конвенционально приемлемых соглашений [41].

ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНЫХ РАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ЦЕЛЕФОРМИРУЮЩИХ РАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ЦФРПСТ)

Исходя из всего сказанного выше, я отношу коммуникативные технологии к числу целеформирующих, рационализирующих, политических социальных технологий (ЦФРПСТ), специфика которых может быть сведена к следующему перечню признаков: 1) этот тип СТ возник и получил распространение прежде всего в сфере политической практики; 2) он связан с той версией рационализации, которую Хабермас видел в обеспечении разумной организацией социальных отношений в социуме; 3) он направлен на формирование целевых политических ориентиров в условиях, когда других оснований для решения этой задачи в социуме не имеется; 4) он предполагает формирование целевых ориентиров, направленных на изменение и совершенствование социальных отношений; 5) он ориентирован на формирование таких целевых ориентиров, которые учитывали и интегрировали бы интересы большинства участников этих отношений; 6) он предполагает использование специфических коммуникативных механизмов (дискурс) для учета разнородных интересов как можно большего числа разнородных участников социальных взаимодействий; 7) он использует специфический коммуникативный механизм, который предполагает открытое обсуждение разнородных позиций и в идеале предполагает обеспечение конвенционального согласования позиций и интересов всех участников социальных отношений; 8) он предполагает получение: а) максимальной поддержки программ планируемых изменений со стороны участников взаимодействий; б) обеспечение возможности доступа к власти для их авторов, в) обеспечивает легитимность их власти.

ЦЕЛЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (ЦРСТ) КАК ИНСТРУМЕНТ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Под целерациональными социальными технологиями (ЦРСТ) я понимаю инструмент обеспечения подготовки проектов обоснованных социальных изменений, созданный для применения в сфере управленческой практики и предназначенный для решения задач рационализации управленческой деятельности, причем прежде всего в деловых организациях. Название этого типа СТ восходит к работам М. Вебера и дается по специфике механизма, лежащего в их основе [2]. Поскольку принцип целерациональности хорошо известен и подробно описан в научной литературе [4], я не стану подробно пересказывать его содержание и признаки.

В название этого типа технологии вынесена специфическая черта, которой является механизм обеспечения рационального выбора. Речь идет о механизме обоснованного выбора такого типа средств из числа доступных, которые были бы максимально адекватны задаче, связанной с обеспечением реализации заданной цели [44]. Применение таких СТ максимально оправдано при решении управленческих задач в бизнес-организациях, они напрямую связаны с деятельностью менеджеров, имеющих дело со сферой управления человеческими ресурсами (УЧР). Здесь ресурсами целедостижения выступают либо сами люди (индивиды, социальные группы, целевые общности), либо средства и способы регуляции их поведения, либо организационные структуры. Важно, что такие СТ практически всегда привязаны к специфике ситуации.

В отечественной научной литературе представлен достаточно широкий перечень СТ, созданных под такие задачи; существует подробное обоснование и описание разных версий СТ такого типа [2; 6; 7; 14; 22; 23; 33; 35; 40; 52—54]. Поскольку этот тип СТ достаточно распространен и в стране, и за ее пределами, но его специфика недостаточно четко определена, я считаю необходимым более подробно воссоздать и описать его специфические черты и функции и механизмы этого типа СТ, связав их специфику с принципами целерациональности.

Рассматривая целерациональность как специфическую версию рациональности, причем в ее узкой трактовке, я изначально связываю этот процесс с обеспечением совершенствования управленческой деятельности в той версии, которая восходит к положениям работ М. Вебера [2; 4]. Последний связывал ее с обеспечением «разумной организации деятельности», и только деятельности. При этом речь идет об инструментах, направленных на совершенствование именно управленческой деятельности, причем по преимуществу в деловых организациях и в рамках сферы, именуемой сферой УЧР, имеющей дело с социальным ресурсом. Будучи встроенными в механизм подготовки решений, такие СТ изначально ориентированы на задачи, которые в конечном счете обеспечивают принятие таких решений, которые бы с высокой вероятностью гарантировали повышение результативности деятельности организации, ее подразделений или отдельных работников, желательно в сочетании с уменьшением расхода ресурсов (энергетических, финансовых, временных, технических, информационных, энергетических, социальных и др.).

Очевидно, что ориентация на решение задач в рамках этой версии рационализации напрямую связана с логикой целерациональности и опирается на положения теории, именуемой «теорией рационального выбора», использующей оптимизационные механизмы для определения критериев оптимального отбора социальных объектов. Важно и то, что деятельность по рационализации как продукт использования СТ такого типа всегда осуществляется на основе целерациональных принципов и опирается на представления, созданные на основе а) социальных и социально-управленческих наук о природе человека, человеческого поведения, принципов социальной регуляции; б) принципов целерациональности и положений теории рационального выбора.

Уточняя принципы и положения, лежащие в основе современной версии «теории рационального выбора», я считаю необходимым отослать читателя к представлениям об условиях протекания этого процесса, сформулированным Дж. Цебелисом, позиция которого мне представляется обоснованной. По его мнению, решение задач рационального выбора должно отвечать как минимум следующему перечню требований: а) оно должно изначально учитывать (как минимум не противоречить) интересам индивидов; б) оно должно отвечать правилам теории игр; в) оно должно быть ориентировано на достижение оптимальности (временного равновесия); г) при этом именно достижение эквилибриума должно приближать представления любого актора к объективной реальности [44. С. 62—64].

ХАРАКТЕРИСТИКА РАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ЦЕЛЕОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ РАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ЦОРУСТ)

Исходя из всего сказанного выше, я отношу целерациональные технологии к числу целеобеспечивающих, рационализирующих, управленческих социальных технологий (ЦФРПСТ), созданных и действующих на принципах целерациональности. Специфика СТ этого типа может быть сведена к следующему набору признаков.

1. Этот тип СТ возник, получил распространение и развивался в сфере управления и под задачи управленческой практики.
2. Он хорошо вписался в те представления о рационализации, которые М. Вебер связал с задачей обеспечения разумной организацией деятельности.
3. Он направлен на решение задач совершенствования организации деятельности, причем именно управленческой деятельности.
4. Он изначально ориентирован на выявление характеристик, опознание и выбор тех типов средств или ресурсов из числа доступных, которые адекватны поставленной цели и с высокой степенью вероятности гарантируют их успешное достижение при снижении издержек (причем совсем не обязательно финансовых).
5. Он активно используется в управлении деловыми организациями, чертами которых является высокая определенность целей и критериев оценки.
6. Он применялся и применяется, как правило, к задачам, решаемым в сфере управления человеческими ресурсами (УЧР) [39].

7. Он, обеспечивая возможность целедостижения, использует особый тип ресурсов — социальные (отдельные люди, разнотипные социальные группы, организации, социальные структуры, средства регуляции поведения).

8. Он, будучи средством, направленным на обеспечение планируемых социальных изменений, выступает важным элементом системы принятия управленческих решений.

9. Он выполняет функцию средства социальной диагностики, итоги которой (результаты оценки состояния социальных объектов, включенных в деятельность) и ложатся в основу проекта решения о планируемых изменениях

10. Он в процессе диагностики активно использует объективные результирующие критерии оценки эффективности осуществляемой деятельности.

11. Он может и должен быть отнесен к тому типу рационализирующих СТ, которые можно определить как целеобеспечивающие.

12. В классической рационалистской дихотомии «цель—средство» этот тип СТ, с учетом специфики ситуации, делает акцент на определении признаков и выборе средств, адекватных задаче целедостижения.

Таким образом, тип рационализирующих социальных технологий, который мы определили как ЦОРУСТ, ориентирован на выполнение специфических функций, связанных с рационализацией управления, и не может быть заменен в системе управления любым другим из существующих сегодня типов СТ и СП, включая и тот тип СТ, который мы определили как ЦФРПСТ. Очевидно, что каждое из этих двух рационализирующих типов СТ создано под свою задачу, находит применение в своей сфере социальной практики, воздействует на разные объекты и демонстрирует разные итоги. Что касается места и специфики функций ЦОРУСТ среди других рассмотренных нами инструментальных средств, то они наглядно представлены в табл. 1.

Таблица 1

Функции, признаки РСТ в ряду других социальных регуляторов поведения и деятельности

Тип регулятора поведения или деятельности	ГДС	СП	МСТ	ЦФРПСТ	ЦОРУСТ
Статус данного средства	Не является СТ	Не является СТ	Разновидность СТ	Разновидность СТ	Разновидность СТ
Объект воздействия	Социальные отношения, деятельность, поведение	Поведение, деятельность	Поведение	Социальные отношения	Деятельность
Общая характеристика инструмента	Свод правил, регулирующих социальные отношения, деятельность, поведение	Воспроизводимый способ поведения или деятельности	Политическая или управленческая технология, направленная на модификацию поведения	Рационализирующая политическая технология, направленная на совершенствование социальных отношений	Рационализирующая управленческая технология, направленная на совершенствование деятельности

Окончание таблицы 1

Тип регулятора поведения или деятельности	ПДС	СП	МСТ	ЦФРПСТ	ЦОРУСТ
Основания для формирования данного средства	Основания для формирования ПДС многообразны и не четко определены	Сформирована на базе накопленного практического опыта	Сформирована на базе положений и разработок социальных и гуманитарных наук	Сформирована на базе положений и разработок социальных и гуманитарных наук	Сформирована на базе положений и разработок социальных наук
Решаемая задача	Ориентированы на решение задачи институционализации и социальных отношений и деятельности	Ориентированы на задачу воспроизводства социальных отношений, деятельности, поведения	Ориентированы на решение задач модификации человеческого поведения	Ориентированы на решение задач совершенствования социальных отношений	Ориентированы на решение задач совершенствования управленческой деятельности в сфере УЧР
Принадлежность к функции рационализации, версии рационализации	Не ориентированы на решение задач рационализации	Не ориентирована на решение задач рационализации	Не ориентирована на решение задач рационализации	Направлены на рационализацию социальных отношений через механизмы коммуникации	Направлены на рационализацию деятельности в версии целерациональности
Тип технологии	Не является технологией	Не является технологией	Манипулятивная технология	Рационализирующая технология	Рационализирующая технология
Объект воздействия	Деятельность и социальные отношения	Поведение и социальные отношения, деятельности	Люди и социальные группы	Отношения	Дельность
Сфера применения	Политика и управление	Политика и управление	Политика и управление	Политика	Управление
Желательный итог применения	Установление и поддержание установленного порядка	Воспроизводство установленного порядка	Изменение установок и поведения в заданном направлении	Повышение разумности организованных социальных отношений	Повышение разумности организованности управленческой деятельности
Образ идеального результата	Стабильность существующего социального порядка	Воспроизводство заданного алгоритма поведения или деятельности	100%-ная модификация поведения людей в заданном направлении	Формирование политических и стратегических и целевых ориентиров	Определение признаков ресурсов адекватных логике ТВК
Отношение к выполнению диагностической функции, место в системе подготовки решений	Диагностическую функцию не выполняет	Диагностическую функцию не выполняет	Диагностическую функцию не выполняет	Формирует основу для подготовки решений	Создает основу для подготовки решений, выполняет диагностическую функцию

Список сокращений используемых в таблице и в тексте: 1) ПДС — поведенческий и деятельностный стандарт; 2) СП — социальные практики; 3) СТ — социальные технологии; 4) МСТ — манипулятивные социальные технологии; 5) РСТ — рационализирующие социальные технологии; 6) ЦФРПСТ — целеформирующие рационализирующие политические СТ; 7) ЦОРУСТ — целеобеспечивающие рационализирующие управленческие СТ; 8) КСТ — коммуникационные социальные технологии; 9) УЧР — управление человеческими ресурсами.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Акимкин Е.* Прогнозное социальное проектирование // Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь. М., 2014.
- [2] *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- [3] *Викторов В.Н., Чугунова Э.С.* Социально-психологические проблемы диагностики инженерных кадров в автоматизированных системах управления // Психологический журнал. 1983. № 5.
- [4] *Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.
- [5] *Гвишиани Д.М.* Организация и управление. М., 1998.
- [6] *Герчиков В.И.* Мотивация и стимулирование труда в современных условиях // ЭКО. 1996. № 6.
- [7] *Герчиков В.И.* Трудовая мотивация: содержание, диагностика, управление // Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / Под ред. В.В. Щербины. М., 2004.
- [8] *Годунов А., Емишин П.* Методика оценки деловых и морально политических качеств руководителя. Л., 1972.
- [9] *Гороховский В.С.* Аттестация руководящих кадров — фактор повышения производительности труда в производстве // Социально-экономические факторы повышения производительности труда в производстве. Л., 1983.
- [10] *Дридзе Т.М.* Социальное управление и социальные коммуникации на рубеже XXI века. Преодоление парадигмального кризиса в социологии // В контексте конфликтологии: проблемы социальной коммуникации и управленческого консультирования. М., 1999.
- [11] *Дудченко В.С.* Инновационные технологии. М., 1996.
- [12] *Дункан У.Дж.* Основоплагающие идеи в менеджменте. М., 1996.
- [13] *Иванов В.Н., Матвиенко В.Я., Патрушев В.И., Молодых И.В.* Технологии политической власти. Зарубежный опыт. Київ, 1994.
- [14] Изучение и формирование коллективов добычных и горнопроходческих бригад социально-психологическими методами. М., 1985.
- [15] *Карташева Л.В.* Управление человеческими ресурсами. М., 2005.
- [16] *Ковлер А.Н.* Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. М., 1995.
- [17] *Котляревский Ю.Л., Шанцер А.С.* Искусство моделирования и природа игры. М., 1992.
- [18] *Марков Б.В.* В Поисках другого // *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.
- [19] *Маркова Л.А.* Технологии в социальных и технических системах: социальный и гуманитарный анализ // Эпистимология и философия. 2012. Вып. 31. № 1.
- [20] Методические материалы разработки и внедрения систем управления трудовыми ресурсами, профориентацией, профотбором, подготовкой, обучением и стабилизацией кадров. Днепропетровск, 1984.
- [21] Методические рекомендации по формированию водительских экипажей. М., 1988.
- [22] *Неймер Ю.Л.* Сплоченность как характеристика первичного производственного коллектива и ее социологическое измерение // Социологические исследования. 1975. № 2.
- [23] *Никредин Г.Д.* Разработка и внедрение социальных технологий в производственном коллективе. М., 1990.
- [24] Организация подсистемы контроля и контроль адаптации. Набережные Челны, 1987.
- [25] *Подшивалкина В.И.* Социальные технологии: проблемы методологии и практики. Кишинев, 1997.
- [26] *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия. М., 1989.
- [27] Прогнозное социальное проектирование / Под ред. Т.М. Дридзе. М., 1989.
- [28] Рационализм // Советский энциклопедический словарь. М., 1990.

- [29] *Реутов Е.В.* Легитимация практик административно-политического управления // *Формирование и развитие социально-политической культуры*. Белгород, 2010.
- [30] *Рослякова Е.Е.* Рационализация // *Социологическая энциклопедия*. Т. 2. М., 2003.
- [31] *Саймон Г.А.* Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // *Теория фирмы*. СПб., 1995.
- [32] *Соколова Г.Н.* Рационализация // *Социология: Энциклопедия*. Минск, 2003.
- [33] *Социальные технологии оценки деловых и личностных качеств руководителей промышленных предприятий*. Курган, 1987.
- [34] *Социальные технологии управления адаптацией*. Калуга, 1987.
- [35] *Тарасов В.К.* Персонал-технологии. Отбор и подготовка менеджеров. Л., 1989.
- [36] *Тихонова А.В., Аникин В.А., Горюнова С.В., Лежнина Ю.П.* Концепция модернизации в работах классиков социологической мысли второй половины XIX — начала XX вв. // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2007. № 24.
- [37] *Тихонова А.В., Аникин В.А., Горюнова С.В., Лежнина Ю.П.* Эволюция концепции модернизации во второй половине XX века // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2007. № 25.
- [38] *Управление человеческими ресурсами: Энциклопедия*. СПб., 2002.
- [39] *Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование* / Под ред. В.В. Щербины. М., 2004.
- [40] *Филонович С.Р.* Диагностика деловой организации в логике теории жизненных циклов // *Личность. Культура. Общество*. 2005. Т. 7. Вып. 3.
- [41] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.
- [42] *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 1999.
- [43] *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005.
- [44] *Цебелис Дж.* В защиту теории рационального выбора // *Современная сравнительная политология: Хрестоматия*. М., 1997.
- [45] *Чугунова Э.С.* Комплексная оценка творческой активности инженера // *Социологические исследования*. 1984. № 3.
- [46] *Шилина С.А.* Управленческий дискурс как технология коммуникации в системе отношений государства и общества. Брянск, 2015.
- [47] *Щедровицкий Г.П.* Оргуправленческое мышление. Идеология, методология, технология. М., 2014.
- [48] *Щербина В.В.* Особенности менеджмента как направления управленческой деятельности // *Социологические исследования*. 2001. № 10.
- [49] *Щербина В.В.* Проблема менеджмента в сфере управления человеческими ресурсами // *Социологические исследования*. 2003. № 7.
- [50] *Щербина В.В.* Проблемы технологизации социоинженерной деятельности // *Социологические исследования*. 1990. № 8.
- [51] *Щербина В.В.* Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // *Социологические исследования*. 2014. № 7.
- [52] *Щербина В.В.* Социолого-диагностические технологии в управлении: теоретико-методологические аспекты развития и применения // *Социологические исследования*. 2007. № 3.
- [53] *Щербина В.В.* Средства социологической диагностики в управлении. М., 1993.
- [54] *Щербина В.В., Садовникова Л.Б.* Социолого-психологическое обеспечение работы с кадрами. Кишинев, 1989.
- [55] *Юдин Б.Г.* Социальные технологии, их производство и потребление // *Эпистимология и философия*. 2012. Вып. 31. № 1.
- [56] *Cohen M., March J., Olsen J.* A Garbage Can Model of Decision Making // *Administrative Science Quarterly*. 1972. № 17.
- [57] *Habermas J.* *Towards Rational Society*. L., 1971.

- [58] *Lindblom C.E., Braydrooke E.D.* Strategy of Decision. Free Press, 1963.
[59] *Quinn J.* Strategic Change and Logical Incrementalism // Sloan Management Review. 1978. № 20.
[60] *Simon H.A.* Administrative Behavior. N.Y., 1976.
[61] *Simon H.A.* The New Science of Management Decision. N.Y., 1960.

RATIONALIZING SOCIAL TECHNOLOGIES

V.V. Scherbina

Center for Sociology of Management and Social Technology
Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo str., 24/35-5, Moscow, Russia, 117218

The article considers the problem of defining the specifics and types of social technologies (hereinafter ST). The author pursues the following objectives: first, to clarify the specific features of social technologies; second, to identify the grounds for classifying the existing types of social technologies; third, to describe the basic characteristics (functions, tasks, tools, the scope and limits of application, and ideological bases) of social technologies; fourth, to identify the basic features of one group of social technologies — the rationalizing social technologies (hereinafter RST); fifth, to define the specifics of one of the most important, but poorly studied subtypes of the rationalizing social technologies, which is associated with the task of rationalizing management activities and is denoted by the author as a subtype of the “goal-providing rationalizing management social technologies” (hereinafter GPRMST). Thus, the article attempts to reduce, at least partially, the scale of the chaos that reigns in the theory of social technologies and is particularly evident in the ambiguity of interpretations of social technologies and vague distinctions between different types of social technologies and their specific functions, etc.

Key words: planned changes; behavioral and activity-related standards; social practices; social technologies (ST); functions, spheres and mechanisms of ST; goal-forming rationalizing political ST; goal-providing rationalizing management ST; rationality; goal-rationality; communicative rationality.

REFERENCES

- [1] *Akimkin E.* Prognoznoe social'noe proektirovanie [Predictive social engineering]. Sociologija upravlenija. Teoretiko-prikladnoj tolkovyj slovar'. M., 2014.
[2] *Weber M.* Izbrannye proizvedenija [Selected Works]. M., 1990.
[3] *Viktorov V. N., Chugunova Je. S.* Social'no psihologicheskie problemy diagnostiki inzhenernyh kadrov v avtomatizirovannyh sistemah upravlenija [Socio-psychological problems of diagnostics of engineering personnel in the automatic control systems]. Psihologicheskij zhurnal. 1983. № 5.
[4] *Gajdenko P.P., Davydov Ju. N.* Istorija i racional'nost'. Sociologija Maxa Webera i weberovskij renessans [History and Rationality. Sociology of Max Weber and Weberian Renaissance]. M., 1991.
[5] *Gvishiani D.M.* Organizacija i upravlenie [Organization and Management]. M., 1998.
[6] *Gerchikov V.I.* Motivacija i stimulirovanie truda v sovremennyh uslovijah [Motivation and stimulation of labor under modern conditions]. EKO. 1996. № 6.
[7] *Gerchikov V.I.* Trudovaja motivacija: sodержanie, diagnostika, upravlenie [Labour motivation: Content, diagnostics, and management]. Upravlenie chelovecheskimi resursami: menedzhment i konsul'tirovanie. Pod red. V.V. Shherbiny. M., 2004.

- [8] *Godunov A., Emshin P.* Metodika ocenki delovyh i moral'no politicheskikh kachestv rukovoditelja [Methods for Assessing Business and Moral-Political Qualities of a Leader]. L., 1972.
- [9] *Gorohovskij V.S.* Attestacija rukovodjashhix kadrov — faktor povyshenija proizvoditel'nosti truda v proizvodstve [Attestation of management personnel — a factor for increasing labor productivity in manufacturing]. Social'no-ekonomicheskie faktory povyshenija proizvoditel'nosti truda v proizvodstve. L., 1983.
- [10] *Dridze T.M.* Social'noe upravlenie i social'nye kommunikacii na rubezhe XXI veka. Preodolenie paradigmat'nogo krizisa v sociologii [Social management and social communication at the turn of the XXI century. Overcoming the paradigmatic crisis in sociology]. V kontekste kofliktologii: problemy social'noj kommunikacii i upravlencheskogo konsul'tirovanija. M., 1999.
- [11] *Dudchenko V.S.* Innovacionnye tehnologii [Innovative Technologies]. M., 1996.
- [12] *Duncan J.* Osnovopolagajushhie idei v menedzhmente [The Fundamental Ideas in Management]. M., 1996.
- [13] *Ivanov V.N., Matvienko V.Ja., Patrushev V.I., Molodyh I.V.* Tehnologii politicheskoj vlasti. Zarubezhnyj opyt [Technologies of Political Power. Foreign Experience]. Kiiiv, 1994.
- [14] *Izuchenie i formirovanie kollektivov dobychnyh i gornoprophodcheskich brigad social'no-psihologicheskimi metodami* [Study and Formation of Mining and Tunneling Teams with the Help of Socio-Psychological Methods]. M., 1985.
- [15] *Kartasheva L.V.* Upravlenie chelovecheskimi resursami [Human Resources Management]. M., 2005.
- [16] *Kovler A.N.* Izbiratel'nye tehnologii: rossijskij i zarubezhnyj opyt [Electoral Technologies: Russian and Foreign Experience]. M., 1995.
- [17] *Kotljarevskij Ju.L., Shancer A.S.* Iskusstvo modelirovanija i priroda igry [Art of Modeling and Nature of Game]. M., 1992.
- [18] *Markov B.V.* V Poiskah drugogo [In search for the Other]. *Habermas J.* Vovlechenie drugogo. Oчерki politicheskoj teorii. SPb., 2001.
- [19] *Markova L.A.* Tehnologii v social'nyh i tehniceskix sistemah: social'nyj i gumanitarnyj analiz [Technologies in social and technical systems: Social and humanitarian analysis]. Epistimologija i filosofija. 2012. Vyp. 31. № 1.
- [20] Metodicheskie materialy razrabotki i vnedrenija sistem upravlenija trudovymi resursami, proforientaciej, profotborom, podgotovkoj, obucheniem i stabilizaciej kadrov [Methodological Guidelines for the Development and Implementation of the Systems of Human Resources Management, Career Guidance, Professional Selection, Training, Education, and Stabilization]. Dnepropetrovsk, 1984.
- [21] Metodicheskie rekomendacii po formirovaniju voditel'skix ekipazhej [Methodological Guidelines for the Formation of Driving Crews]. M., 1988.
- [22] *Neymer Ju.L.* Splochnost' kak harakteristika pervichnogo proizvodstvennogo kollektiva i ee sociologicheskoe izmerenie [Unity as a feature of a primary production team, and its sociological measurement]. Sociologicheskie issledovanija. 1975. № 2.
- [23] *Nikredin G.D.* Razrabotka i vnedrenie social'nyh tehnologij v proizvodstvennom kollektive [Development and Implementation of Social Technologies in the Production Team]. M., 1990.
- [24] Organizacija podsistemy kontrolja i kontrol' adaptacii [Organization of the Monitoring Subsystem and Control of Adaptation]. Naberezhnye chelny, 1987.
- [25] *Podshivalkina V.I.* Social'nye tehnologii: problemy metodologii i praktiki [Social Technologies: Methodological and Practical Problems]. Kishinev, 1997.
- [26] *Prigozhin A.I.* Novovvedenija: stimuly i prepjatstvija [Innovations: Incentives and Obstacles]. M., 1989.
- [27] Prognoznoe social'noe proektirovanie [Predictive Social Engineering]. Pod red. T.M. Dridze. M., 1989.
- [28] Racionalizm [Rationalism]. Sovetskij enciklopedicheskij slovar'. M., 1990.

- [29] *Reutov E.V.* Legitimacija praktik administrativno-politicheskogo upravlenija [Legitimization of administrative and political management practices]. Formirovanie i razvitie social'no-politicheskoy kul'tury. Belgorod, 2010.
- [30] *Rosljakova E.E.* Racionalizacija [Rationalization]. Sociologicheskaja enciklopedija. T. 2. M., 2003.
- [31] *Simon H.A.* Teorija prinjatija reshenij v ekonomicheskoy teorii i nauke o povedenii [Theory of decision-making in economic theory and the science of behavior]. Teorija firmy. SPb., 1995.
- [32] *Sokolova G.N.* Racionalizacija [Rationalization]. Sociologija: Enciklopedija. Minsk, 2003.
- [33] Social'nye tehnologii otsenki delovyh i lichnostnyh kachestv rukovoditelej promyshlennyh predpriyatij [Social Technologies for Assessing Business and Personal Qualities of the Industrial Enterprises Managers]. Kurgan, 1987.
- [34] Social'nye tehnologii upravlenija adaptaciej [Social Technologies for Adaptation Management]. Kaluga, 1987.
- [35] *Tarasov V.K.* Personal-tehnologii. Otkor i podgotovka menedzherov [Human Resources Management Technologies. Selection and Training of Managers]. L., 1989.
- [36] *Tihonova A.V., Anikin V.A., Gorjunova S.V., Lezhnina Ju. P.* Konceptija modernizacii v rabotah klassikov sociologicheskoy mysli vtoroj poloviny XIX — nachala XX vv. [The concept of modernization in the works of the classics of sociological thought in the second half of XIX — early XX centuries]. Sociologija: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie. 2007. № 24.
- [37] *Tihonova A.V., Anikin V.A., Gorjunova S.V., Lezhnina Ju.P.* Evoljucija koncepcii modernizacii vo vtoroj polovine XX veka [Evolution of the conception of modernization in the second half of XX century]. Sociologija: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie. 2007. № 25.
- [38] Upravlenie chelovecheskimi resursami: Enciklopedija [Human Resources Management: Encyclopedia]. SPb., 2002.
- [39] Upravlenie chelovecheskimi resursami: menedzhment i konsul'tirovanie [Human Resources: Management and Consulting]. Pod red. V.V. Scherbiny. M, 2004.
- [40] *Filonovich S.R.* Diagnostika delovoj organizacii v logike teorii zhiznennyh tsiklov [Diagnostics of business organization in the logic of life cycles theory]. Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. 2005. T. 7. Vyp. 3.
- [41] *Habermas J.* Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii [Inclusion of the Other. Essays on Political Theory]. SPb., 2001.
- [42] *Habermas J.* Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie [Moral Consciousness and Communicative Action]. SPb., 1999.
- [43] *Habermas J.* Politicheskie raboty [Political Works]. M., 2005.
- [44] *Tsebelis G.* V zashhitu teorii racional'nogo vybora [In defense of the theory of rational choice]. Sovremennaja sravnitel'naja politologija: Hrestomatija. M., 1997.
- [45] *Chugunova E.S.* Kompleksnaja otsenka tvorcheskoy aktivnosti inzhenera [Complex assessment of an engineer creative activity]. Sociologicheskie issledovanija. 1984. № 3.
- [46] *Shilina S.A.* Upravlencheskij diskurs kak tehnologija kommunikacii v sisteme otnoshenij gosudarstva i obshhestva [Managerial Discourse as a Communication Technology in the System of Interaction between State and Society]. Brjansk, 2015.
- [47] *Schedrovitsky G.P.* Orgupravlencheskoe myshlenie. Ideologija, metodologija, tehnologija [Organizational Managerial Thinking. Ideology, Methodology, and Technology]. M., 2014.
- [48] *Scherbina V.V.* Osobennosti menedzhmenta kak napravlenija upravlencheskoj dejatel'nosti [Peculiarities of management as an area of administrative activity]. Sociologicheskie issledovanija. 2001. № 10.
- [49] *Scherbina V.V.* Problema menedzhmenta v sfere upravlenija chelovecheskimi resursami [Administrative problems in human resources management]. Sociologicheskie issledovanija. 2003. № 7.

- [50] *Scherbina V.V.* Problemy tehnologizacii socioinzhenernoj dejatel'nosti [Problems of technologizing socio-engineering activity]. *Sociologicheskie issledovanija*. 1990. № 8.
- [51] *Scherbina V.V.* Social'nye tehnologii: istorija pojavlenija termina, transformacija sodержanija, sovremennoe sostojanie [Social technologies: History of the concept emergence, transformations of its content, and the current state]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2014. № 7.
- [52] *Scherbina V.V.* Sociologo-diagnosticheskie tehnologii v upravlenii: teoretiko-metodologicheskie aspekty razvitija i primenenija [Social-diagnostic technologies in management: Theoretical and methodological aspects of the development and implementation]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2007. № 3.
- [53] *Scherbina V.V.* Sredstva sociologicheskoj diagnostiki v upravlenii [Sociological Diagnostics Techniques in Management]. M., 1993.
- [54] *Scherbina V.V., Sadovnikova L.B.* Sociologo-psihologicheskoe obespechenie raboty s kadrami [Socio-Psychological Tools in Human Resources Management]. Kishinev, 1989.
- [55] *Judin B.G.* Social'nye tehnologii, ih proizvodstvo i potreblenie [Social technologies, their development and implementation]. *Epistimologija i filosofija*. 2012. Vyp. 31. № 1.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ

Т.Б. Шиголакова

Кафедра социологии

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Макля, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье дана оценка эффективности государственной молодежной политики, проводимой в Республике Хакасия в 2010—2013 гг.: показано изменение количества специалистов в сфере молодежной политики, представителей общественных объединений, прошедших повышение квалификации и профессиональную переподготовку; обозначена доля молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, вовлеченных в волонтерскую деятельность, задействованных в мероприятиях, направленных на формирование культуры патриотизма, гражданственности и толерантности, участвующих в мероприятиях по повышению предпринимательской активности и вовлеченных в деятельность студенческих отрядов; проанализировано количество проектов и программ, поданных на конкурс грантов Правительства Республики Хакасия в области государственной молодежной политики; рассмотрены меры по поддержке талантливой молодежи и т.д. Автор приводит в статье показатели, позволяющие характеризовать ситуацию в разных сферах молодежной политики с точки зрения ее фокуса и приоритетных проблем. Так, в области реализации мер по противодействию злоупотребления наркотиками и их незаконному обороту сопоставлены ежегодные показатели количества молодых людей, вовлеченных в мероприятия по предупреждению наркомании, а также представлена динамика снижения преступности в сфере незаконного оборота наркотиков; в сфере профилактики правонарушений, обеспечения безопасности и общественного порядка на территории Хакасии представлены показатели снижения удельного веса преступлений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью; в области развития инновационной, научной и научно-внедренческой деятельности показана динамика увеличения количества молодых исследователей, привлеченных к такому роду деятельности, а также числа научных школ в Хакасии; дана оценка участия негосударственных некоммерческих организаций в конкурсах по предоставлению грантов по проблемам становления институтов гражданского общества, защите прав граждан, решении социально-культурных и иных общественно значимых задач развития Хакасии и т.д.

Ключевые слова: эффективность молодежной политики; волонтерская деятельность; патриотизм; гражданственность; гранты; талантливая молодежь; инновационная деятельность; ресурсные центры; трудоустроенность.

По итогам заседания Государственного совета Российской Федерации «Молодежная политика России на современном этапе» 17 июля 2009 г. был утвержден Перечень поручений от 30 июля 2009 г. № Пр-1994 ГС. В соответствии с п. 3 данного перечня органам государственной власти субъектов Российской Федерации рекомендовано разработать региональные программы в сфере молодежной политики, предусмотрев в них меры по поддержке талантливой молодежи, развитию предпринимательства, волонтерского движения, формированию культуры межэтнических и межконфессиональных отношений в молодежной среде.

Молодежная политика по своей сути многоаспектна. В республике Хакасия за период 2010—2013 гг. реализованы республиканские целевые программы, которые касаются претворения молодежной политики:

— «Молодежь Хакасии на 2010—2013 годы»;

— «Профилактика правонарушений, обеспечение безопасности и общественного порядка в Республике Хакасия (2011—2013 годы)»;

— «Предоставление грантов Республики Хакасия негосударственным некоммерческим организациям Республики Хакасия на 2008—2010 годы» и «Повышение роли негосударственных некоммерческих организаций Республики Хакасия в становлении институтов гражданского общества, защите прав граждан, решении социально-культурных и иных общественно значимых задач развития Республики Хакасия (2011—2013 годы)»;

— «Комплексные меры по профилактике злоупотребления наркотиками и их незаконного оборота в Республике Хакасия (2011—2013 годы)»;

— «Развитие физической культуры и спорта в Республике Хакасия на 2010—2013 годы»;

— «Жилище» на 2006—2010 гг. и 2011—2015 гг.;

— «Содействие занятости населения Республики Хакасия (2011—2013 годы)»;

— «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями в Республике Хакасия на 2008—2010 годы», «Развитие здравоохранения Республики Хакасия (2011—2013 годы)», «Модернизация системы здравоохранения» в 2012 г.;

— «Развитие трудовых ресурсов Республики Хакасия (2011—2013 годы)».

В научной литературе эффективность реализации государственной молодежной политики изучена недостаточно. Одни авторы рассматривают проблемы оптимизации управления методом социального аудита [10]; другие освещают проблемы государственного регулирования молодежной политики, отмечая, что степень ее реализации на местах во многом зависит от уровня развития региона [11]; третьи интересуют показатели эффективности реализации государственной молодежной политики; четвертые полагают, что приоритетными направлениями реализации молодежной политики в России являются расширение государственной поддержки деятельности детских и молодежных общественных объединений, обеспечение молодых семей жильем, пропаганда здорового образа жизни, духовно-нравственное влияние на молодежь (несмотря на расхождение декларируемых и реализуемых на федеральном уровне приоритетов и направлений молодежной политики). В государственном докладе «О мерах по совершенствованию реализации государственной молодежной политики в РФ» от 13 июня 2013 г. директора Департамента дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики Минобрнауки Российской Федерации А.Э. Страдзе обозначил основные направления развития молодежной политики до 2020 г., а также проблемы региональной специфики молодежной политики.

Молодежь является наиболее перспективным объектом государственных инвестиций, поэтому проблема общественно-политического, социально-экономического и духовно-культурного развития молодых граждан является одной из наиболее приоритетных задач развития республики. Применение программно-целевого метода позволит охватить большинство направлений сферы молодежной политики путем развития общественно-государственного партнерства. Прежде всего, партнерство должно развиваться через привлечение к реализации государственной молодежной политики детских и молодежных общественных объединений, расширение сети учреждений по работе с молодежью, повышение квалификации пред-

ставителей заинтересованных ведомств и общественных объединений, развитие системы мероприятий для молодежи.

Основной программой по реализации молодежной политики является республиканская целевая программа «Молодежь Хакасии на 2010—2013 годы». Целью программы является создание условий для развития потенциала молодежи и последующего вовлечения ее в общественную, социально-экономическую и духовно-культурную жизнь Республики Хакасия. Для достижения цели предполагается решение следующих задач:

— подготовка и обучение специалистов в области государственной молодежной политики и представителей детских и молодежных общественных объединений;

— создание условий для развития эффективных моделей трудовой активности учащейся и студенческой молодежи, в том числе через систему вторичной занятости и студенческих трудовых отрядов;

— развитие инновационного потенциала и предпринимательской активности молодого поколения;

— развитие системы патриотического воспитания, национального самосознания и толерантности в молодежной среде;

— поиск, поддержка одаренных детей и молодежи, создание условий для развития их интеллектуального и творческого потенциала.

Одной из проблем реализации молодежной политики является нехватка профессиональных кадров, что непосредственно отражается на качестве проводимой молодежной политики. Каждому направлению социальной политики присуща своя специфика и подготовка профессиональных кадров, повышение уровня специалистов качественно благоприятно скажется на показателях проделанной работы в области реализации молодежной политики. Также главной задачей является создание системы работы с молодежью в Республике Хакасия посредством развития сети учреждений по работе с молодежью, совершенствования работы в приоритетных направлениях государственной молодежной политики. Для достижения цели необходимо решение таких задач, как модернизация материально-технической базы учреждений по работе с молодежью (молодежных центров), расширение их сети, модернизация системы подготовки и формирование механизмов непрерывного образования специалистов по работе с молодежью.

Безусловно, деятельность специалистов сферы молодежной политики направлена на решение этих проблем, но в связи с недостаточным кадровым обеспечением существуют определенные сложности, остается ряд нерешенных проблем, связанных с обеспечением досуга, самоорганизацией молодежи. Недостаточное количество специалистов по работе с молодежью в муниципальных образованиях республики не позволяет охватить все направления молодежной политики.

Программными мероприятиями в достижении поставленной задачи являются создание системы подготовки и формирование механизма непрерывного образования специалистов по работе с молодежью; обучение представителей общественных объединений; внедрение и проведение ежегодного мониторинга реализации

государственной молодежной политики на территории республики, проведение конкурса профессионального мастерства работников в области государственной молодежной политики республики.

Количество специалистов и работников сферы молодежной политики, представителей общественных объединений, прошедших повышение квалификации и профессиональную переподготовку в 2010 г. увеличилось почти в 2 раза по сравнению с предыдущим годом и составило 25 чел. (план 13 чел.), в 2011 г. также происходит увеличение количества в 2 раза — 50 чел. (план 30). В 2013 г. работа в данном направлении была продолжена и составила 42 чел. (план 40).

Реализации задачи по созданию условий для развития эффективных моделей трудовой активности учащейся и студенческой молодежи, развития инновационного потенциала и предпринимательской активности молодого поколения согласно целевой программе будут способствовать такие меры, как организация обучающих мероприятий, направленных на повышение уровня предпринимательской активности в молодежной среде; на развитие движения студенческих отрядов, поощрение добровольческой деятельности в молодежной среде.

Молодежная политика республики Хакасия осуществляется на основе сотрудничества с коммерческим и общественным секторами. Региональная Общественная организация Республики Хакасия «Клуб „Деловое развитие“» реализовала проект «Молодежная школа предпринимательства», в рамках которой проходило бесплатное обучение молодежи для тех, кто желает открыть свой бизнес. Следующим этапом стала реализация бизнес-проектов при финансовой поддержке инвесторов. Количество молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, участвующих в мероприятиях по повышению предпринимательской активности в 2011 г., составило 152 чел. (план 150 чел.). В 2012 г. несколько уменьшилось количество молодых людей, принявших участие в мероприятиях, направленных на повышение предпринимательской активности — до 105 чел. (вместо запланированных 150). В 2013 г. снова происходит рост активности молодежи в данном направлении, в мероприятиях приняли участие 170 чел. (план 160 чел.).

Количество молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, вовлеченных в деятельность студенческих отрядов, составило в 2011 г. 150 чел. В 2012 г. произошло существенное увеличение количества молодых людей со 150 до 500 чел. В следующем, 2013 г., количество молодых людей составило 650 чел. (при запланированных 500). Добровольческое движение также активизировалось за последние годы. Получили развитие молодежные форумы, целью которых является популяризация идеи добровольчества как философии жизни, создание условий для обмена информацией и опытом между добровольцами, поиск новых идей для развития волонтерского движения. Так, доля от общего количества молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, вовлеченных в волонтерскую деятельность, за период с 2010 по 2013 гг. нарастающим итогом составила в 2010 г. 3%; в 2011 г. увеличилась почти в два раза — 5%; в 2012 г. — 7%; 2013 г. — 9%.

В целях развития системы патриотического воспитания, национального самосознания и толерантности в молодежной среде программой предусмотрена реали-

зация таких мер, как организация и проведение тематических форумов, круглых столов, слетов, спортивных и других массовых межрегиональных и республиканских мероприятий для молодежи; слет общественных объединений патриотической направленности. В республике ежегодно проводится республиканский туристско-патриотический слет «Гора выживания». Доля от общего количества молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, задействованных в мероприятиях, направленных на формирование культуры патриотизма, гражданственности и толерантности, составила в 2010 г. 3%, в 2011 — 4,1% (план 4%), в 2012 — 4,5%; 2013 — 5%.

Актуальным и действенным механизмом реализации молодежной политики является грантовая поддержка Правительства Республики Хакасия. Грантовая поддержка молодежных проектов — инструмент, позволяющий целенаправленно решать существующие проблемы силами и средствами самой молодежи. С 2005 г. введен конкурс на соискание грантовой поддержки Правительства Республики в области молодежной политики. Направлениями грантовой поддержки являются: организация помощи молодым людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; вовлечение молодежи в социальную практику, развитие добровольчества; работа с молодой семьей, создание условий для укрепления молодой семьи; мероприятия, направленные на создание благоприятной экологической ситуации; пропаганда и организация здорового образа жизни; развитие системы патриотического воспитания молодежи. Количество проектов и программ, поданных на конкурс на соискание грантов Правительства Республики Хакасия в области государственной молодежной политики, увеличивается с каждым годом: в 2011 г. их было 42 (план 40), в 2012 г. — 45, в 2013 г. — 50.

Для достижения задачи поиска, поддержки одаренных детей и молодежи, создания условий для развития их интеллектуального и творческого потенциала программой предусмотрено учреждение Премии Главы Республики Хакасия — Председателя Правительства Республики Хакасия учащейся и работающей молодежи; именные стипендии Республики Хакасия студентам высших учебных заведений; фестиваль творчества молодежи Республики Хакасия «Весна в Хакасии»; конкурс инновационных проектов молодежи; поездки на международные, межрегиональные и всероссийские слеты, конференции, фестивали, сборы; реализация программы Главы Республики Хакасия — Председателя Правительства Республики Хакасия «Альфа». Республиканская молодежная программа Главы Правительства Республики Хакасия «Альфа» успешно действует с 2010 г. Цель программы заключается в выявлении молодых людей, способных реализовать свой потенциал в интересах Республики Хакасия и создание для них необходимой социальной, материальной и образовательной среды. Участниками являются молодые люди в возрасте 16—30 лет, эксперты по направлениям специализации молодежи, инвестиционные сообщества, представители органов власти регионального и муниципального уровней, организации государственного и коммерческого секторов.

Программа состоит из четырех этапов, реализуемых в течение года. На каждом этапе происходит отбор самых активных молодых ребят. Первый этап «Аль-

фа-старт» заключается в презентации программы, формировании базы активной молодежи и распределении участников на группы специализации. На втором этапе «Альфа-спец» происходит обучение молодежных сообществ в форме семинаров, лекций, мастер-классов, тренингов. Последующий уровень «Альфа-практик» заключается в поддержке молодежных проектов, самые лучшие финансируются правительством Республики. На заключительном этапе «Альфа-лидер» проходит неделя дублера в Правительстве Республики, самые лучшие кандидаты проходят стажировки в Правительстве Республики Хакасия, и главным итогом программы является трудоустройство молодых людей в государственные органы власти.

Значимыми результатами программы также можно назвать: формирование банка идей и проектов по решению проблем в различных сферах жизни республики; реализацию социальных и бизнес-проектов; формирование кадрового резерва из числа социально-активной и профессионально успешной молодежи республики; проведение обучения молодых людей; трудоустройство. В рамках реализации программы «Альфа» глава правительства устраивает пресс-конференции с активной молодежью.

Также реализуется такое направление по формированию кадрового резерва для органов законодательной власти Республики Хакасия, как «Школа молодого депутата», организованная Общественной палатой Республики Хакасия, Избирательной комиссией Республики Хакасия.

Конечно, существуют разные оценки молодежного парламентаризма. Здесь необходимо скорее воспринимать как систему молодежного управления, способствующую постоянному выявлению, подготовке молодых лидеров. Молодежное правительство — это не только «социальный лифт», но и способ вникнуть в работу органов исполнительной власти, механизм эффективного внедрения многочисленных молодежных проектов.

Количество молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, получивших премии Главы Республики Хакасия — Председателя Правительства Республики Хакасия, именные стипендии Республики Хакасия, составило в 2011 г. 18 чел. (запланировано 20), в 2012 г. — 22, в 2013 г. — 22. В 2013 г. количество молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, участвующих в мероприятиях Государственного бюджетного учреждения Республики Хакасия «Центр молодежных инициатив», достигло 3000. Также программными мерами предусмотрена организация деятельности специализированных (профильных) лагерей и смен, туризма и отдыха молодежи. Важным является и информационная составляющая, что предполагает изготовление и распространение печатных изданий, видеоматериалов, освещающих реализацию молодежной политики в регионе.

В рамках реализации республиканской целевой программы «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту в Республике Хакасия на 2008—2010 годы» доля подростков и молодежи в возрасте от 11 до 24 лет от общей численности этой возрастной категории, вовлеченных в профилактические мероприятия, в 2010 г. составила 12% (план 15%). В 2011 г. происходит увеличение доли детей в возрасте от 11 до 18 лет, вовлечен-

ных в профилактические мероприятия, по отношению к общей численности указанной категории лиц до 62% (план до 57%); в 2012 г. — 63%; 2013 — 65%; в возрастной категории 18—24 лет в 2011 г. 32% (план — до 15%); в 2012 г. — 16,1%; в 2013 г. — 17%. В 2010 г. доля больных наркоманией, прошедших лечение и реабилитацию, длительность ремиссии у которых составляет не менее 3 лет, по отношению к общему числу больных наркоманией составила 12% (план 10%). Произошло существенное увеличение удельного веса больных наркоманией, прошедших лечение и реабилитацию, от общего числа больных наркоманией, состоящих на диспансерном учете: в 2010 г. на 5,5%, в 2012 г. на 9,4%, в 2013 г. на 31,9%.

В 2011 г. происходит снижение показателя первичной заболеваемости — синдромом зависимости от наркотических веществ из расчета числа больных с впервые установленным диагнозом на 100 тыс. человек населения — 22,9 (план — до 19,2); в 2012 г. зафиксировано снижение до 12,8, а в 2013 г. — до 8,8.

Снижение преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в 2010 г. зафиксировано на 12,6% при плане в 2%. По итогам 2011 г. площадь уничтоженных очагов дикорастущей конопли на территории Республики Хакасия составила 611,2 га (план 800 га), в 2012 г. — 891,9 га; в 2013 г. — 1000 га.

В рамках исполнения республиканской целевой программы «Профилактика правонарушений на территории Республики Хакасия на 2007—2010 годы» зафиксировано снижение на 19% удельного веса преступлений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью. Также произошло снижение общего количества совершаемых преступлений (на 4,3%), снижение количества преступлений, совершаемых на улицах и в других общественных местах (на 5,3%), снижение уровня рецидивной и «бытовой» преступности — на 0,4%. Результатом долгосрочной республиканской целевой программы «Профилактика правонарушений, обеспечение безопасности и общественного порядка в Республике Хакасия (2011—2013 годы)» явилось увеличение количества лиц, охваченных мероприятиями, направленными на повышение культурного, спортивного, правового, нравственного и военно-патриотического воспитания граждан: в 2011 г. на 9,5% (план 5%), в 2012 г. на 5%, в 2013 г. — на 5%.

Увеличение количества лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, которым оказана экстренная психологическая помощь специалистами республиканской службы «Единый социальный телефон», выглядит следующим образом: в 2011 г. — 80,7% (план на 5%), в 2012 г. — 75,5% (план на 5%), в 2013 г. — 79,3%.

Изучив динамику изменений ежегодных показателей, можно сделать выводы, что программа «Молодежь Хакасии на 2010—2013 гг.» достаточна эффективна. Вовлечение молодых людей в волонтерскую деятельность и участие в мероприятиях, направленных на формирование культуры патриотизма, гражданственности и толерантности, происходит достаточно активно. Растет количество проектов и программ, поданных на конкурс на соискание грантов Правительства Республики Хакасия в области государственной молодежной политики.

Стоит отметить, что участие молодежи в мероприятиях по повышению предпринимательской активности носит переменный характер. Вовлечение молодых

людей в деятельность студенческих отрядов заметно возросло. Премирование именными стипендиями Главы Республики Хакасия — Председателя Правительства Республики Хакасия носит постоянный характер.

Если в области вовлечения подростков и молодежи в профилактические мероприятия по антинаркотической кампании детей в возрасте от 11 до 18 лет отмечается стабильный рост, то тот же показатель в отношении молодежи 18—24 лет характеризуется нестабильностью.

Реализация мер по претворению политики в отношении молодежи в рамках исполнения республиканских целевых программ «Профилактика правонарушений на территории Республики Хакасия на 2007—2010 годы» и «Профилактика правонарушений, обеспечение безопасности и общественного порядка в Республике Хакасия (2011—2013 годы)» привела к снижению удельного веса преступлений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью. Нарастающим итогом отмечено увеличение количества лиц, охваченных мероприятиями, направленными на повышение культурного, спортивного, правового, нравственного и военно-патриотического воспитания граждан и оказавшихся в трудной жизненной ситуации, которым оказана экстренная психологическая помощь специалистами республиканской службы «Единый социальный телефон».

В области развития инновационной, научной и научно-внедренческой деятельности в Республике Хакасия нарастающим итогом отмечено увеличение количества:

- молодых исследователей, привлеченных к инновационной, научной и научно-внедренческой деятельности, в рамках реализации региональных проектов;
- участников в конкурсах грантов молодых исследователей и проектов, поддержанных в рамках региональных конкурсов;
- научно-педагогических работников научных организаций и образовательных учреждений, защитивших кандидатские диссертации;
- научных школ Республики Хакасия;
- научных проектов, внедренных в реальный сектор экономики;
- хозяйствующих обществ, созданных бюджетными научными и высшими учебными заведениями, являющимися бюджетными образовательными учреждениями, в целях практического применения интеллектуальной деятельности.

Весьма успешно реализуется программа предоставления грантов негосударственным некоммерческим организациям Республики Хакасия. Так, в рамках долгосрочной республиканской целевой программы «Повышение роли негосударственных некоммерческих организаций Республики Хакасия в становлении институтов гражданского общества, защите прав граждан, решении социально-культурных и иных общественно значимых задач развития Республики Хакасия (2011—2013 годы)» отмечено ежегодное увеличение количества НКО, принявших участие в конкурсах на предоставление грантов. Стоит отметить, что доля НКО, получивших поддержку для проведения мероприятий, направленных на поддержку образования и просветительства, гражданско-патриотическое воспитание, профилактику негативных явлений в подростковой и молодежной среде от общего количества обратившихся за получением гранта по данному направлению, незначительно уменьшилась за период 2011—2013 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Василенко Л.В., Макагонов П.П., Тадораишко К.П.* Взаимодействие муниципальных и государственных структур управления с некоммерческими организациями. Самара, 2002.
- [2] Долгосрочная республиканская целевая программа «Комплексные меры по профилактике злоупотребления наркотиками и их незаконного оборота в Республике Хакасия (2011—2013 годы)».
- [3] Долгосрочная республиканская целевая программа «Повышение роли негосударственных некоммерческих организаций Республики Хакасия в становлении институтов гражданского общества, защите прав граждан, решении социально-культурных и иных общественно значимых задач развития Республики Хакасия (2011—2013 годы)».
- [4] Долгосрочная республиканская целевая программа «Профилактика правонарушений, обеспечение безопасности и общественного порядка в Республике Хакасия (2011—2013 годы)».
- [5] Долгосрочная республиканская целевая программа «Развитие здравоохранения Республики Хакасия (2011—2013 годы)».
- [6] Долгосрочная республиканская целевая программа «Развитие инновационной, научной и научно-внедренческой деятельности в Республике Хакасия (2011—2015 годы)».
- [7] Долгосрочная республиканская целевая программа «Развитие образования в Республике Хакасия (2011—2015 годы)».
- [8] Долгосрочная республиканская целевая программа «Развитие трудовых ресурсов Республики Хакасия (2011—2013 годы)».
- [9] Долгосрочная республиканская целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Республике Хакасия на 2010—2013 годы».
- [10] *Зерчанинова Т.Е., Позднякова Е.В.* Социальный аудит молодежных целевых программ // Известия высших учебных заведений: Социология. Экономика. Политика. 2009. № 4. С. 83—87.
- [11] *Криницкий А.Я.* Эффективность государственной молодежной политики: проблема выбора и измерители показателей // Известия высших учебных заведений: Социология. Экономика. Политология. 2009. № 2.
- [12] Отчет об исполнении республиканских целевых программ республиканского бюджета Республики Хакасия за 2010 год с оценкой достижения результатов программ // URL: <http://www.r-19.ru/authorities/ministry-of-finance-of-the-republic-of-khakassia/common/byudzhetnaya-reforma/realizatsiya-tselevykh-programm/3otchet-ob-ispolnenii-respublikanskikh-tselevykh-programm-respublikanskogo-byudzhet-respubliki-khak.html>.
- [13] Отчет об исполнении республиканских целевых программ республиканского бюджета Республики Хакасия за 2011 год, с оценкой достижения результатов программ // URL: <http://www.r-19.ru/authorities/ministry-of-finance-of-the-republic-of-khakassia/common/byudzhetnaya-reforma/realizatsiya-tselevykh-programm/otchet-ob-ispolnenii-respublikanskikh-tselevykh-programm-respubliki-khakasiya-za-2011-god-s-otsenkoy.html>.
- [14] Отчет об исполнении республиканских целевых программ республиканского бюджета Республики Хакасия за 2012 год, с оценкой достижения результатов программ // URL: <http://www.r-19.ru/authorities/ministry-of-finance-of-the-republic-of-khakassia/common/byudzhetnaya-reforma/realizatsiya-tselevykh-programm/otchet-ob-ispolnenii-respublikanskikh-tselevykh-programm-respubliki-khakasiya-za-2012-god-s-otsenkoy.html>.
- [15] Отчет об исполнении республиканских целевых программ республиканского бюджета Республики Хакасия за 2013 год, с оценкой достижения результатов программ // URL: <http://www.r-19.ru/authorities/ministry-of-finance-of-the-republic-of-khakassia/common/byudzhetnaya-reforma/realizatsiya-tselevykh-programm/otchet-ob-ispolnenii-respublikanskikh-tselevykh-programm-respubliki-khakasiya-za-2013-god-s-otsenkoy.html>.

- [16] Положение о конкурсе на соискание премий Главы Республики Хакасия — Председателя Правительства Республики Хакасия — учащейся и работающей молодежи, утвержденное постановлением Правительства Республики Хакасия от 22.06.2004 № 177 (с последующими изменениями).
- [17] Республиканская целевая программа «Молодежь Хакасии на 2010—2013 годы».
- [18] Республиканская целевая программа «Жилище» на 2006—2010 гг. и 2011—2015 гг.
- [19] Республиканская целевая программа «Предоставление грантов Республики Хакасия негосударственным некоммерческим организациям Республики Хакасия на 2008—2010 годы».
- [20] Республиканская целевая программа «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями в Республике Хакасия на 2008—2010 годы».

EFFICIENCY OF THE STATE YOUTH POLICY IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

T.B. Shigolakova

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russi, 117198

The article considers the efficiency of the state youth policy in the Republic of Khakassia in 2010—2013 focusing on the changes in the number of specialists in the field of youth policies, and representatives of public associations that completed the advanced training and retraining programs; on the percentage of young people aged 14 to 30 involved in volunteer activities and projects for promoting ideas of patriotism, civil responsibility and tolerance, as well as in business activities and student groups; on the number of projects and programs submitted for the grant competition of the Government of the Republic of Khakassia in the field of youth policies; and on the measures to support talented young people, etc. The author identifies key indicators to assess the situation in the different spheres of the youth policy in terms of its focus and priorities. For instance, to evaluate the efficiency of measures to combat drug abuse and illegal drug trafficking we are to compare the annual numbers of young people involved in activities to prevent drug abuse, and to consider the dynamics of decrease of drug trafficking; to evaluate the efficiency of crime prevention, and maintaining security and public order we are to consider the rates of crimes committed by minors and young people; to assess the development of innovative, scientific and applied activities we are to check the dynamics of the number of young researchers involved in such activities, as well as the number of scientific schools in Khakassia, etc.

Key words: efficiency of youth policy; volunteer activity; patriotism; civil consciousness; grants; talented young people; innovative activity; resource centers; employment.

REFERENCES

- [1] *Vasilenko L.V., Makagonov P.P., Tadorashko K.P. Vzaimodejstvie municipal'nyh i gosudarstvennyh struktur upravlenija s nekommercheskimi organizacijami [Interaction of municipal and state administrative agencies with non-profit organizations]. Samara, 2002.*
- [2] *Dolgosrochnaja respublikanskaja celevaja programma «Kompleksnye mery po profilaktike zloupotreblenija narkotikami i ih nezakonnogo oborota v Respublike Khakasija (2011—2013 gody)» [Long-term republican target program “Complex measures for prevention of drug abuse and illegal trafficking in the Republic of Khakassia (2011—2013)”].*

- [3] Dolgosrochnaja respublikanskaja celevaja programma «Povyshenie roli negosudarstvennyh nekommercheskih organizacij Respubliki Khakasija v stanovlenii institutov grazhdanskogo obshhestva, zashhite prav grazhdan, reshenii social'no-kul'turnyh i inyh obshhestvenno znachimyh zadach razvitija Respubliki Khakasija (2011—2013 gody)» [Long-term republican target program “Enhancing the role of NGOs in the Republic of Khakassia in the formation of civil society, protection of citizens’ rights, and solving socio-cultural and other socially important tasks of the Republic of Khakassia (2011—2013)”].
- [4] Dolgosrochnaja respublikanskaja celevaja programma «Profilaktika pravonarushenij, obespechenie bezopasnosti i obshhestvennogo porjadka v Respublike Khakasija (2011—2013 gody)» [Long-term republican target program “Prevention of offenses, and ensuring security and public order in the Republic of Khakassia (2011—2013)”].
- [5] Dolgosrochnaja respublikanskaja celevaja programma «Razvitie zdavoohranenija Respubliki Khakasija (2011—2013 gody)» [Long-term republican target program “Development of the public health system in the Republic of Khakassia (2011—2013)”].
- [6] Dolgosrochnaja respublikanskaja celevaja programma «Razvitie innovacionnoj, nauchnoj i nauchno-vnedrencheskoj dejatel'nosti v Respublike Khakasija (2011—2015 gody)» [Long-term republican target program “Development of the innovative, scientific and applied activities in the Republic of Khakassia (2011—2015)”].
- [7] Dolgosrochnaja respublikanskaja celevaja programma «Razvitie obrazovanija v Respublike Khakasija (2011—2015 gody)» [Long-term republican target program “Development of education in the Republic of Khakassia (2011—2015)”].
- [8] Dolgosrochnaja respublikanskaja celevaja programma «Razvitie trudovyh resursov Respubliki Khakasija (2011—2013 gody)» [Long-term republican target program “Development of human resources in the Republic of Khakassia (2011—2013)”].
- [9] Dolgosrochnaja respublikanskaja celevaja programma «Razvitie fizicheskoj kul'tury i sporta v Respublike Khakasija na 2010—2013 gody» [Long-term republican target program “Development of physical culture and sports in the Republic of Khakassia in 2010—2013”].
- [10] *Zerchaninova T.E., Pozdnjakova E.V.* Social'nyj audit molodezhnyh celevykh program [Social audit of the youth target programs] // *Izvestija vysshih uchebnykh zavedenij: Sociologija. Ekonomika. Politika.* 2009. №4.
- [11] *Krinickij A. Ya.* Effektivnost gosudarstvennoj molodezhnoj politiki: problema vybora i izmeriteli pokazatelej [Efficiency of the state youth policy: The problem of choice and measurement indicators] // *Izvestija vysshih uchebnykh zavedenij: Sociologija. Ekonomika. Politologija.* 2009. № 2.
- [12] Otchet ob ispolnenii respublikanskih celevykh programm respublikanskogo byudzheta Respubliki Khakasija za 2010 god s ocenкой dostizheniya rezul'tatov program [Report on the implementation of the republican target programs of the republican budget of the Republic of Khakassia in 2010 with the assessment of the program results].
- [13] Otchet ob ispolnenii respublikanskih celevykh programm respublikanskogo byudzheta Respubliki Khakasija za 2011 god s ocenкой dostizheniya rezul'tatov program [Report on the implementation of the republican target programs of the republican budget of the Republic of Khakassia in 2011 with the assessment of the program results].
- [14] Otchet ob ispolnenii respublikanskih celevykh programm respublikanskogo byudzheta Respubliki Khakasija za 2012 god s ocenкой dostizheniya rezul'tatov program [Report on the implementation of the republican target programs of the republican budget of the Republic of Khakassia in 2012 with the assessment of the program results].
- [15] Otchet ob ispolnenii respublikanskih celevykh programm respublikanskogo byudzheta Respubliki Khakasija za 2013 god s ocenкой dostizheniya rezul'tatov program [Report on the implementation of the republican target programs of the republican budget of the Republic of Khakassia in 2013 with the assessment of the program results].

- [16] Polozhenie o konkurse na soiskanie premij Glavy Respubliki Khakasija — Predsedatelja Pravitel'stva Respubliki Khakasija — uchashhejsja i robotajushhej molodezhi, utverzhdennoe postanovleniem Pravitel'stva Respubliki Khakasija ot 22.06.2004 № 177 (s posledujushhimi izmenenijami) [Regulations of the competition for the award of the Head of the Republic of Khakassia — Prime Minister of the Republic Khakassia — for students and young workers].
- [17] Respublikanskaja celevaja programma «Molodezh' Khakasii na 2010—2013 gody» [Republican target program “Youth of Khakassia for 2010—2013”].
- [18] Respublikanskaja celevaja programma «Zhilishhe» na 2006—2010 gody i 2011—2015 gody [Republican target program “Housing” for 2006—2010 and 2011—2015].
- [19] Respublikanskaja celevaja programma «Predostavlenie grantov Respubliki Khakasija negosudarstvennym nekommercheskim organizacijam Respubliki Khakasija na 2008—2010 gody» [Republican target program “Grants of the Republic of Khakassia for NGOs of Khakassia for 2008—2010”].
- [20] Respublikanskaja celevaja programma «Preduprezhdenie i borba s socialno znachimymi zabolovanijami v Respublike Khakasija na 2008—2010 gody» [Republican target program “Prevention and control of social diseases in the Republic of Khakassia in 2008—2010”].

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНФЛИКТЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М.М. Акулич

Кафедра общей и экономической социологии
Тюменский государственный университет
ул. Семакова, 10, Тюмень, Россия, 625000

Статья посвящена исследованию противоречий и конфликтов в современном российском образовании, определению возможностей управления конфликтными ситуациями. Исследование проведено с использованием институционального и системного подходов, фундаментальных положений, касающихся социальных конфликтов и социального согласия, предложенных в трудах социологов. Проведен историко-социологический анализ социальных конфликтов и социального согласия в образовании. Конфликты в образовании предстают как результат развития противоречий, присущих этому социальному институту. Предложены и проанализированы основные конфликты в современном российском образовании. Рассмотрены пути достижения согласия между субъектами взаимодействия в развитии системы российского образования и образовательном процессе. Конфликт в образовании анализируется как управляемый процесс. Выявлены основные противоречия в системе «общество—образование». Обоснована авторская классификация видов конфликтов в образовании. Конфликты в образовании рассмотрены во взаимосвязи с согласием. Приведены некоторые данные эмпирического исследования, в рамках которого изучалось отношение к конфликтам. Реализация практических мер в соответствии с выделенными автором видами конфликтов будет способствовать повышению качества обучения школьников и студентов, окажет позитивное влияние на функционирование и развитие современного российского общества. Материалы, приведенные в статье, могут быть полезны социологам, педагогам, менеджерам образования и всем интересующимся конфликтами и возможностями разрешения конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: противоречие, социальный конфликт, социальное согласие, виды конфликтов, управление конфликтом.

Современный период развития российского образования характеризуется трансформациями и преобразованиями, требующими научного осмысления, определения направленности и тенденций, противоречий и конфликтов. Образование как важнейший социальный институт претерпевает в современных условиях существенные структурные и функциональные изменения [15].

Конфликты, возникающие в процессе функционально-ролевых отношений между учителями и учениками, межпоколенческие конфликты рассмотрены в ра-

ботах Дж. Карабель, А. Хэлси «Личность и социальные конфликты», С. Боулз «Школьное образование в капиталистической Америке», Г. Джинтис и др. [9. С. 71—73].

Следует отметить, что противоположностью конфликта является согласие. Социальное согласие в социологии определяется как состояние, процесс и признак взаимодействия между социальными субъектами. «Социальное согласие — это характеристика состояния и взаимодействий между социальными субъектами, находящимися в единстве, имеющими сходные, совпадающие ценности, потребности, интересы и цели, при которых социальная система обладает солидарностью, сплоченностью, интеграцией, упорядоченностью, стабильностью и устойчивостью, сохраняется как целостность» [13. С. 41—42]. Нарушение согласия ведет к конфликту, а конфликт в конечном счете приводит к новому согласию. Полярность согласия или конфликта является явлением временным, благодаря усилиям одной или нескольких сторон конфликта она со временем сглаживается. Конфликт возникает тогда, когда люди не могут и не умеют договариваться, а это случается не так уж редко. Согласие направлено на созидание, конфликт — на разрушение, переход конфликта в согласие знаменует разрушение старого и созидание нового, хотя это новое не всегда лучше старого.

Понятие конфликта широко используются в социологической науке. Существует множество его дефиниций.

Можно согласиться с определением конфликта, приведенным Е.М. Бабосовым. «Конфликт социальный (от латинского *conflictus* — столкновение) есть предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между индивидами и различными социальными общностями, направленной на достижение экономических, социальных, политических, духовных целей, нейтрализацию или устранение действительного или мнимого соперника и не позволяющей ему добиться реализации его интересов» [2. С. 55]. В целом конфликт есть всегда противостояние, столкновение сторон, убеждений, ценностей, интересов, целей и сил.

М. Вебер, рассматривая образование во взаимосвязи с социальной стратификацией, как известно, назвал профессию и образование в качестве важного критерия социального статуса. Образование является сложным социальным институтом, обладающим единством и противоречиями. Сущность конфликта можно рассмотреть через противоречие, а согласия — через единство. Единство образования и отдельных его частей, элементов проявляется в консенсусе, порядке, солидарности, сотрудничестве, сплоченности, толерантности, доверии и т.д. Противоречия в образовании проявляются в напряженности, конфликтах, коррупции и т.д.

Современная система российского образования обладает многими противоречивыми тенденциями. Разрешение имеющихся в образовании противоречий и конфликтов требует глубокого анализа организации и разделения труда, системы ролей и статусов, распределения власти и управления, регулирования изменений, выявления базовых ценностей. Система образования обеспечивает интеллектуальное и профессиональное развитие личности, создавая тем самым профессиональ-

ную среду общества в целом. Присоединение Российской Федерации к Болонскому процессу (сентябрь 2003 г.) привело к существенным изменениям в системе образования. Осуществлена интеграция образовательных систем, обеспечен высокий уровень компьютеризации образовательного процесса, введены новые требования к образованию и новые формы контроля качества образования. Происходящие изменения способствовали возникновению противоречия традиционных и инновационных форм обучения, образовательных программ, норм и ценностей. Традиционная система российского образования и формирующаяся новая российская система образования оказались в отношениях противоречия. Это способствовало появлению разнообразных конфликтов, в том числе и таких, которых не было в предшествующий период. В этой связи имеется необходимость и насущная потребность изучения и определения специфики конфликтов в образовании на всех его уровнях.

На уровне взаимодействия «общество—образование» можно выделить следующие противоречия, приводящие к появлению конфликтов в образовании.

1. Между основными положениями концепции новой образовательной политики (стратегии развития системы образования) и существующей реально образовательной системой.

2. Между уровнем финансового и материально-технического обеспечения системы образования и требованиями ее развития.

3. Между модернизационными целями и модернизационным потенциалом образования.

4. Между структурными компонентами образования как системы, а также между взаимодействующими субъектами процесса образования.

5. Между ожиданиями населения и реальной практикой реформирования российского образования.

6. Между высшим профессиональным образованием и рынком труда.

Конкретными причинами конфликтов в образовании являются закрытие учебных заведений по различным причинам, социально-трудовые конфликты, проблемы материального характера, с которыми сталкиваются учебные заведения, неудовлетворенность работников образования материальным вознаграждением, функционально-ролевые отношения между учащимися и учителями (преподавателями), межпоколенческие различия в образовательных и иных ценностях.

ВИДЫ КОНФЛИКТОВ В ОБРАЗОВАНИИ

В системе современного российского образования существуют различные типы и виды конфликтов. В соответствии с субъектами взаимодействия в образовательном пространстве можно выделить следующие виды конфликтов.

Конфликт «государство — вуз(ы), колледж(и), школа(ы)». В условиях модернизации такие конфликты закономерны и неизбежны. Реорганизация и закрытие вузов в связи с несоответствием государственным требованиям ведут к возникновению указанных конфликтов. Особенностью этих конфликтов является то, что они носят латентный характер. Современное реформирование системы образова-

ния в России вызывает несогласие с методами и формами его осуществления. Педагогические коллективы в значительной степени не понимают сути реформ, смысла и необходимости их проведения. Это значительной степени способствует повышению уровня конфликтности учебных заведений и государства. Предупреждение таких конфликтов достигается посредством информационной и разъяснительной работы с привлечением СМИ, использованием возможностей Интернета. Важное значение в этом процессе имеют дискуссии, проводимые на государственном уровне, учет Министерством образования и науки РФ мнения вузовской, школьной общественности, общественных объединений, имеющих в системе образования.

Конфликт «вуз (колледж, школа) — общество» связан непосредственно с процессом обучения и его результатами. Здесь можно выделяются следующие противоречия:

— отставание интеллектуального и творческого уровня выпускаемых учеников и специалистов от потребностей современного общества;

— недостаточная гибкость образования в вопросах подготовки личности определенного типа, менталитета, мировоззрения и специалистов необходимого профиля, обладающего определенными компетенциями;

— несоответствие подготовки специалистов потребностям рынка труда, перепроизводство одних специалистов (юристы, экономисты) и недопроизводство других (инженерных, рабочих специальностей);

— несоответствие подготовки выпускников школ требованиям вуза по ряду параметров.

Разрешение этих противоречий возможно посредством постепенного формирования адекватной потребностям общества и учебных заведений законодательной базы, создание системы эффективного исполнения и контроля. В условиях российской действительности было бы важно сохранение достижений и традиций отечественной системы образования. В частности, организация практики студентов, формирования у школьников, учащихся и студентов как широкой эрудиции, так и широты мышления, дискутирования. «Институт образования представляет собой своеобразную «социальную лестницу», точнее, «социальный лифт», с помощью которого индивиды могут занимать более высокие социальные позиции» [16. С. 154].

При исследовании конфликтов типа «государство — вуз, колледж, школа» и «вуз (колледж, школа) — общество» необходимо учитывать, что наиболее жестко, нежели другие конфликты, связаны с дисфункциями образования как социального института. При анализе данных конфликтов важно учитывать, что: «дисфункции — это те наблюдаемые последствия, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы. Существует также эмпирическая возможность нефункциональных последствий, которые просто безразличны для рассматриваемой системы» [14]. «В любой момент явление может иметь, как функциональные, так и дисфункциональные последствия» [12. С. 428]. Дисфункции можно понимать как некачественное выполнение функции по различным причинам. Отметим, что

в ситуации, когда дисфункциональные последствия начинают преобладать над функциональными, нарастает напряженность и конфликтогенность. Можно сказать, что именно дисфункции образования как социального института приводят к возникновению и развития конфликтов данного типа.

Конфликт «ректорат (директорат колледжей и школ) — вузовский коллектив (коллектив колледжа, школьный коллектив)» связан, главным образом, с компетентностью руководителя, наличием у него управленческих талантов, со стилем руководства и социально-психологическим климатом в коллективе. Конфликты такого типа разрешаются сложно, требуют усилий и руководителя и коллектива, а иногда и кадровых перестановок. Важная роль в профилактике таких конфликтов принадлежит подбору и расстановке кадров. Согласие между руководством и коллективом достигается тогда, когда имеются общие мировоззренческие представления и ценностные установки, четко определены функции и роли, разумно распределены роли и ответственность, установлен порядок и налажен эффективный контроль деятельности.

Конфликт «преподаватель (учитель) — преподаватель (учитель)» связан в первую очередь с организационной иерархией и индивидуально-психологическими особенностями профессорско-преподавательского или учительского коллектива. Основаниями для подобного рода конфликтов могут быть различия в ценностных ориентациях и мировоззренческих установках, в том числе и межпоколенческого характера; различия в уровне профессионализма, компетентности, авторитете; различия в умении владеть аудиторией, способах и методах работы с аудиторией; различия в коммуникативных способностях, умении общаться с коллегами, учитывать мнение другого преподавателя (учителя); различия в общей культуре и нравственности личности, проявляющейся в поведении и общении. Согласие здесь достижимо на основе взаимного уважения, толерантности, понимания общих интересов и целей.

Конфликт «преподаватель (учитель) — студент, учащийся (школьник)». Эти конфликты также многообразны и многоаспектны. Типичными являются следующие причины конфликтов: социальные причины (негативные аспекты развития современного российского общества); социально-образовательные причины (сложности реформирования российской системы образования); территориально-образовательные причины (особенности развития образования в отдельном регионе, области, городе, селе и т.д.); вузовские (школьные и т.д.) причины (низкая эффективность учебного процесса, загруженность «бюрократической работой» преподавателей, а также нередко отсутствие желания учиться и низкая базовая подготовка учеников и студентов.

Согласно данным, полученным в ходе одного из опроса учащихся школы, конфликты между учителем и учеником чаще всего возникают по причинам: неинтересного ведения урока учителем (38%); неподготовленного домашнего задания (36,6%); пропуска уроков (36,3%) [4. С. 95]. Однако в современной ситуации студенты вузов, наоборот, оценивают ситуацию с отношением преподавателей к своей работе как меняющуюся в лучшую сторону (41%) [8].

Как достичь согласия в этой системе отношений? В российском менталитете присутствует важная для развития образования и отношений типа «преподаватель (учитель) — студент, учащийся (школьник)» черта, а именно, отношения к ученикам как детям, к студентам это происходит реже. Такое отношение позволяет установить не только уважительные, но и доверительные отношения, которые, в свою очередь, могут существенно влиять на отношение к учебе, одноклассникам или одноклассникам, самому себе. В современной действительности, когда образование становится услугой, такие отношения вытесняются, становятся более «холодными», направленными на конкретную цель, некоторую отстраненность, большую дистанцированность друг от друга данных субъектов образовательного процесса.

Конфликт «студент (учащийся) — студент (учащийся)». Это один из наиболее распространенных конфликтов в учебных заведениях. Причем по мере взросления частота, степень жестокости и агрессивности данных конфликтов может снижаться далеко не всегда. Это зависит от многих факторов и причин, социально, экономического, политического, духовного плана.

Причинами конфликтов подобного рода могут быть различия в ценностных установках, представлениях и смыслах, целях, различный уровень жизни семей, особенности района проживания и т.д. (центр, окраина, криминогенный район и т.д.) Поводом может послужить, на первый взгляд, совершенно незначимое событие. Согласие порой достигается сложно, с привлечением администрации, родителей и органов власти. Так, например, в школах США школьные конфликты стали перерастать в ситуации, угрожающие жизни человека, связанные с ростом числа огнестрельных убийств на территории школ, а также продолжением проблем, появившихся в 80-е гг. XX столетия. Согласно данным шестого ежегодного национального опроса родителей о состоянии их детей в 2012 г. большими проблемами, отягощающими здоровье подростков, явились: наркотики (33%), «буллинг» или школьное насилие (29%), алкоголь (23%), подростковая беременность (23%) [7]. Это свидетельствует о том, что конфликты и проблемы, появившиеся в школе более сорока лет назад, актуальны и по сей день.

Конфликт «администрация — родители». Основными причинами данного рода конфликтов являются недовольство родителей требованиями, предъявляемыми к ученикам и учебному процессу, организацией учебного процесса, уровнем подготовки учеников к ЕГЭ и т.д., недовольство администрации воспитанием детей в семье, подготовкой их к освоению школьной программы, сборами средств на нужды школ. Согласие достигается посредством целенаправленной работы с родителями, регулярном и качественном проведении родительских собраний, обеспечении прав учеников (студентов).

Конфликт «преподаватель (учитель) — родитель(и)». Такие конфликты в школе встречаются гораздо чаще, нежели в колледжах и тем более вузах. Отличаются высоким уровнем личностного восприятия и переживания, порой большим эмоциональным накалом, часто несдержанностью в оценках и тоне. Согласие достигается справедливым отношением к ученикам (студентам), равенством требо-

ваний, предъявляемых к ним, доброжелательностью и заинтересованностью учителя (преподавателя) в успехах ученика (студента). В этом случае родители тоже довольны, а конфликты возникают уже в большей мере по психологическим причинам.

В реальной практике человеческих отношений существуют различные конфликты учащейся и студенческой молодежи, влияющие на поведение ученика (студента), в том числе и в учебном заведении. Это следующие конфликты:

Конфликт «ученик (студент) — общество». Подобного рода конфликты детерминированы тем, насколько успешно молодой человек проходит процесс социализации. В основном такой конфликт характерен для трудных подростков, детей из неблагополучных семей и является последствием сложной семейной ситуации. Успешность интеграции молодого человека (учащегося, студента) в общество зависит от многих обстоятельств, как личностного, так и социального плана. Например, встреча такого молодого человека с интересным для него взрослым, который сможет повлиять на его мировоззрение, может оказаться судьбоносной. Таким значимым взрослым может оказаться руководитель, педагог, тренер и т.д.

Конфликт «ученик (студент) — референтная группа». Молодые люди тесно связаны с другими членами референтной группы. Референтная группа может быть как позитивной, так и негативной. Это во многом определяет, станет человек конфликтным или толерантным, спокойным, доброжелательным. Студенческая группа, школьный класс являются референтными группами для ребенка или молодого человека. В этой связи педагогики должно знать о состоянии морально-психологического климата в группе, классе и более широких студенческих и школьных сообществах. Проводить целенаправленную работу по повышению уровня комфортности отдельных членов. Методы могут применяться самые различные от индивидуальных бесед до коллективных встреч.

Конфликт «ученик (студент) — семья». Семья и образование как социальные институты тесно связаны друг с другом. Трудно переоценить роли и значение семьи в воспитании личности, как и учебного заведения, в особенности школы. При осмыслении конфликтов, возникающих в учебном заведении, но истоки имеющих в семье, необходимо учитывать, что семья одновременно является социальным институтом и малой социальной группой. Семья как первичная социальная группа имеет первостепенное влияние на личность.

Семейный конфликт вытекает прежде всего из особенностей взаимодействия между супругами, а далее между супругами и детьми, другими родственниками. Содержание семейного конфликта детерминировано многими факторами, связанными с причинами и условиями возникновения, особенностями протекания и разрешения конфликта. Семейные конфликты возникают по самым различным основаниям и поводам: отношения полов и поколений, семейного лидерства и доминирования, образа и уровня жизни семьи, распределения доходов и расходования семейных средств, распределения домашних обязанностей, механизмов принятия и сущности принятых решений по поводу семейной жизни, особенностей воспитания детей, интеллектуальных, культурных и досуговых предпочтений и т.д. Семейные конфликты проявляются в форме бойкота, ссор, рукоприкладства.

Ярким проявлением семейных конфликтов является конфликт «отцов и детей». В семье, в которой ее члены не умеют слушать и слышать друг друга, договариваться и учитывать особенности семейной жизни, конфликты возникают достаточно часто и по многим причинам и поводам. Сложные семейные конфликты трудно разрешаются и заканчиваются разводом супругов и тяжелыми последствиями для детей.

Конфликты в семье оказывают разрушающее воздействие на психико-эмоциональное состояние детей, которое, в свою очередь, негативно влияет на поведение, отношение к учебе, способствуют эмоциональной подавленности ребенка, повышают уровень конфликтности. Важно, чтобы ученик или студент, переживший ситуацию развода родителей, нашел поддержку и получил внимание близких людей, друзей, одноклассников или одноклассников, учителей или преподавателей, а в некоторых случаях и руководителей.

В этой связи повышается роль психологов, друзей, учителей (преподавателей) в нивелировании, сглаживании последствий семейных конфликтов, оказание поддержки помощи студенту (учащемуся), в семье которого конфликтные отношения. Важно организовать постоянное взаимодействие учебного заведения и семьи по различным вопросам школьной жизни, да во многом, там, где это необходимо, и студенческой. По многочисленным исследованиям, проводимым в нашей стране, семьях входит в тройку базовых ценностей россиян. В целом исследованию семейных конфликтов посвящены труды многих ученых: [3; 10; 17].

КОНФЛИКТ И СОГЛАСИЕ КАК ПРОЦЕССЫ

Конфликт имеет определенную длительность, определенные временные рамки. Существует два аспекта социального конфликта: статический и динамический. Статический — характеризует субъекты конфликта и отношения между ними, условия и факторы конфликта, причины и особенности конфликтной ситуации. Динамический — требует изучения интересов, целей и задач субъектов конфликта, побудительных сил и особенностей его развития. Динамика конфликта предстает как совокупность ответных реакций на стимулы, по схеме «стимул—реакция».

Согласие и конфликт могут быть долговременными (принципиальное согласие или принципиальный конфликт, в основе которых ценностные представления и убеждения), среднесрочными по продолжительности (целевое согласие или целевой конфликт) и кратковременными (в основе — ситуативные потребности, интересы, эмоции).

Согласие и конфликт обладают некоторой протяженностью, имеют пространственные границы. Они могут ограничиваться отдельной социальной группой или межличностными отношениями, а могут охватывать большие группы людей, объединенных в рамках большого пространства, в том числе и всего человечества. Уровень интенсивности конфликта или согласия может быть высоким, средним, низким. Конфликт проходит следующие стадии (этапы).

1. Латентный период. Это период возникновения объективной проблемной ситуации, скрытое состояние намечающегося конфликта.

2. Проявление (начало конфликта) — это первые акты противодействия сторон.

3. Активный (открытый) период — инцидент, эскалация конфликта, сбалансированное противодействие, завершение конфликта.

4. Послеконфликтный период — частичная нормализация отношений оппонентов; полная нормализация их отношений.

5. Разрешение конфликта как прекращение действий, направленных друг против друга субъектами конфликта [6. С. 60—62].

Аналогичные стадии проходит и согласие. Вместе с тем существуют и другие классификации этапов возникновения и развития конфликта.

1. Начальный этап. Он характеризуется определенным соотношением согласия и конфликта в обществе, степенью сплоченности, солидарности и напряженности, уровнем реализации потребностей и интересов.

2. Иницирующий этап. Здесь происходит развитие консенсуального процесса как внутри противоположных взаимодействующих групп, так и между ними.

3. Этап согласований. На нем взаимодействие социальных субъектов предполагает согласование целей, интересов. Вырабатывается стратегия действий по достижению согласованных целей и интересов.

4. Этап согласованных действий и взаимодействий. Согласие между взаимодействующими сторонами закрепляется в форме договоров, соглашений, резолюции, которые становятся руководством к действию.

5. Конфликтный этап. На нем противоречивые ценности взаимодействующих субъектов приобретают смыслообразующий характер.

6. Этап выхода из конфликта и начало формирования нового согласия. Участники взаимодействия, находящиеся в единстве, постепенно осознают разрушительную силу конфликта. Это становится основой для поиска новых оснований формирования согласия [13. С. 52—55].

В повседневной жизни складывается по большей части отрицательное отношение к конфликтам. Конфликт рассматривается как нежелательное, негативное явление, иногда возникает конфликтофобия. Такое отношение в целом оправдано, поскольку конфликт действительно требует больших эмоциональных, духовных, а также экономических, политических усилий. Однако конфликт может помочь разрешить тягостное, мучительное согласие, дать новые импульсы к жизни.

В американской конфликтологии популярен следующий сценарий (метод «выигрыш — проигрыш»). В конфликте должен быть выигравший и проигравший (победитель и побежденный) — Я не должен проиграть — Значит, проиграть должен ты — Но проигравшие могут причинить неприятность и представляют собой угрозу. Следовательно, если ты выражаешь недовольство своим проигрышем, ты есть зло. Этот сценарий, приводимый во многих источниках, ориентирован на достаточно агрессивное поведение в конфликте. Но вместе с тем и остро ставит проблему умения достигать согласия. В приведенном примере отсутствуют основы для достижения согласия, поскольку с тем, кто есть «зло», договориться невозможно или очень сложно.

Конфликт и согласие находятся в диалектическом отношении, то есть согласие при определенных условиях переходит в конфликт, а конфликт, напротив, в согласие. Применение метода синергетики позволяет утверждать, что в точке бифуркации всегда множество выборов, ведущих в конечном счете к согласию или конфликту.

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТОМ И СОГЛАСИЕМ

Отношение и реакция людей на конфликт различна: от наблюдателя до активного участника. В зависимости от ситуативных особенностей возникновения и разворачивания конфликта применяются следующие основные стили разрешения конфликта: уклонение, приспособление, сотрудничество, компромисс. Характеристика стилей и их применения рассмотрены Д.Г. Скотт в ее работе «Конфликты, пути их преодоления».

Оптимальный и наиболее эффективный стиль поведения в конфликте — это сотрудничество, позволяющее получать выгоду, отстаивая свои интересы, учитывая при этом и интересы другой стороны. Уклонение позволяет избежать конфликта, но при этом и интересы свои не только невозможно реализовать, а иногда и просто их обозначить. В процессе приспособления одна из сторон обычно доминирует, другая подстраивается. Это бывает выгодно, если субъект не имеет достаточных сил и ресурсов для борьбы. При компромиссе один из субъектов конфликта уступает другому или они уступают друг другу. Выгода при этом может быть односторонней или взаимной.

Конфликт и согласие представляют собой регулируемые и управляемые процессы, конфликт можно предупредить и предотвратить. Наибольшее значение при этом имеют нравственные нормы поведения людей. Практически любой конфликт так или иначе затрагивает нравственные представления о добре и зле, правильном и неправильном поведении, чести и достоинстве, справедливости и порядочности, вознаграждении и наказании и т.п. В системе образования имеется целый арсенал средств и методов правового и культурного характера, при помощи которых регулируются и разрешаются разного рода конфликты.

Конфликтная ситуация может регулироваться и религиозными нормами. Это особенно характерно для мировых религий, в которых религиозные правила распространяются на широкую область гражданской жизни — брак, семью, обучение и др. Основные способы разрешения конфликтов, достижения и сохранения согласия: дискуссия, переговорный процесс, компромисс, уступка, развитие партнерства и сотрудничества на взаимовыгодной основе. В образовательной среде особую роль может играть дискуссия, позволяющая обосновать и аргументировать свои позиции, научиться учитывать мнение и аргументы коллег. В отношениях между преподавателями (учителями) и коллегами важно в большей мере развивать партнерство, а между преподавателями (учителями) и студентами (учащимися) и сотрудничество.

При разрешении конфликта можно руководствоваться различными стратегиями. Широкою известность получило учение Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием, близкие к нему учения М. Ганди, М.Л. Кинга. Принципы М. Ганди переведены в различных вариантах, приведем один из них: «Измените себя. Управляйте собой. Простите и забудьте. Вы не сможете ничего добиться, пока не начнете действовать. Думай о настоящем моменте. Все мы люди. Проявите настойчивость. Увидьте хороших людей и помогайте им. Будьте собой, пребывайте в гармонии со своим „я“. Продолжайте расти и развиваться» [5].

Р. Акофф и Ф. Эмери выделяют три основных типа стратегии управления конфликтами: устранение конфликта, разрешение конфликта, решение конфликта. При этом вносятся изменения, при которых участники перестают конфликтовать [1. С. 195—199]. А.М. Магдеев, В.Р. Мухадинов предлагают следующие стратегии: восстановительная дискуссия, круг по решению проблемы, конфликтологическая программа, семейная конференция [11]. Данные стратегии возможны, однако следует отметить, что при построении классификации способов разрешения конфликта были применены различные критерии, основания. Так, конфликтологическая программа вполне может включать остальные виды стратегий, как иные, не указанные авторами (социологические исследования, управленческие решения, митинги и забастовки и т.д.).

Важная роль в осмыслении сути конфликтов, определении путей и способов достижения согласия принадлежит социологическим исследованиям. Результаты социологических исследований позволяют определить уровень конфликтности, выявить субъектов и причины, условия, факторы конфликтов, найти оптимальные способы достижения согласия, принять адекватные ситуации управленческие решения.

В заключение приведем некоторые данные, полученные в ходе социологического исследования, проведенного в 2015 г. при участии автора (руководитель проекта Куцев Г.Ф.). Опрошено 910 учителей юга Тюменской области. Основная масса учителей считает себя людьми неконфликтными и малоконфликтными. Так, 60,7% респондентов ответили, что они никогда не вступают в конфликты и являются неконфликтными, а еще 29,7% конфликтуют редко и только с отдельными членами коллектива, с определенными людьми иногда конфликтуют 9,6%. При этом самостоятельно решить конфликтный вопрос предпочитают 60,5 респондентов, при помощи руководителя — 17,4% опрошенных. Обсуждают конфликтную ситуацию с коллегами 21,0% респондентов. Анализ результатов исследования показал, что учителя старше 65 лет не обращаются к руководству по поводу конфликтных ситуаций, предпочитают решить ее самостоятельно (50,0%) или обсудить с коллегами (33,3%). В целях сравнения отметим, что в возрастной группе менее 30 лет эти показатели распределились соответственно 20,4%, 61,2% и 16,4%. Таким образом, можно сказать, что молодые учителя рассчитывают на помощь руководителя по разрешению конфликта, учителя старше 65 лет стремятся избегать обсуждения своей конфликтной ситуации с руководителем.

В организации и эскалации конфликтов принимают или не принимают участие люди, обладающие определенными качествами. Примечательно, что при ответе на вопрос: «Какими качествами должен обладать современный педагог», респонденты указали в числе других качеств такие, как стремление к самосовершенствованию (55,1%), высокий культурный уровень (49,1%), толерантность (47,3%), способность понимать и сопереживать (43,8%), гуманизм (20,3%). Наличие данных качеств у учителей во многом способствует снижению уровня конфликтности в школах Тюменского региона. Хотя следует отметить, что показатель уровня гуманизма оказался относительно низким, что требует дополнительного изучения и целенаправленной работы в этом направлении. Профессионализм (глубокое знание своего предмета) — 67,0% должен сочетаться и с высоким уровнем гуманизма.

В целом важно отметить, что конфликты в современном российском образовании обусловлены многими условиями и факторами, требуют их дальнейшего изучения, целенаправленной профилактической работы и дальнейшей разработки механизмов их разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Акофф Р., Эмери Ф.О.* О целеустремленных системах. М., 1974.
- [2] *Бабосов Е.М.* Основы конфликтологии. Минск, 2007.
- [3] *Волков Б.С., Волкова Н.В.* Конфликтология. М., 2009.
- [4] *Воронин Г.Л.* Конфликты в школе // Социологические исследования. 1994. № 3 С. 94—98.
- [5] *Ганди М.* Ненасильственное сопротивление. URL: <http://www.vitamarg.com/article/people/3077-mahatma-gandhi>.
- [6] *Дмитриев А.В.* Социальный конфликт: общее и особенное. М., 2002.
- [7] *Дмитриева О.* Образ жизни американских школьников: анализ на основе статистических исследований. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3520&level1=main&level2=articles>.
- [8] Жизнь российского студента: векторы перемен. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113566>.
- [9] *Иванова В.А., Осипов А.М.* Теории конфликтов в современной социологии образования // Вестник Новгородского государственного университета. 2005. № 3.
- [10] *Калашиникова В.А.* Психодиагностики конфликтных отношений в семье // Современные научные исследования. Вып. 1. Концепт, 2013. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53583.htm>.
- [11] *Магдеев А.М., Мухадинов В.Р.* Предупреждение и разрешение педагогического конфликта: традиции и инновации // Интеграция образования. 2009. № 1.
- [12] *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1996.
- [13] *Охотникова М.М.* Социология согласия. Тюмень, 2000.
- [14] *Пузанова Ж.В.* Проблемы организации образования детей с ограниченными возможностями здоровья // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18.
- [15] *Пузанова Ж.В., Давыдова А.В.* Система высшего образования: основные характеристики и эволюция // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2014. № 3.
- [16] *Сорокин П.* Социальная мобильность. М., 2005.
- [17] *Сысенко В.А.* Супружеские конфликты. М., 1989.

CONTRADICTIONS AND CONFLICTS OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN EDUCATION

M.M. Akulich

General and Economic Sociology Chair
Tyumen State University
Semakova str., 10, Tyumen, Russia, 625000

The article considers the contradictions and conflicts of the contemporary Russian education focusing on the opportunities for conflict management. The research is based on the institutional and system approaches, in particular on the sociological conceptions of social conflict and social cohesion. The author conducted a historical and sociological analysis of social conflicts and social cohesion in the educational sphere, and such conflicts seem to be the result of the contradictions inherent in this social institution. The article identifies basic types of conflicts in the Russian education, and the ways of resolving them by the subjects of the educational system for such conflicts are manageable, especially within the interaction of educational system and society. To verify the proposed typology of conflicts in the contemporary Russian education the author conducted an empirical study to develop a system of practical measures that will help to improve the quality of learning of pupils and students, and will have a positive impact on the functioning and development of the contemporary Russian society. Thus, the article may be useful to sociologists, teachers, educational managers and readers interested in the specifics of social conflicts and the ways for resolving conflict situations.

Key words: contradiction; social conflict; social consensus; types of conflicts; conflict management.

REFERENCES

- [1] *Ackoff R., Emeri F.E.* O tselestremlynykh sistemah [On Purposeful Systems]. M., 1974.
- [2] *Babosov E.M.* Osnovy konfliktologii [Basics of Conflictology]. Minsk, 2007.
- [3] *Volkov B.S., Volkova N.V.* Konfliktologija [Conflictology]. M., 2009.
- [4] *Voronin G.L.* Konflikty v shkole [Conflicts at school] // Sociologicheskie issledovaniya. 1994. № 3.
- [5] *Gandhi M.* Nenasil'stvennoe soprotivlenie [Nonviolent Resistance]. URL: <http://www.vitamarg.com/article/people/3077-mahatma-gandhi>.
- [6] *Dmitriev A.V.* Social'nyj konflikt: obshhee i osobennoe [Social Conflict: General and Special Features]. M., 2002.
- [7] *Dmitrieva O.* Obraz zhizni amerikanskih shkol'nikov: analiz na osnove statisticheskikh issledovanij [American schoolchildren lifestyle: Analysis based on statistical data]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3520&level1=main&level2=articles>.
- [8] Zhizn' rossijskogo studenta: vektory peremen [Russian students life: Vectors of change]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113566>.
- [9] *Ivanova V.A., Osipov A.M.* Teorii konfliktov v sovremennoj sociologii obrazovaniya [Theories of conflict in the modern sociology of education]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 3.
- [10] *Kalashnikova V.A.* Psihodiagnostiki konfliktnykh otnoshenij v sem'e [Psychodiagnosics of conflict relations in the family]. Sovremennye nauchnye issledovaniya. Vyp. 1. Koncept, 2013. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53583.htm>.
- [11] *Magdeev A.M., Muhadinov V.R.* Preduprezhdenie i razreshenie pedagogicheskogo konflikta: tradicii i innovacii [Prevention and resolution of pedagogical conflicts: Traditions and innovations]. Integracija obrazovaniya. 2009. № 1.

- [12] *Merton R.* Javnye i latentnye funktsii [Manifest and latent functions]. Amerikanskaja sociologicheskaja mysl': Teksty. Pod red. V.I. Dobren'kova. M., 1996.
- [13] *Ohotnikova M.M.* Sociologija soglasija [Sociology of consent]. Tjumen, 2000.
- [14] *Puzanova Zh.V.* Problemy organizacii obrazovanija detej s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja [Problems of organizing educational system for children with disabilities]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2014. № 18.
- [15] *Puzanova Zh.V., Davydova A.V.* Sistema vysshego obrazovanija: osnovnye harakteristiki i evoljucija [Higher education system: Fundamental characteristics and evolutionary processes]. Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologija. Ekonomika. Politika. 2014. № 3.
- [16] *Sorokin P.* Social'naja mobil'nost' [Social Mobility]. M., 2005.
- [17] *Sysenko V.A.* Supruzheskie konflikty [Spousal Conflicts]. M., 1989.

РЕЦЕНЗИИ

«НОРМАТИВЫ СМЕРТИ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАКТОВОК И ПРАКТИК УХОДА ИЗ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Протопресвитер Александр Шмеман. Литургия смерти и современная культура. М.: ГРАНАТ, 2013. 176 с.
Erickson K.A. How We Die Now: Intimacy and the Work of Dying. Philadelphia: Temple University Press, 2013. 192 с.

С древнейших времен вряд ли какие-то иные вопросы привлекали столь же всепоглощающее внимание человечества и вызывали столь же бурные споры, как смерть в совокупности ее физиологических, психологических, антропологических, экономических, религиозных и прочих проявлений.

Столь богатое «содержание», казалось бы, простого биологического процесса не могло не сделать его предметом интереса представителей самых разных дисциплинарных направлений, формально имеющих к смерти весьма отдаленное отношение, а потому нередко вынужденных выслушивать упреки в покушении не на свою вотчину и убеждать в обоснованности своих претензий.

Социологии в этом отношении повезло меньше прочих дисциплин как в силу объективно более позднего становления в качестве самостоятельной науки, так и по причине своих базовых исследовательских интересов, которые все же сосредоточены на деятельности живых людей, даже если они взаимодействуют по поводу «своих» мертвых. Тем не менее, можно составить целый список работ известных ученых, в большей или меньшей степени составивших социологическую традицию, рассмотревших определенные аспекты умирания как процесса социального по своей природе, т.е. культурно детерминированного.

В рамках социологического изучения смерти можно выделить два условных направления: дискурс о смерти или попытки представить некое внятное и социально насыщенное ее концептуальное определение; и исследования смерти, или попытки эмпирической оценки отношения общества к разным проблемам, связанным с умиранием (скажем, к самоубийству, эвтаназии и пр.), причем нередко это проекты с прикладными задачами (очевидно, эвтаназия требует легитимации прежде чем превращаться в легальную практику, а уровень самоубийств любое общество стремится контролировать и минимизировать).

В рамках первого направления сложилось устойчивое словосочетание «нормативы смерти», которые зависят от конкретного общества в заданный исторический период. Например, во многих странах запрещена смертная казнь из-за опасений лишить жизни невиновного человека, а ежедневная статистика смертности в дорожно-транспортных происшествиях, несмотря на ужасающие цифры, воспринимается как повседневная норма и не вызывает у людей особого отклика; в отличие от прежних эпох, сегодня смерть в результате нападения хищника или вследствие заболевания гриппом — абсолютный нонсенс и вызывает широкий общественный резонанс; на войне убийство врага в коллективных интересах считается оправданным, террористические акты, напротив, вызывают бурное социальное негодование [3].

К теоретическому уровню социологического анализа смерти можно отнести и введенную Т. Парсонсом дихотомию активного (рациональная оценка угрозы смерти) и фаталистического (отрицание смерти) отношения к ней [13]; и отмеченную Р. Блаунером зависимость отношения к смерти от возраста по причине роста ее прогнозируемости и, соответственно, принятия [7]; и показанный В. Маршаллом социальный характер принятия смерти, поскольку переосмысление собственной жизни в пожилом возрасте все равно базируется на общепринятых нормах отношения к смерти [10] и т.д.

Несомненно, социология в значительной степени заимствовала антропологические трактовки смерти — как эволюционные, так и функциональные: в первом случае речь идет о классических этнографических работах, иллюстрирующих жизнь туземных сообществ, их отношение к смерти, обряды и ритуалы, историческая трансформация которых прослеживается в современных практиках; во втором случае можно сослаться на работы Э. Дюркгейма [1] и Р. Герца [9], которые считали своей задачей объяснение различий в восприятии смерти и сопровождающих ее ритуалах социальными детерминантами (сюда же можно отнести и утверждение П.А. Сорокина, что одна из социальных причин самоубийств — подражание [6]).

Первым серьезным эмпирическим исследованием феномена смерти в социологии считается работа Э. Дюркгейма «Самоубийство», поскольку автор стремился выделить типы самоубийств исходя из их социальных причин, используя правительственные статистические отчеты и «наблюдения индивидуальных случаев» [1]. За прошедшие десятилетия предметное поле эмпирических исследований смерти расширилось, но в нем отчетливо выделяется несколько интересующих исследователей вопросов: насколько общество боится смерти — как таковой и дискурсивно [см., напр., 14]; как воспринимается потеря значимых других и близких [см., напр.: 11; 12]; как конструируются, поддерживаются и воспроизводятся «нормы умирания» — культурные практики ухода за больными, передачи наследства, организации похорон, оформления и размещения кладбищ и т.д. [см., напр.: 2; 5].

Таким образом, специфика социологического исследования смерти как феномена предельно социального, несмотря на свою биологическую природу, состоит в изучении существующих в обществе «нормативов смерти», однако, за исключе-

нием самого факта физиологического умирания, мало что еще объединяет многочисленные трактовки и оценки смерти в современном обществе. Тем не менее, все их многообразие можно свести в две группы, и содержательные акценты каждой отражены в рецензируемых книгах: во-первых, это религиозное восприятие смерти; во-вторых, предельно человеческое, но не в смысле атеистического неприятия, а с точки зрения признания неизбежности столкновения с ней на сугубо бытовом уровне, когда нам лично придется принимать массу непривычных решений в отношении себя и близких.

Несмотря на то, что по названиям обе рецензируемые книги вряд ли можно отнести к социологическому дискурсу, ниже будет показано, что обе небольшие по объему работы исключительно важны для социологов, специализирующихся на исследованиях смерти, особенно для отечественных авторов, поскольку показывают специфику современного западного отношения к смерти — в критическом (А. Шмеман) и прикладном (К. Эрикссон) форматах, а также ретроспективно (лекции А. Шмемана были прочитаны в 1970-е гг., а потому объясняют, например, на каком мировоззренческом фундаменте в Америке возникло хосписное движение и связанные с ним проблемы, о которых пишет К. Эрикссон сегодня).

Безусловно, смерть сложно рассматривать вне религиозного контекста, поскольку впервые к ней обратились антропологи, а в традиционных обществах божественное выступает неотъемлемой частью социальной и повседневной жизни. Сегодня религиозное «измерение» смерти зачастую воспринимается в «прикладном» аспекте, т.е. исследователи связывают страх смерти с определенным типом религиозности, апеллируя к понятиям «буферизация» (религиозные взгляды рассматриваются в качестве буфера, блокирующего страх перед смертью как перед шагом в вечную жизнь), «управление страхом смерти» (чем более однородна и многочисленна религиозная конфессия, чем выше ее солидарная уверенность в правильности своих идей, тем ниже уровень тревоги перед смертью), «криволинейность» (несмотря на веру в Бога, люди не могут быть полностью уверены в существовании загробной жизни) или «принятие смерти» (отрицание связи между уровнем религиозности и страхом смерти) [8].

Небольшая книга протопресвитера Александра Шмемана представляет собой конспект лекций, прочитанных в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, чтобы не только обозначить проблему смерти в рамках церковного канона и христианского миропонимания, но и рассмотреть ее трансформации в постхристианской культуре современного секулярного общества.

Книга категорически отрицает прикладной взгляд на взаимосвязь религии и отношения к смерти, по крайней мере в христианстве, хотя автор и подчеркивает, что ставит перед собой задачу «именно на практическом уровне — пастырском, литургическом, музыкальном, рассмотреть проблемы, относящиеся к той существенной области церковной жизни и служения, которую можно назвать “литургией смерти”... Слово “литургия” употребляется не в его узком, исключительно литургическом значении, но в том смысле, какое оно имело в ранней Церкви, где обозначало существенное служение и функцию, включая в себя и церковное видение смерти, и ответ на нее» (с. 23).

Книга состоит из четырех лекций, формально посвященных разным вопросам, но, по сути, с разных позиций раскрывающих причины и следствия ошибочного восприятия смерти в западной секулярной культуре в целом и существующем в ее рамках христианстве в частности. В первой лекции «Развитие христианских погребальных обрядов» автор утверждает, что «именно в отношении к смерти раскрывается и определяется понимание жизни в конкретной культуре» (с. 25) и проблема западной секулярной культуры состоит в том, что она видит смысл и ценность только и исключительно в жизни, без отнесенности к чему-то «потустороннему». Дело отнюдь не в атеизме или отрицании религии (американский секуляризм «патологически религиозен»), а в том, что в культуре «нет места для смерти как значимого события... можно, не боясь прослыть циником и не пытаясь легковесно пошутить, сказать, что единственная ценность смерти — это наличная стоимость страховки жизни покойного: в этом хотя бы есть нечто осязаемое, реальное... Поэтому для обращения со смертью наше общество создало сложный, но отлично налаженный механизм, неизменную эффективность которого обеспечивает столь же неизменно безупречная помощь работников медицины и похоронной индустрии, священнослужителей и — последней из заговорщиков по счету, но не по значению — самой семьи. Этот механизм запрограммирован на предоставление клиентам многочисленных услуг в определенном порядке. Это делает смерть настолько легкой, безболезненной и незаметной, насколько возможно...» (с. 30—31).

Обращаясь к концепции Ф. Арьеса, которого Шмеман называет лучшим специалистом в области истории смерти, он заимствует из нее понятие «медикализация смерти», «что означает перенесение смерти в больницу и отношение к ней как к постыдной, почти неприличной болезни, которую лучше держать в тайне, эта “медикализация” сначала радикально принизила роль священника во всем процессе умирания, т.е. в том, что предшествует смерти... Второй этап (обращение с телом, или, как говорит Церковь, с «останками покойного») Церковь полностью отдала культуре» (с. 32—33). К концепции «гуманизации смерти», представленной работами Э. Кюблер-Росс, создательницы теории психологической помощи умирающим больным, автор также относится негативно по той причине, что за якобы интересом к смерти здесь на самом деле скрывается стремление «гуманизировать смерть» так же, как и «гуманизировать жизнь» (естественные роды, натуральные продукты и пр.), т.е. «гуманизация» «не очищает смерть от ее безнадежной бессмысленности как “чего-то”, что не имеет никакого отношения к нашей жизни здесь и сейчас» (с. 37).

Причины секуляризации смерти автор видит в разложении средневековой христианской цивилизации и формировании секуляризма как «постхристианской ереси», суть которой — «прогрессивное отъединение самими христианами жизни от смерти, смерти от жизни, в обращении (духовном, пастырском, литургическом, психологическом) с ними как с отдельными явлениями, отдельными объектами или областями заботы Церкви» (с. 41). Если в прошлом священник большую часть своего времени посвящал усопшим, то сегодня он выступает как духовный руководитель и даже «социальный вождь живых», «активный член великого терапев-

тического сообщества, занятый духовным, умственным и физическим здоровьем человека. Еще более важно то, что смерть сегодня — это очевидно важный и постоянный, но частный сектор церковной деятельности. Частный — и клерикальный; именно священник, а не Церковь в ее целостности занимается усопшим, священник исполняет “профессиональный долг” посещения больных и страждущих. На самом деле эта “клерикализация смерти” предшествовала ее “медикализации”. Именно Церковь впервые отвела смерти специальный “отсек” и распахнула — психологически и культурно — двери ее физическому изгнанию в анонимность больничной палаты. Смерть — для мертвых, не для живых. Они, умершие, конечно, заслуживают соблюдения внешних приличий и сомнительной красоты похоронной церемонии, вплоть до непонятного, но глубоко трогательного отпевания, и поминовения по специальным дням, и принесения цветов на могилы... И поскольку, соблюдая эти правила, мы, живые, выполняем перед усопшими свои обязательства, наша совесть совершенно спокойна. Жизнь продолжается, и мы можем мирно обсуждать дальнейшие дела...» (с. 44—45).

Вторая часть первой лекции Шмемана посвящена исторической хронологии постепенного разъединения мира живых и мира мертвых в церковной традиции, начиная с древнейшего культа мертвых, призванного не допускать приближения мертвецов к живым (первобытный человек боится не столько смерти, сколько мертвецов), т.е. религия изначально возникла как некая технология смерти, затем к христианской революции — она радикальным образом перенесла религиозный интерес со смерти на Бога (в христианстве смерть оплакивается лишь потому, что она — разлука с Богом, смерти не сотворившим), отсюда — евангельское утверждение о воскресении Иисуса Христа и обещание воскрешения тем, кто верит в Него и соединен с Ним, отсюда же — смысл истинно христианского похоронного богослужения в том, «что оно вечно претворяет “надгробное рыдание в песнь Аллилуйя!” — песнь тех, кто за пределами этой жизни, за пределами смерти, лицезреют Бога» (с. 57), и далее к сегодняшней секулярной культуре, которая навязывает нам «старую дохристианскую смерть, прирученную, дезинфицированную, вульгаризированную, которую скоро нам будут доставлять вместе с медицинской справкой, гарантирующей “существование после смерти”» (с. 56).

Во второй лекции «Похороны: обряды и обычаи» автор показывает, как эти сложные трансформации практической деятельности церкви, отраженные и в ее догматике, складывались внутри «литургии смерти», которая включает в себя похоронный обряд и сложную византийскую систему молитв за усопших. Данная часть лекций наиболее «богословская», хотя и здесь показаны социальные последствия изменения содержания и последовательности чтения отдельных молитв, скажем, для такой отдаленной от религии сферы деятельности, как урбанистика, в связи с изменением размещений кладбищ — максимально далеко от городов, потому что мертвые сегодня признаны совершенно мертвыми, а не живыми во Христе, а также для «изгнания усопших из дома, “естественного” места смерти, в безликую анонимность больниц, где тело обмывают и приготавливают к его последнему земному паломничеству — пути к могиле» (с. 71).

Третья лекция «Молитвы за усопших» посвящена «второму слою погребения — гимнографии», в которой наиболее ярко зафиксирована трансформация отношения к смерти. Во-первых, изменилось «участие» самого усопшего в погребальном богослужении — первоначально не существовало литургического различия между усопшим и живым, считалось, что живые молятся не за него, а происходит совместное богослужение живых и мертвых, «празднование Церковью, которая включает в себя как живых, так и мертвых, смерти Христовой» (с. 107), но христианская гимнография разделила роли живых и мертвых — теперь живые молятся за усопшего, это не общая молитва живых и усопших, потому что смерть стала рассматриваться как молчание, т.е. усопший лишен возможности молиться, а живым остаются лишь стенания и плач о нем. Во-вторых, изменилась сама идея или «чувство» смерти: если раньше речь шла о смерти и воскресении Христа, то теперь в погребальной гимнографии смерть стала ужасом и разделением, мраком и темнотой. В-третьих, изменилось понимание загробной жизни: ветхозаветная ее трактовка называет упокоение от дел мирских «божественным покоем, истинным исполнением жизни», сегодня же смерть воспринимается как непокой, ибо «нет покоя в аду, который есть разлучение с Богом, ...и смерть радикально противоположна жизни» (с. 112—113).

Таким образом, если «для первых христиан вся их жизнь в Церкви была приготовлением к смерти и вся жизнь была общением с усопшими, упокоившимися во Христе (в ранней Церкви в молитве мы, живые, ходатайствуем за усопших, а они ходатайствуют за нас), то теперь смерть превращается в объект “специального приготовления”» (с. 119).

Завершающая книгу лекция «Литургия смерти и современная культура» представляет собой краткий план практических действий в сфере богословского образования, призванных помочь православной церкви «не реформировать литургию смерти, не модернизировать ее, но просто открыть ее заново, снова увидеть ее в истине и славе, т.е. в ее связи с верою Церкви, со значением бессмертной смерти Христа для усопших, для нас всех... Такое “открытие заново” необходимо прежде всего Церкви — слишком много в этой области измен и извращений, но оно необходимо и нашей секулярной культуре, за которую, хотим мы того или нет, мы несем ответственность» (с. 135). По мнению автора, секулярная культура заставляет нас проживать свою жизнь так, будто она не имеет никакого отношения к смерти, подавляя смерть — посредством ее «медикализации» и примирения (врачи и организаторы похорон стремятся смягчить неприятность процедуры для живых) или же «гуманизации»/«натурализации», т.е. обращения со смертью «по-взрослому» — оба подхода обесмысливают смерть как что-то, с чем нужно справиться. «Отрицающая смерть» культура заставляет нас забывать о том факте, что все мы «потенциальные трупы», а не потребители (способные бегом трусцой и подсчетом калорий в шестидесятилетнем возрасте выиграть лишних два года жизни), поэтому мы должны вернуться к раннехристианской трактовке смерти как победы над трагедией смерти, которую нужно все время одерживать (поэтому Церковь пребывает в мире после воскресения Христа), и в то же время как единой реальности живых и мертвых, основное содержание которой — надежда.

Книга Карлы Эриксон «Как мы умираем сегодня: умирание как интимная часть жизни и работа» абсолютно внерелигиозна, но имеет столь же открыто декларируемую практическую направленность, как книга А. Шмемана, хотя и в претящем ему формате медиализации и гуманизации.

Фактически перед нами обобщенный опыт тех, кто по долгу своей службы работает с умирающими, причем опыт, насыщенный яркими и светлыми по тональности иллюстрациями из повседневности «рядом» со смертью.

Книга состоит из пяти глав: «Как мы умираем сегодня: старение и умирание американцев в XXI веке», «Парадокс долговременной заботы: она нужна, но так пугает», «Совместный переход от жизни к смерти: жизнь, работа, старение и умирание в доме престарелых “Уинтроп Хаус”», «Уроки конца жизни: чему учатся сотрудники хосписа, помогая людям умирать», «Созависимость: привязанность, признание и благодарность за помощь друг другу». Поскольку содержательно все разделы книги тесно переплетены, ниже будут обозначены основные идеи работы без их четкой поглавной локализации.

По мнению Эриксон, актуальность ее книги сегодня очевидна по той простой причине, что жизненный цикл человека в современном (развитом западном) обществе радикальным образом меняется — увеличивается средняя продолжительность жизни, что не могло не повлечь за собой трансформацию процессов умирания.

В течение XX в. продолжительность жизни постоянно увеличилась, и сегодня среднестатистический американец живет на тридцать лет больше своего предка сто лет назад благодаря повышению качества жизни в целом и развитию медицины в частности.

Однако увеличение продолжительности жизни, что само по себе не может не радовать, изменило структуру причин смертности: медицинские открытия позволили добиться успеха в борьбе со множеством заболеваний, влекущих летальный исход, и существенно снизили риск смерти на ранних стадиях жизни (хотя нельзя исключать возможность скоропостижной смерти вследствие несчастных случаев, инсультов, инфарктов и т.д.), но одновременно статистически значимо возрос уровень смертности от продолжительных заболеваний (рак, болезни сердечнососудистой системы, связанные с неврологической системой или слабоумием, например, Альцгеймера, Паркинсона и т.д.). В большинстве случаев умирание пациентов с такими формами заболеваний происходит достаточно медленно, т.е. сопровождается осознанием происходящего. Подобная трансформация процессов и практик умирания требует новых подходов к изучению и сопровождению смерти, чему и посвящена книга Эриксон, в которой представлены результаты исследования, проводившегося в течение двух лет посредством интервьюирования работников хосписов и включенного наблюдения автора в доме престарелых «Уинтроп Хаус».

Автор стремится обосновать необходимость для современного общества специализированных учреждений по уходу за пожилыми людьми: несмотря на то, что, согласно данным общенациональных опросов общественного мнения, большинство американцев предпочли бы провести остаток своих дней дома, неумолимая

статистика фиксирует неуклонное возрастание доли смертей в медицинских учреждениях, а также в домах престарелых.

Основной довод автора в пользу существования специализированных учреждений для престарелых состоит в том, что в связи с возрастанием продолжительности жизни все больше людей исключительно по причине возрастных проблем со здоровьем просто не в состоянии вести самостоятельный образ жизни, особенно если они одиноки или их дети живут слишком далеко, чтобы окружить родителей ежедневной заботой. Причем дома престарелых способны оградить пожилых людей не только от бытовых трудностей, но и предоставить необходимый медицинский уход, особенно важный для тех стариков, что страдают от разных форм возрастного слабоумия: даже если у них есть родные, которые могут и хотят заботиться о своих пожилых близких, зачастую они просто не в состоянии обеспечить необходимый профессиональный уход. Например, пожилые люди, страдающие от болезни Альцгеймера, могут стать серьезным бременем для семьи в силу объективной потребности в ежедневном повышенном внимании вследствие прогрессирующих изменений в сознании.

Все перечисленные обстоятельства автор считает веским доводом в пользу создания в каждой стране разветвленной сети учреждений, в которых специально обученный персонал сможет не только оказать медицинскую помощь пожилому человеку, но и обеспечить ему надлежащий ежедневный уход, окружив его заботой и вниманием, т.е. речь идет о дополнительном обосновании медиализации и гуманизации процесса умирания задолго до непосредственной угрозы смерти вследствие изменения среднестатистических социальных сценариев ухода из жизни в современном стремительно стареющем обществе.

Однако, несмотря на очевидные и в целом признаваемые общественным мнением «плюсы» специализированных учреждений для престарелых людей, по мнению Эриксона, до сих пор сильны негативные коллективные представления о передаче неодинокого человека в специализированное учреждение (будь то дом престарелых или хоспис), которые она объединяет в две группы социальных страхов. Во-первых, считается, что в дома престарелых отправляют только нелюбимых родственников их злые или неблагодарные близкие. Данное устойчивое предубеждение объясняется стереотипизированным представлением о домах престарелых — это якобы казенные учреждения с невыносимыми условиями жизни, в которые, как ненужный надоевший хлам, сдают ставших обузой родственников. Эриксон стремится развенчать этот социальный миф, утверждая, что сегодня, по крайней мере в Америке, дома престарелых представляют собой коммерческие учреждения, где за определенную ежемесячную плату постояльцу предлагается круглосуточно целый спектр высококачественных услуг по уходу и медицинскому обслуживанию, которые просто не в состоянии обеспечить ему близкие дома, а также высокий уровень комфорта проживания и разнообразный досуг, что не позволяет пожилому человеку чувствовать себя одиноко.

Второй устойчивый миф американского общества состоит в том, что находящиеся в доме престарелых пожилые люди со временем утрачивают самостоятель-

ность, привыкая к постоянному присмотру и полному обеспечению всем необходимым. Нередко данный страх формулируется и более «лично»: «институциональные формы присмотра за пожилыми слишком безличные... а потому лишают пожилого человека его личной идентичности» (с. 52).

По мнению Эриксона, современные американские дома престарелых напоминают своей атмосферой и организацией жизни скорее университетские кампусы, чем тюрьмы, и обеспечивают своим постояльцам широкие возможности для свободного выбора времяпрепровождения, стремятся обслуживать их лишь в той мере, в какой это необходимо для компенсации их слабостей и облегчения жизни, но категорически не склонны лишать их самостоятельности и делать абсолютно зависимыми от собственных услуг, т.е. задача дома престарелых — улучшить качество жизни пожилого человека с тем, чтобы скрасить последние дни его жизни, поэтому пожилые люди могут не только почувствовать себя комфортно и безопасно, но и обрести множество новых знакомств, избавиться от ежедневных бытовых забот и посвятить освободившееся время тому, чем им действительно хочется заниматься.

Проведя исследование в доме престарелых «Уинтроп Хаус», наблюдая за повседневным взаимодействием сотрудников и постояльцев, автор приходит к выводу, что многие социокультурные страхи относительно институциональных условий старения и умирания беспочвенны: действительно, часть пожилых людей плохо переносит переезд в незнакомую чужую среду из родного дома, но большая часть буквально расцветает в новых для себя условиях, а некоторые даже утверждают, что «пребывание в доме престарелых стало одним из лучших этапов в их жизни» (с. 64).

По результатам проведенных интервью и включенного наблюдения Эриксон формулирует «восемь уроков окончания жизни» (с. 111), которые ей помогли сформулировать сотрудники дома престарелых «Уинтроп Хаус», пытаясь объяснить, что их работа не только «физически, медицински, эмоционально, социально и духовно выматывающая, но и в то же время очень благодарная», поскольку позволила очень многое понять в умирании и помогла смириться со смертью.

1. «Современные медицинские технологии способны продлить жизнь пациента даже совершенно бессмысленным образом», т.е. невзирая на результирующее качество жизни и чувства пожилого человека. Нередко родственники прикладывают максимум усилий, чтобы жизнь близкого человека длилась как можно дольше, забывая о том, что чувствует ведущий почти растительное существование умирающий человек, ощущающий себя тяжким бременем для своей семьи и испытывающий поэтому не только физические, но и моральные страдания. Сотрудники домов престарелых убеждены, что вместо бессмысленного продления жизни пожилого человека лучше сосредоточиться на ее качестве — успеть пообщаться и попрощаться с умирающим родственником, принять смерть как данность и успеть сказать самые нужные и важные для всех слова, которые в погоне за дополнительным временем физического существования часто просто не успевают быть сказаны.

2. У человека всегда есть выбор, пусть даже и сложнейший экзистенциальный выбор между жизнью и смертью: даже в самых критических случаях нужно сохранять ясный рассудок и, принимая решение о подключении человека к аппаратам искусственного поддержания жизни, не забывать задавать себе вопрос, а насколько ему и его близким нужна такая жизнь. Иными словами, у каждого есть выбор: поддерживать подобное существование дальше или дать своему родному человеку уйти.

3. «Люди боятся не смерти как таковой, а смерти “плохой”, мучительной» (с. 118): сотрудники хосписов и домов престарелых утверждают, что большинство их постояльцев страшатся не столько смерти, сколько обстоятельств, которые могут ее сопровождать — люди не хотят окончательно утратить самостоятельность, стать обузой для семьи, в том числе и с точки зрения финансовых затрат, а основной страх людей, осознающих приближение смерти, — это боль и физические страдания.

4. «Человек в состоянии осознать приближение смерти» (с. 121): если в молодости смерть представляется исключительным и неожиданным событием, нарушающим рутинное течение жизни и разрывающим саму ее ткань, то в пожилом возрасте смерть превращается в неотъемлемую часть повседневного существования, которая постоянно находится где-то поблизости. Сотрудники хосписов не только не считают процесс умирания непредсказуемым, но, наоборот, могут в точности определить момент начала активного процесса умирания по целому ряду физических и поведенческих маркеров. Идентификация таких признаков позволяет им заранее психологически подготовить родственников, окружить больного максимальной заботой и помочь ему подойти к последней черте с моральной готовностью, полным осознанием происходящего и завершив все свои земные дела.

5. Сотрудники хосписов и домов престарелых считают, что смерть нужно планировать: во-первых, это избавляет родственников от многих трудностей просто потому, что умирающий заранее предупреждает их о своих пожеланиях и дает четкие указания, как следует поступать после его кончины; во-вторых, планирование смерти — важный шаг для личного осознания неизбежности смерти и примирения с ней.

6. Как ни банально это прозвучит, но на заключительном этапе жизни даже самые незначительные мелочи, свидетельствующие о внимании, заботе и участии, могут оказаться крайне важными для умирающего человека: нередко у людей на терминальных стадиях заболевания появляется страх быть отвергнутым своим окружением, потому что в современной культуре болезнь и смерть считаются чем-то неприятным, что нужно скрывать, поэтому особую важность на этом этапе обретают различные формы тактильного контакта с умирающим, не говоря уже о прочих вариантах вербальной и эмоциональной поддержки.

7. Пока человек жив, еще не поздно высказаться: по мнению сотрудников домов престарелых и хосписов, современное общество живет в плену заблуждения, что умирающего человека нужно окружить атмосферой молчания, поэтому родные зачастую пытаются оградить его от сильных эмоций и всяческих переживаний,

скрывая от него реальную тяжесть его заболевания и оставшееся время жизни. Сотрудники хосписов убеждены, что подобное поведение имеет только негативные последствия, потому что лишает людей последнего шанса поговорить честно и искренне, оказав тем самым, эмоциональную поддержку, в которой умирающий остро нуждается и по-настоящему в состоянии оценить.

8. «Сопровождение умирающего в последний путь — привилегия»: сотрудников хосписов и домов престарелых совершенно не удручает их работа, несмотря на очевидные проблемы и сложности, связанные с постоянным нахождением рядом и вместе с умирающими людьми. Наоборот, они уверены, что только в подобной ситуации можно многое понять в жизни, научиться отличать важное от преходящего и незначительного, выработать в себе способность к эмпатии и пониманию других.

Несомненно, исследование Эриксона представляет нам уникальную возможность посмотреть на жизнь пожилых людей в специализированных учреждениях и на заключительный этап жизни в современном обществе иными глазами (с позиций простого читателя) и через иную аналитическую оптику (с позиций социального исследователя), хотя оба «взгляда» взаимосвязаны, поскольку смерть — одна из редких областей нашей жизни, которая затрагивает любого, невзирая на его профессиональные интересы. Причем в гуманизации умирания, которая так претит Шмеману в силу своего предельно секулярного характера, есть масса позитивных черт именно в предлагаемом им формате сближения мира живых и мира мертвых. Однако, к сожалению, это «возвращение» умирания в нашу повседневную жизнь, пусть и в виде некоей периферийной институциональной структуры (когда пожилые люди находятся не дома, а за пределами нашего обыденного круга забот, в специализированных учреждениях), для российского общества все еще остается почти несбыточной идеальной моделью (признаемся честно, первый страх американцев, который Эриксон считает социальным мифом, в России слишком часто оказывается объективной реальностью небезопасных государственных домов презрения немощных стариков). Конечно, в России уже появилось некоторое количество частных коммерческих домов престарелых, но они, как правило, слишком дороги и потому сосредоточены в финансово благополучных крупных городских агломерациях.

Впрочем, и в Америке прекрасные частные пансионаты, несмотря на свое куда большее распространение, чем в России, пока не могут обеспечить запросы общества на получение помощи в заботе о престарелых родственниках. Эриксон честно признает, что качественную медицинскую помощь и условия проживания на заключительном этапе своей жизни сегодня может получить далеко не каждый американец: доступность таких услуг зависит от места проживания, размера населенного пункта, материального достатка и даже этнической принадлежности человека. Несмотря на то, что в США примерно треть всех расходов на здравоохранение приходится именно на заключительные этапы жизни человека, что превышает аналогичные показатели многих других развитых стран, данная система требует реконструкции, поскольку несет слишком высокие материальные издержки, которые далеко не всегда соответствуют качеству предоставляемой помощи. Прежде

всего Эриксон считает необходимым изменить отношение к паллиативной медицине: задачей общества в целом и медицины в частности должен стать максимальный комфорт человека в последние дни его жизни, а не бесконечные высокозатратные и нередко бессмысленные попытки продлить эту жизнь, невзирая на ее качество, потому что большинство пациентов на паллиативном этапе жизни нуждаются только в спокойствии, обезболивании и комфортных условиях, чтобы провести последние дни своей жизни в сознании и рядом с близкими.

Как показывают многочисленные опросы общественного мнения, россияне в целом разделяют социальные стереотипы американцев в отношении домов престарелых и передачи близких в специализированные учреждения на заключительных этапах жизни. Но, вероятнее всего, на этом сходства американского и российского обществ в отношении к смерти с позиций работы Эриксона заканчиваются, поскольку уровень развития патронажных и хосписных услуг в России крайне низок и не внушает оптимизма, учитывая объективные социально-экономические условия и коллективные представления россиян об умирании и родственных обязанностях. Тем не менее, тенденции развития некоммерческих фондов поддержки хосписного движения и домов престарелых в России в последние десятилетия позволяют надеяться, что в скором времени и в России произойдет трансформация базовых моделей восприятия смерти (не в религиозном контексте), за которой неизбежно последует и институционализация соответствующих поведенческих практик и «нормативов смерти».

И.В. Троцук, Н.Н. Кочкина

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
- [2] Елютина М.Э., Филиппова С.В. Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения // Социологические исследования. 2010. № 9.
- [3] Ильясов Ф.Н. Феномен страха смерти в современном обществе // Социологические исследования. 2010. № 9.
- [4] Лексин В.Н. Умереть в России // Мир России. 2010. Т. 19. № 4.
- [5] Rogozin Д. Социология смерти // Отечественные записки. 2010. № 5.
- [6] Сорокин П.А. Самоубийство как социальное явление // Социологические исследования. 2003. № 2.
- [7] Blauner R. Death and social structure // *Psychiatry*. 1966. Vol. 29.
- [8] Ellis L., Wahab E.A. Religiosity and fear of death: A theory-oriented review of the empirical literature // *Review of Religious Research*. 2013. Vol. 55. № 1.
- [9] Hertz R. *Death and the Right Hand*. New York, 1960.
- [10] Marshall V. *Last chapter: A sociology of aging and dying*. Belmont, 1980.
- [11] Moss M. S., Moss S.Z. Multiple social contexts in qualitative bereavement research // *Journal of Aging Studies*. 2012. Vol. 26. Vol. 4.
- [12] Nseir S., Larkey L.K. Interventions for spousal bereavement in the older adult: An evidence review // *Death Studies*. 2013. Vol. 37. № 6.
- [13] Parsons T. *Death in American society: A brief working paper* // *American Behavior Science*. 1963. Vol. 6.
- [14] Riley J.W. Dying and the meanings of death: Sociological inquiries // *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9.

**“STANDARDS OF DEATH”:
TRANSFORMATION OF INTERPRETATIONS AND PRACTICES
OF DYING IN THE CONTEMPORARY SOCIETY**

Book Review: *Protopresbyter Aleksandr Shmeman*. Liturgija smerti i sovremennaja kultura [Liturgy of Death, and Modern Culture]. M.: GRANAT, 2013. 176 s.; *Erickson K.A.* How We Die Now: Intimacy and the Work of Dying. Philadelphia: Temple University Press, 2013. 192 p.

REFERENCES

- [1] *Durkheim E.* Samoubijstvo. Sociologičeskij etjud [Suicide]. M., 1994.
- [2] *Eljutina M. Je., Filippova S.V.* Ritual'nye pohoronnye praktiki: soderzhatel'nye izmenenija [Funeral ritual practices: Substantive changes] // Sociologičeskie issledovanija. 2010. № 9.
- [3] *Il'jasov F.N.* Fenomen straha smerti v sovremennom obshhestve [Fear of death in the contemporary society] // Sociologičeskie issledovanija. 2010. № 9.
- [4] *Leksin V.N.* Umeret' v Rossii [Dying in Russia] // Mir Rossii. 2010. T. 19. № 4.
- [5] *Rogozin D.* Sociologija smerti [Sociology of death] // Otechestvennye zapiski. 2010. № 5.
- [6] *Sorokin P.A.* Samoubijstvo kak social'noe javlenie [Suicide as a social phenomenon] // Sociologičeskie issledovanija. 2003. № 2.

ОТ КОСНОЙ МОНОПРОФИЛЬНОСТИ К ГИБКОЙ МНОГОУКЛАДНОСТИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий. М.: ЛЕНАНД, 2015. 216 с.

Данная книга посвящена обоснованию нового видения проблем монопрофильных городов России — именно такую позицию во Введении постулируют ее авторы Н.Ю. Замятина и А.Н. Пилясов, признанные специалисты в области исследований монопрофильных городов, особенно расположенных в северных регионах России.

Отмечая, что в последние годы тема российских монопрофильных городов является чрезвычайно актуальной и даже модной, авторы обращают внимание на то, что большинство российских исследователей этой проблематики фактически идут по старым, давно известным интеллектуально-административным путям, связанным с такими основополагающими понятиями традиционной индустриальной государственной политики, как «градообразующие предприятия» и «отрасли промышленности». Критикуя эти всем известные традиционные подходы, авторы ставят вопрос об изменении понимания самой природы монопрофильного города, связанном с трансформацией отраслевой специализации города в функциональную.

Кроме того, авторы ставят вопрос и о разработке методологии социально-экономического развития города «снизу», т.е. на основе эндогенных факторов экономического роста и открытой промышленной политики. Суть своего критического отношения к старой экономической политике в отношении монопрофильных городов и в обосновании новых задач, связанных с трансформацией монопрофильного развития, авторы формулируют следующим образом: «По аналогии с прежним индустриальным периодом многие исследователи исходят из того, что задачи госполитики в отношении монопрофильных городов состоят в том, чтобы помочь городу найти новую, экономически выгодную и оправданную, специализацию — устойчивую на десятилетия. Однако в современных условиях это невозможно и не нужно. Новая специализация города обречена быть востребованной очень короткий период времени, а дальше — снова конкурентная гонка и инновационный поиск еще более новой и т.д. Если не понимать вот этого императива современной мировой экономики сверхбыстрого устаревания любого новшества, тогда на смену одной окостеневшей архаичной специализации просто придет другая, которая очень быстро обретет те же самые черты архаичности» (С. 13).

В первой главе «Инновационный поиск как норма жизни: необходимость смены методологического подхода к монопрофильным городам» авторы на основе обобщения зарубежного опыта последних десятилетий приходят к выводу о неуклонном «размягчении прежней жесткой производственной цепочки индустриальной конвейерной эры» (С. 17), ибо к началу XXI в. именно гибкость и мобильность становятся сутью новой экономической политики монопрофильного города,

где происходит перманентный инновационный поиск его субъектов, органично друг с другом сосуществующих. Далее, используя метафору «размягчения» производственной цепочки, авторы анализируют многочисленные случаи внутренних перемен на целлюлозно-бумажных, горно-обогатительных, нефтехимических и других предприятиях монопрофильных городов России.

Обращаясь к зарубежному опыту, авторы выделяют в нем два этапа реструктуризации монопрофильных городов. Первый этап был, как правило, связан с реструктуризацией поверхностного характера, по инерции продолжавшей уже сложившуюся производственную специализацию города лишь с добавлением в нее элементов новых технологий под централизованным государственным контролем. По мнению авторов, именно этот этап 1960—1980-х гг. на Западе до сих пор характерен для большинства российских монопрофильных образований. Второй этап реструктуризации зарубежных монопрофильных городов, начавшийся с середины 1980-х гг. и продолжающийся по сию пору, связан с развитием стратегий инновационного поиска на основе децентрализации промышленной политики с включением в нее местных акторов — не только бывших градообразующих предприятий, но и предприятий малого и среднего бизнеса, ассоциаций гражданского общества. Прежний потенциал активов промышленности трансформируется в динамично развивающиеся сектора деловых услуг (логистических, консалтинговых, финансовых, страховых), НИОКР, культурных индустрий, туризма.

Суть новой промышленной политики заключается в децентрализованном и социально укорененном развитии, но при этом надо хорошо представлять себе, как работает местная промышленность, какова местная производственная система. Для этого необходимо учитывать инфраструктуру местного знания как фактор превращения производственной системы моногорода в инновационную. Обращаясь к российскому и зарубежному опыту, авторы анализируют несколько кейсов, озаглавленных по некоторым основным направлениям инфраструктурного знания: «Взаимное обучение в становлении новой региональной специализации»; «Выставка как мера промышленной политики»; «Смена ролей: не лаборатория для шахты, а шахта для лаборатории»; «“Династические” города»; «Не средств — идей!» (С. 33—39).

Следующую главу, озаглавленную «Инновационный поиск в российских монопрофильных городах реален», авторы начинают с анализа пресловутой «зависимости от колеи» (path dependence), состоящей применительно к монопрофильным городам из трех типов «блокировок инновационного развития»: *политическая блокировка* — это альянс местной власти и градообразующего предприятия, ориентированный на инерционное сохранение межфирменных внутригородских контрактов — это *функциональная блокировка*; жесткая взаимосвязь градообразующего предприятия с определенными поставщиками и потребителями, предопределяющая представления о путях будущего развития — *когнитивная блокировка*.

Аналитическая конструкция трех типов блокировок проясняется в книге с помощью новых порций кейсов из истории и современности зарубежных и российских монопрофильных городов. Наконец, авторы обращаются к анализу специфических местных условий, снижающих блокировки инновационного развития. Они

связаны, например, со спецификой пограничного и транзитного положения, как в монопрофильных городах западной Карелии на границе с Финляндией, или вообще с популярностью традиционных ландшафтов Карелии в современном российском кинопроизводстве. Кроме того, близость к местным уникальным ресурсам, сильное муниципальное самоуправление, укорененность и активная творческая позиция городского сообщества также способствуют инновационному расшатыванию традиционной колеи монопрофильного развития.

В заключение второй главы авторы формулируют «ключевые характеристики производственной системы города, обеспечивающие возможности инновационного поиска: уровень развития малого бизнеса; уровень технологических и информационных взаимосвязей в производственной системе; уровень “горизонтальных” контактов между отдельными предприятиями и организациями; потенциальные ресурсы диверсификации за счет активизации пустующих площадок и непрофильных активов градообразующих предприятий; человеческий (образовательный) и социальный капитал горожан» (С. 72).

В третьей главе «Что делать? Спектр мер новой промышленной политики» рассмотрен целый веер разнообразных экономических, социальных, культурных мероприятий в реформируемых монопрофильных городах. Авторы подчеркивают, что становление новой промышленной политики должно происходить «сообща, постепенно, средним путем» (С. 73). Очень удачно разнообразие спектра мер новой промышленной политики представлено в специальной типологизирующей таблице «Траектория трансформации моногорода и меры промышленной политики по диверсификации» (С. 103—104). В подлежащем таблицы перечислены типичные траектории трансформации моногорода: «индустриальная диверсификация при сжатию/дроблении градообразующего предприятия; диверсификация экономики при закрытии градообразующего предприятия (агломерационная); диверсификация экономики при сохранении градообразующего предприятия; стабильный моногород без диверсификации; управляемое сжатие»; в сказуемом приведены системы мер для каждого варианта трансформации: «специфика инновационного поиска; основные блокировки развития; лечение; меры промышленной политики».

В заключение главы авторы приводят ряд удачных примеров зарубежных моногородов, преодолевших блокировки развития: шведский Норчёпинг, создавший местную базу знания для успешного инновационного обретения новой специализации; английский Сэлфорд, обретший новую медиа-специализацию через регенерацию городской среды; американский Питтсбург, удачно локализовавший сервисную предпринимательскую сеть сталелитейной промышленности.

Глава четвертая «У распутья. Спектр возможных сценариев и траекторий развития монопрофильных городов России» посвящена альтернативам российского монопрофильного развития. Для начала авторы предлагают общую схему выбора целевого (базового) сценария развития монопрофильного города и пакета мер господдержки по его реализации. Далее эта общая схема трансформируется в отдельные сценарии развития монопрофильных городов (в порядке от наихудшего к наилучшему).

К изначальным пессимистическим сценариям авторы относят закрытие моногорода, его неуправляемое сжатие и умеренно негативное развитие. Средин-

ный блок сценариев — так называемого «неустойчивого развития» — представляют «ползучая» (постепенная) модернизация и диверсификация экономики (подтип 1 — диверсификация при хороших параметрах стартовой точки развития). Наконец, последний блок — оптимистических сценариев — включает в себя диверсификацию экономики (подтип 2 — за счет внутреннего инновационного поиска при плохих параметрах старта), управляемое сжатие и диверсификацию экономики (подтип 3 — за счет внутреннего инновационного поиска при хороших параметрах стартовой точки) (С. 115).

В целом ключевыми параметрами, которые определяют суть сценариев или их группировку, являются значение градообразующего предприятия в будущем развитии города, степень инновационной активности местного сообщества, динамика численности населения и начальные параметры реализации сценария. Далее в книге приводится ряд примеров пессимистических и оптимистических сценариев развития зарубежных и российских городов, а подытоживает аналитику и эмпирику сценарного развития емкая и наглядная таблица «Ключевые особенности, риски, ограничения и возможности развития разных типов сценариев развития монопрофильных городов» (С. 129—130).

Заключительный параграф данной главы посвящен определению возможностей развития моногородов и их использования для преодоления критических рисков, которые связаны, во-первых, с инновационными поисками местным сообществом решений по гибкому приспособлению местной производственной системы к переменчивым экономическим условиям, во-вторых, с усилением вовлеченности моногорода в глобальное информационное пространство. Критические риски/угрозы развитию моногородов также объединены в две группы: во-первых, риски собственно негибкой монопрофильности города, во-вторых, дополнительные риски, связанные с существованием данного города в отрыве от основной зоны расселения. Кроме того, авторы упоминают и о рисках внутриотраслевой конкуренции для удаленных монопрофильных городов. С другой стороны, отмечены и значительные возможности преодоления рисков через привлечение диаспоры местных уроженцев, рассеянных по России и зарубежным странам и обретшей новые компетенции, а потому потенциально способствующей обучению новым компетенциям своих бывших земляков в монопрофильных населенных пунктах.

В заключение главы авторы предлагают ввести категорию «пост-монопрофильные города» (чьи градообразующие предприятия были остановлены в последние 5—10 лет), включив ее в государственные программы поддержки.

Последняя, пятая глава книги «Дорожная карта преобразований монопрофильных городов» обосновывает базовые принципы разработки дорожной карты, ее механизмы, характеристики ее узловых мероприятий, наконец, предложения по комплексной программе развития экономики моногородов с учетом взаимодействия между ключевыми федеральными органами исполнительной власти и институтами городского развития.

В кратком и емком заключении под названием «Ищите, и обрящете» не только тезисно подводятся итоги, но и постулируются фундаментальные особенности российской экономики, заключающиеся в ее многоукладности, что, по мнению авторов, означает «бесконечное разнообразие местных ситуаций, невозможность

подбора сверху единого арсенала мер поддержки, неизбежность штучной государственной и местной работы на микроуровне по подбору, в консультациях с местным сообществом, из привычных элементов уникальной местной комбинации инструментов и институтов активизации творческого поиска» (С. 183).

Книга снабжена ценными приложениями, характеризующими выборы пакетов экстренных и профилактических мер поддержки монопрофильных городов, типологию монопрофильных городов, «реестр» потенциалов институтов развития в монопрофильной трансформации и примеры зарубежного (канадского) путеводаителя по выводу из кризиса монопрофильного населенного пункта во взаимодействии местного сообщества с властями разного уровня.

Подводя итог обзору данного научного труда, следует отметить его, безусловно, новаторско-междисциплинарный характер, синтезирующий лучшие социальные, экономические, культурологические наработки российской и зарубежной обществоведческой мысли в сфере исследований трансформации монопрофильных городов в территории нового гуманистического развития. В качестве своеобразного критического замечания хотелось бы обратить внимание на специфический стиль изложения авторов книги. Стиль хорош: яркий, логичный, энергичный, оптимистичный — он вселяет в читателя веру и надежду в преодоление унылой колеи региональной монопрофильности через расширение и развитие многоукладных социальных отношений в России. Но вместе с тем проработке самой специфики многоукладности в книге уделено недостаточно внимания; кроме того, легкость и местами даже изящество стиля порой создают впечатление игровой легкости преодоления монопрофильного «защита» многих регионов России. На самом деле отечественная «монопрофильность» отнюдь не «бумажный тигр», и в настоящее время она наступает даже по многим региональным (и не только северным!) направлениям. Возможно, книге не хватает именно аналитического воспроизведения невыносимо тягостной устойчивой повседневности монопрофильных поселений, включенной в общероссийскую и глобальную картину регионального развития.

А.М. Никулин

FROM RIGID MONOECONOMIC STRUCTURE TO THE FLEXIBLE MULTISTRUCTURE

BOOK REVIEW: *Zamjatina N.Ju., Piljasov A.N. Innovacionnyj poisk v monoprofilnyh gorodah: blokirovki razvitija, novaja promyshlennaja politika i plan dejstvij [Innovative Search in Monoprofile Towns: Barriers for Development, New Industrial Policy, and Plan of Actions]. M.: LENAND, 2015. 216 s.*

НАШИ АВТОРЫ

Акулич Мария Михайловна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (e-mail: m.m.akulich@utmn.ru).

Благова Анастасия Станиславовна — аспирантка кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (e-mail: ablagva@mail.ru).

Богатырева Аза Алиевна — младший научный сотрудник исследовательской части Ингушского государственного университета (e-mail: aza-93-b@ya.ru).

Гаспаршвили Александр Тенгизович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук (e-mail: Gasparishvili@gmail.com).

Давыденкова Екатерина Сергеевна — студентка магистратуры кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: kate18.1992@mail.ru).

Ивлев Евгений Анатольевич — сотрудник Социологической лаборатории кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: ivlevdjon@mail.ru).

Катькина Анна Николаевна — помощник директора Департамента государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи Министерства образования и науки Российской Федерации (e-mail: anna.katkina@gmail.com).

Кочкина Наталья Николаевна — студентка магистратуры кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: natalie.nk@mail.ru).

Липатова Мария Евгеньевна — научный сотрудник кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: lme-tatarintseva@mail.ru).

Мудров Сергей Александрович — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института последипломного образования Новоевропейского колледжа (Бухарест, Румыния) (e-mail: mudrov@tut.by).

Мухаметжанова Винера Саяровна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры этики Российского университета дружбы народов (e-mail: mukhametzhanova_vs@pfur.ru).

Неверов Александр Викторович — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: neverov_av@pfur.ru).

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (e-mail: harmina@yandex.ru).

Парамонов Владимир Васильевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (e-mail: vvp46@mail.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (email: irina_trotsuk@rambler.ru).

Черны Карел — кандидат социологических наук, доцент кафедры исторической социологии факультета гуманитарных наук Карлова университета (e-mail: karlos.cernoch@post.cz).

Шиголакова Татьяна Борисовна — соискатель кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: stb83@lenta.ru).

Шубрт Иржи — доктор философии, профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных наук Карлова университета (e-mail: jiri.subrt@ff.cuni.cz).

Щербина Вячеслав Вячеславович — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук; заведующий кафедрой социологии организаций и социальных технологий социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: sherbina.vyacheslav@mail.ru).

Яцуценко Юлия Викторовна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: yulia.yatsutsenko@gmail.com).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ „СОЦИОЛОГИЯ“»
ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ АВТОРОВ*

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами.

1. **Объем рукописи** — от 24 до 40 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 126]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. Пронумерованный **список библиографии** не должен превышать 1 страницы и приводится **в конце статьи**. Список библиографических источников дается в алфавитном порядке: в статьях на русском языке указываются сначала источники на русском языке, далее — на иностранном; в статьях на английском языке указываются сначала источники на иностранных языках, далее — на русском с транслитерацией средствами латинского алфавита (ГОСТ 7.79-2000). Библиографические описания оформляются в соответствии со следующим образцом:

[1] Национальная доктрина образования в Российской Федерации // Вестник МАН ВШ. 2000. № 3 (13).

---

* Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

[2] *Фадеев В.Н.* Моделирование устойчивого развития предприятия. Харьков, 2001.

[3] *Арутюнов С., Козлов С.* Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс.
URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html.

После библиографического списка должна быть приведена **транслитерированная версия** русскоязычных изданий **с корректными переводами названий библиографических источников на английский язык** в квадратных скобках.

5. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. К статье прилагается ее **электронная версия на диске**. Статья может быть принята **по электронной почте (vestnik-rudn@yandex.ru) только при наличии** перечисленных ниже обязательных для приложения к статье материалов.

К статье **обязательно прилагаются**:

- ◆ **аннотация** (резюме) объемом 150—250 слов на русском и английском языках;
- ◆ **список 7—8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес.

Решение о публикации выносится в течение шести месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации представленных ими статей.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений. **Категорически не допустимы** фальсификация, манипуляция и «изобретение» данных, а также любые некорректные заимствования (плагиат) — от присвоения авторства чужой статьи до использования материалов исследований, проведенных другими авторами, без корректных ссылок на источники заимствований.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии и редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=136>.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Научный журнал

Серия
СОЦИОЛОГИЯ

Январь 2016, том 16, № 1

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «Социология»:
ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 433-20-22; e-mail: socio_pfu@mail.ru

Подписано в печать 29.02.2016. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 25,11. Тираж 500 экз. Заказ № 105

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
тел. (495) 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Scientific journal

Series
SOCIOLOGY

January 2016, Vol. 16, N 1

Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Tel. (495) 955-07-16

Address of the editorial board
Series "Sociology":
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198
Тел. +7 (495) 433-20-22,
e-mail: socio_pfu@mail.ru

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Tel. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20826

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Социология»

Количество
комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20826

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Социология»

Стои- мость	подписки	руб. ____ коп.	Количество комплектов:
	пересадесовки	руб. ____ коп.	

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество
комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стои- мость	подписки	_____ руб. _____ коп.	Количество комплектов:	_____
	переадресовки	_____ руб. _____ коп.		

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
